

Подсекция «Международное право»

Подсекция «Международное право»

Arbitration centre and recognition of foreign arbitral awards in Vietnam

Pham Thi Thanh Huyen

*Post-Graduate Student of the Faculty of Law
Voronezh State University, Voronezh City, Russia
E-mail: huyen.phamnd@gmail.com*

Since 1987, the Socialist Republic of Vietnam (“Vietnam”) has been rigorously transforming itself from a closed centralized system to an open market economy. Legal reform has been an integral part of this process. Many laws required for an efficient market economy have been enacted, amended and re-enacted to improve the legal system and, in particular, to make Vietnam a more attractive destination for trading and investment. Such new legislation and the increasingly serious enforcement efforts by the Vietnamese authorities have strengthened the confidence of the international community in Vietnam, enhancing the overall credit rating of the country in recent years.

Besides many other legal issues, dispute resolution is an important concern for foreign companies or individuals doing business in Vietnam. It is essential for them to have access to impartial, fair and enforceable mechanisms for resolving disputes that may arise between them and their Vietnamese partners.

To supplement the court system, Vietnam has a system of independent arbitration centres, established under the new Ordinance on Commercial Arbitration No 08/2003/PL-UBTVQH11 of 25 February 2003 (“Ordinance”), and the implementing Decree of Vietnamese Government on Commercial Arbitration No 25/2004/ND-CP of 15 January 2004 (“Decree”). If the parties to a commercial dispute did not want to file a petition to the People’s court, they could choose, by consensus, to resolve the dispute by an economic arbitration centre. Once established, arbitration centres operated according to their charter, arbitration rules and Vietnamese laws.

According to the Ordinance (Article 1), arbitration is restricted to the resolution of disputes arising from commercial activities, meaning the performance of one or more commercial acts by a business organization or individual, comprising purchase or sale of goods; provision of services; distribution, commercial representation or agency; bailment; leasing out or leasing; hire-purchase; construction; consulting; engineering; licensing; investment; finance and banking; insurance; exploration and exploitation; transportation of goods and passengers by air sea rail or road; and other commercial acts in accordance with laws.

A commercial dispute in the above mentioned sense will be settled by arbitration if the parties to the dispute have agreed in writing prior to the dispute, or after it arises, that such dispute would be settled by recourse to arbitration. Unless specified otherwise, the deadline for filing an arbitration case was two years from the date the dispute has arisen.

With regard to ad-hoc arbitration for disputes with a foreign element, while Vietnamese parties are bound to Vietnamese laws and the choice of arbitrators, arbitration between a Vietnamese party and a foreign element differs considerably. According to Article 49 of the Ordinance, under the agreement of the involved parties, the disputes involving foreign elements may be settled at the Arbitration Council organized by the Arbitration Centers, or at the Arbitration Councils set up by the involved parties under the provisions of the Ordinance. The Arbitration Councils organized by the Arbitration Centers or set up by the involved parties may apply other proceeding rules, if it so agreed upon by the parties. Arbitrators selected by the parties or appointed by courts may be those on or not on the lists of arbitrators of Vietnam’s

Arbitration Centers or foreign arbitrators according to their countries' law provisions on arbitration.

The Ordinance stipulated that arbitration decisions would be final and binding, unless nullified by a court. Arbitration decisions could be nullified by a court if: (i) there was no agreement on arbitration; (ii) the agreement on arbitration was void under the Ordinance; (iii) the members of the arbitration tribunal and the arbitration proceedings were not consistent with the agreement of the parties; (iv) the dispute did not fall under the authority of the arbitration tribunal; (v) the requesting party had proved that an arbitrator was violating his obligations; (vi) or the arbitration decision was contrary to the public interests of Vietnam (Article 54 of the Ordinance).

Arbitration decisions became effective upon announcement (Article 44.4). If the arbitration decision had not been voluntarily implemented within 30 days from its date of announcement, the interested party could file a request for enforcement in writing to a provincial judgment execution agency.

Beside Vietnamese arbitration centres, disputes involving foreign investors may be also settled by foreign arbitration. In 1995, Vietnam became a member of the 1958 New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards. An arbitral award rendered by a recognized international arbitration institution should be respected by Vietnamese courts without a review of the case's merit. In accordance with Article 343.2 of the Civil Procedure Code No 24/2004/QH11 of 15 June 2004 ("CPC"), Vietnam will apply the Convention only to the recognition and enforcement of awards made in the territory of another contracting State. With regard to awards made in the territory of non-contracting States, Vietnam will apply the Convention only to the extent to which those States grant reciprocal treatment. In accordance with Article 343.3 of the CPC, the arbitral awards of foreign arbitrators may also be considered by Vietnamese courts for recognition and enforcement in Vietnam on a reciprocal basis without requiring Vietnam and such foreign countries to sign or accede to international treaties on such matter.

What foreign judgments can be recognised and enforced in Vietnam?

Under the CPC, the foreign judgments can be recognised and enforced in Vietnam include: (i) judgments of a country which is a party to a relevant international treaty of which Vietnam is also a party; and (ii) foreign judgments which are permitted by the laws of Vietnam to be recognised and enforced.

Petition for recognition and enforcement in Vietnam of foreign arbitral awards must be sent to the Vietnamese Ministry of Justice and contain the stipulated in Article 364.1 of the CPC principal details. Within seven days from the date of receiving the petitions as well as accompanying papers and documents, the Ministry of Justice shall transfer the dossiers to competent courts.

In cases of opening hearing sessions, the Trial Panel, which is composed of three judges, shall not re-try the disputes which have already been dealt with by the foreign arbitrators but only check and compare the foreign arbitral awards and their accompanying papers or documents with the provisions of the CPC, other provisions of Vietnamese law and relevant international treaties which Vietnam has signed or acceded to. After considering the petitions and the accompanying papers or documents and hearing the opinions of the summoned persons and of the public prosecutor, the trial panels shall deliberate the cases and make decisions by majority. The trial panels may issue decisions to recognize and enforce the foreign arbitral awards or issue decisions not to recognize foreign arbitral awards.

Article 370.1 of the CPC provides for 7 cases where the foreign arbitral awards shall not be recognized and enforced in Vietnam. Besides, under Article 370.2 of the CPC, foreign arbitral awards shall also not be recognized and permitted for enforcement in Vietnam, if the Vietnamese courts deem that: (i) the disputes can not be resolved by the arbitration under Vietnamese law; (ii) the recognition and enforcement in Vietnam of the foreign arbitral awards run counter to the basic principles of Vietnamese law.

Reference

1. The Ordinance on Commercial Arbitration No 08/2003/PL-UBTVQH11 of 25 February 2003// <http://www.luatvietnam.vn/default.aspx?tabid=617>;
2. The Decree of Vietnamese Government on Commercial Arbitration No 25/2004/ND-CP of 15 January 2004// <http://www.luatvietnam.vn/default.aspx?tabid=617>;
3. The Civil Procedure Code No 24/2004/QH11 of 15 June 2004// <http://www.luatvietnam.vn/default.aspx?tabid=673>.

Обстоятельства, исключаящие ответственность

Ормушев Тилек Эмилбекович

Преподаватель

*Кыргызская государственная академия при Правительстве Кыргызской Республики,
Факультет Права и предпринимательства, Бишкек, Кыргызская республика*

E-mail: tilek_lawmaker@rambler.ru

Согласно п.3 ст.14 Конституции Кыргызской Республики «каждый имеет право на экономическую свободу, свободное использование своих способностей и своего имущества для любой экономической деятельности». Данное право в настоящее время грубо нарушается со стороны государства, а именно министерства промышленности, энергетики и топливных ресурсов. Каким образом нарушается? Так называемыми веерными отключениями. Ведь из-за этих веерных отключений граждане не могут в полной мере воспользоваться выше указанным правом на экономическую свободу, имуществом, которое необходимо для экономической деятельности, из-за частых отключений электроэнергии подвержены частым поломкам, что приводит к большим убыткам. Кто будет возмещать понесенные убытки?

Энергоснабжающая организация в оправдание нарушения договора с абонентами, т.е. гражданами Кыргызской Республики ссылаются на форс-мажорные обстоятельства. Данное обстоятельство, как мы знаем, исключает противоправность.

Известно, что Кыргызская Республика является поставщиком энергии не только внутри страны, но и за пределами в соседние государства. Так почему же государство не ссылается на форс-мажор при «экспорте» энергии за пределы границ государства, т.е. в международных отношениях. Разве государство не должно в первую очередь позаботиться о внутреннем рынке. Автор предложил бы государству ограничить экспорт энергии, в соседние государства, ссылаясь на форс-мажор. Однако согласно проекту статей об ответственности¹, форс-мажорная ситуация должна соответствовать определенным условиям. Во-первых, соответствующее деяние должно быть предопределено непреодолимой силой или непредвиденным событием, которое находится вне контроля данного государства. Во-вторых, выполнение обязательства оказывается материально невозможным. «Непреодолимая сила» означает, что должно существовать препятствие,

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001. Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, ст.23. Форс-мажор: «1. Противоправность деяния государства, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства, исключается, если это деяние обусловлено форс-мажором, т.е. появлением непреодолимой силы или непредвиденного события, не поддающихся контролю государства, которые сделали в данных обстоятельствах выполнение обязательства материально невозможным.

Пункт 1 не применяется, если:

- а) форс-мажорная ситуация обусловлена - либо целиком, либо в сочетании с другими факторами, - поведением ссылающегося на нее государства; или
- б) государство приняло на себя риск возникновения такой ситуации»; см. также Лукашук И. Право международной ответственности. М., 2004.

которое государство не было в состоянии избежать или которому оно не могло воспрепятствовать. «Непредвиденное событие» означает, что его наступление было невозможно предвидеть или оно было предельно маловероятным. В рассматриваемых случаях необходимо установить, можно ли было от нарушившей обязательство стороны разумно ожидать, что она приняла во внимание возможность соответствующего события. Если такое событие можно было предвидеть, то не выполнившая обязательство сторона может рассматриваться как принявшая на себя риск выполнения обязательства при наступлении такого события. Другими словами, данное государство не может ссылаться на форс-мажорное обстоятельство. По логике вещей, за уровнем воды государство должно было следить. И уровень воды за одни сутки не может понизиться. Из всего выше сказанного, ясно, что наше государство не может ссылаться на форс-мажорное обстоятельство не в внутри страны, не в международных отношениях. Но в международном праве есть обстоятельство, исключаящее противоправность которое больше всего подходит для той ситуации, которая сложилась у нас в государстве.

Это обстоятельство именуется состоянием необходимости. Термин состояние необходимости используется для обозначения таких исключительных случаев, когда государство может защитить существенный интерес, которому угрожает большая и неминуемая опасность, только путем временного неисполнения какого-либо другого международного обязательства меньшего веса или срочности. При соблюдении узко определенных в статье 25 условий ссылка на необходимость признается как обстоятельство, исключаящее противоправность.

Ссылка на состояние необходимости носит исключительный характер. В отличие от форс-мажора она не относится к поведению, которое имеет невольный характер или вынужденный характер. Состояние необходимости возникает там, где имеется неразрешимый конфликт между существенным интересом, с одной стороны, и обязательством ссылающегося на состояние необходимости государства – с другой.

Существуют довольно таки весомые источники, указывающие на наличие состояния необходимости. Этими источниками служат международные судебные решения, практика государств. Например, в споре между Англией и Португалией в 1832 году правительству Великобритании было заявлено, что:

«договоры этой страны с Португалией [не] имеют такой непреложный и строгий характер, чтобы не допускать изменений при каких бы то ни было обстоятельствах или чтобы их положения выполнялись так строго, что правительство Португалии лишено права использовать меры, которые абсолютно и непременно необходимы для безопасности и самого существования государства. Пределы необходимости, которая, оправдывает подобное отчуждение имущества британских подданных, должны зависеть от обстоятельств данного случая, однако, такая необходимость должна быть неминуемой и срочной»². В споре о «Российских котиках» в 1893 году, защищаемым от большой и неминуемой опасности существенным интересом была природная среда обитания в районе, не охваченном юрисдикцией какого-либо государства или каким-либо международным режимом. Перед опасностью уничтожения популяции тюленей в результате ничем не ограниченного промысла правительство России приняло указ, запрещающий охоту на котиков в открытом море. В письме британскому послу от 12/24 февраля 1893 года министр иностранных дел России объяснял, что эта мера была принята в силу "абсолютной необходимости в срочных временных мерах" с учетом наступления охотничьего сезона. Он "подчеркнул преимущественно предупредительный характер вышеупомянутых мер, которые были приняты под давлением исключительных

² A.D. McNair, ed., *International Law Opinions* (Cambridge, University Press, 1956), vol. II, p. 232; см. также Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, 2001, ст.25 комментарий 4) к статье 25.

обстоятельств"³ и заявил о готовности заключить с британским правительством соглашение в интересах долгосрочного урегулирования вопросов охоты на котиков в этом районе. Поскольку автор считает недопустимым ограничивать собственных граждан в потреблении электроэнергии, тем более что это не правомерно (выше давалось обоснование). А в международных отношениях данную ситуацию можно исправить только путем ссылки на состояние необходимости.

К вопросу о правовом режиме судна в морском порту

Аверочкина Т.В.

*Заведующая лабораторией кафедры морского и таможенного права, кандидат
юридических наук,*

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: tetiana_05@mail.ru

Вопросы, связанные с режимом судов в морских портах сохраняют свою актуальность уже достаточно давно, не теряя при этом своего значения и необходимости скорейшего разрешения. Это объясняется кроме прочего и тем, что на сегодняшний день отсутствует общепризнанный международно-правовой документ, который регулировал бы режим судов и их экипажей в морских портах, а Конвенцию и Статут о режиме морских портов 1923 г. ратифицировали всего лишь несколько стран.

Анализ последних исследований показывает, что в большей мере внимания удостоивались практики различных государств по установлению режимов в отдельных портах (В.В.Попов, Г.Г.Иванов), однако при этом внимание практически не уделялось двусторонним договорам между государствами по вопросам торгового мореплавания, которые зачастую и определяли правовой режим судов договаривающихся сторон в портах.

По своему правовому положению воды порта, в основном, не отличаются от внутренних морских вод, в состав которых они входят. И, следовательно, режим внутренних вод и портов устанавливается прибрежным государством по собственному усмотрению в национальном законодательстве.

Следует иметь в виду, что признание за прибрежными государствами права на самостоятельное регулирование условий захода иностранных судов в порты не должно означать, что это право вообще ничем не ограничено. Прежде всего, компетенция прибрежного государства в отношении иностранных судов должна соотноситься с общепризнанными нормами международного права (например, с принципом недискриминации). Считается, что в открытые порты должен быть обеспечен свободный доступ всех судов без какой-либо дискриминации и независимо от флага, который несет судно.

Правовой режим судна в порту – это правопорядок, которому подчинено судно в то время, когда оно находится в пределах порта, т.е. вся совокупность норм, регламентирующих права и обязанности судна при входе в порт, пребывание в нем и выходе из порта.

В соглашениях о торговом судоходстве материализуются многие обычные нормы, существующие как в практике международного торгового мореплавания, так и во взаимоотношениях договаривающихся сторон. За некоторыми исключениями, соглашения о торговом судоходстве однотипны по своему содержанию. Некоторые различия в решении одних и тех же вопросов, по всей вероятности, можно объяснить состоянием политических и экономических отношений между государствами. Они регулируют три

³ *British and Foreign State Papers*, vol. 86, p. 220. *Исследование секретариата*, пункт 155.

основные группы вопросов (вопросы судоходной политики договаривающихся сторон, режим судов и их экипажей, сотрудничество двух стран в области мореплавания).

Обычно в соглашениях определяется правовой режим пребывания иностранных судов в порту в отношении объема льгот и преимуществ при заходе в порт, взимании определенных сборов, предоставлении причалов и др. услуг. Вопрос допуска судов в порты также включается в соглашения. Так, соглашения могут содержать условие допуска только в открытые порты; перечень закрытых и/или открытых портов.

Обычно договоры и соглашения содержат один из двух видов режима: национальный режим или режим наибольшего благоприятствования. Если соглашением установлен национальный режим, то иностранные торговые суда пользуются в портах другого государства тем же режимом, что и отечественные торговые суда. Подобные нормы содержатся в соглашениях, заключенных Украиной с Российской Федерацией, Грецией, Египтом, Ираном, Кубой и др.

Предоставляя на основе взаимности судам национальный режим, государства не ставят перед собой цели уравнивать требования к судам в портах обоих государств. Основным при национальном режиме является то, что требования относительно процедуры оформления, размер взыскиваемых сборов, и другие должны быть такими же, как и по отношению к национальным судам. Из этого следует, что в портах одной стороны могут существовать сборы, которых нет в другой, или может отличаться процедура оформления прихода-отхода. В тех случаях, когда договором устанавливается национальный режим, иностранные торговые суда пользуются в портах государства тем же режимом, что и отечественные торговые суда.

Как правило, национальный режим не применяется к деятельности, которая резервируется каждой стороной для своих организаций и предприятий (в частности, в отношении плавания в каботаже, спасательных операций, лоцманской проводки, буксировки), а также к формальностям, касающимся въезда и пребывания иностранцев.

Режим наибольшего благоприятствования означает, что судам одного договаривающегося государства в портах другого предоставляется режим не худший, чем тот, которым пользуются суда какого-либо третьего государства. В случае предоставления безусловного и неограниченного режима наибольшего благоприятствования, преимущества и льготы, предусмотренные договором, предоставляются сторонами безвозмездно и без всяких условий, и любые льготы, которые в будущем будут оговорены в договорах с третьими государствами, автоматически будут распространены на договаривающиеся государства.

Иногда указывается, что договаривающиеся стороны предоставляют взаимно безусловный и неограниченный режим наибольшего благоприятствования. Указанная формула означает, что преимущества и льготы, предусмотренные договором, предоставляются сторонами безвозмездно и без всяких условий и любые льготы, которые будут оговорены в договорах с третьими государствами, автоматически распространяются на договаривающиеся государства.

Таким образом, современное международно-правовое регулирование режима судов в иностранных портах содержит крупный пробел, связанный с отсутствием общепризнанного международно-правового акта, который урегулировал бы основы правового режима в портах. Вместе с тем в сложившихся условиях международной практики довольно удобной практикой является заключение двусторонних соглашений о торговом мореплавании, в которых и получают свое закрепление режимы пребывания судов в морских портах.

Литература

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Конституция для океанов (UNCLOS 82): Учебно-методическое пособие/ Сост. Е.В. Додин, С.А. Кузнецов / Под ред. С.В. Кивалова // Библиотека журнала «Торговое мореплавание». – О., 1998.

2. Современное морское право и практика его применения / И.И. Барина, Б.С. Хейфец, М.А. Гицу и др. – М., 1985.
3. Международное публичное право: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. К.А. Бекашева. – М., 1999.
4. Черкес М.Е. Международное право: Учебное пособие. – О., 2004.
5. Киселев В.А. Некоторые вопросы регулирования допуска иностранных судов в порты // Морское право и международное судоходство: Сб. научн. тр. / Под ред. А.Л. Колодкина. – М., 1985.
6. Жудро А.К., Джавад Х.М. Морское право. – М., Транспорт, 1974.

Индивидуальная ответственность должностных лиц за установленные Европейским Судом по правам человека нарушения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: проблемы реализации в России

Александров С.В.⁴

Студент

*Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова – Ленина,
юридический факультет, г. Казань, Россия*

E-mail: stas.alexandrov@yahoo.com

Европейская система защиты прав человека, созданная в рамках Совета Европы и признаваемая большинством ученых наиболее эффективной, является ярким примером международного обеспечения прав человека. С момента присоединения Российской Федерации к Совету Европы и ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее по тексту – «Европейская Конвенция» или «Конвенция») и Протоколов к ней проблема защиты прав человека приобрела для нашей страны особую значимость. Одна из особенностей Европейской Конвенции заключается в том, что для обеспечения соблюдения международно-правовых обязательств, принимаемых на себя государствами по Конвенции, был учрежден Европейский Суд по правам человека (далее по тексту – «Европейский Суд» или «Суд»). Защита прав человека по Европейской Конвенции имеет очень большое значение для РФ. Число поступающих в Европейский Суд жалоб против России увеличивается постоянно.

В последнее время все острее встает вопрос исполнения решений Европейского Суда. В ч. 1 ст. 46 Европейской Конвенции предусмотрена обязанность государств, ратифицировавших Конвенцию, исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами. В своих постановлениях Суд, указывая на допущенные нарушения Конвенции, оставляет за государством свободу выбора мер по устранению выявленных нарушений. Исходя из принципа добросовестности исполнения международных обязательств, государством принимаются меры, направленные на реализацию решений Европейского Суда. Меры, принимаемые государством, в отношении которого Суд вынес постановление, принято делить на две основные группы: меры общего характера и меры индивидуального характера, включающие выплату справедливой компенсации.

Нельзя не согласиться с А.В. Деменевой отмечающей, что «в Российской Федерации, как правило, не возникает проблем с выплатой справедливой компенсации и иными мерами, направленными на восстановление права конкретного заявителя (мерами индивидуального характера). Однако достаточно острым является вопрос применения общих мер, направленных на устранение и предупреждение в дальнейшем установленных нарушений как таковых, а не только относительно к рассмотренной жалобе».⁵ Анализ деятельности государства по исполнению решений Европейского Суда показывает

⁴ Автор выражает признательность профессору, д.ю.н. Курдюкову Г.И. за помощь в подготовке тезисов.

⁵ Деменова А.В. О некоторых проблемах нормативного регулирования вопросов исполнения в России постановлений Европейского суда по правам человека // журнал «Юридический мир» - №9. 2007.–С.53-56.

наличие недостатков в принятии мер общего характера. Общие недостатки препятствуют эффективному исполнению в России решений Суда. Более того, они приводят к новым нарушениям и росту потока обращений жителей Российской Федерации в Европейский Суд.

Одним из серьезнейших недостатков общих мер, принимаемых государством, является отсутствие в России практики привлечения к ответственности должностных лиц за нарушения, допущенные ими и приведшие к нарушению прав граждан и организаций. Неправомерные действия должностных лиц во многом выступают причиной повторяющихся нарушений. Возникает необходимость в создании механизма персональной ответственности должностного лица за его неправомерные действия. В настоящее время, к сожалению, можно констатировать, что вынесение решения о признании действий конкретного должностного лица незаконными не влечет для этого лица никаких негативных последствий и отличается декларативностью.

А.В. Деменева отмечает, что «в случае вынесения решения Европейским судом по правам человека выносится решение в отношении целого государства» и совершенно справедливо задает вопрос: «Влечет ли решение о нарушении прав человека какую-либо ответственность для должностных лиц, виновных в этих нарушениях?».⁶ Очевидно, что за каждым делом, которое Россия проиграла заявителю в Европейском Суде, стоят конкретные должностные лица: прокурор, который проигнорировал жалобы о применении пыток; судья, допустивший нарушение срока; начальник СИЗО, который допустил бесчеловечные условия содержания в изоляторе. За решения, вынесенные против России, никто конкретно не отвечает. Следовательно, у должностных лиц отсутствует стимул воздерживаться от нарушений международных стандартов в области прав человека, они не боятся потерять работу.

Представляется, что одной из мер общего характера должно являться создание системы индивидуальной ответственности должностного лица за нарушение, установленное Европейским Судом. Ситуация, когда такая система привлечения виновных должностных лиц к ответственности отсутствует, недопустима. В противном случае, в государстве существует большая вероятность повторяемости уже установленных нарушений, поскольку конкретный судья или конкретный прокурор не изменит практики своей работы для приведения ее в соответствие со стандартами Европейской Конвенции.

Государством должен быть принят определенный комплекс мер, чтобы обеспечивать устойчивую систему эффективного исполнения решений Европейского Суда. Представляется, что введение института индивидуальной ответственности должностных лиц, виновных в нарушении Европейской Конвенции, позволило бы устранить большое количество повторяющихся нарушений Конвенции в Российской Федерации.

Литература

1. Зимненко Б.Л. (2006) Международное право и правовая система Российской Федерации: монография. – М.: РАП; Статут. – 454 с.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.): Правовая библиотека. Вып. № 11. - М.: Юрайт-Издат, 2007. – 29 с.
3. Курдюков Д.Г. (2001) Индивидуальная жалоба в контексте Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: монография. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – 192 с.
4. Манукян В.И. (2006) Европейский суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии: Научно-практическое пособие. – Киев: Истина. – 368 с.

⁶ Обязательства государств – участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда / Под ред. Л. М. Чуркиной; Общ. ред. С. И. Беляева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Гл.3. С. 94.

5. Международное публичное право. Курс лекций / Отв. ред. проф. Г. И. Курдюков. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 270 с.
6. Обязательства государств – участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда / Под ред. Л. М. Чуркиной; Общ. ред. С. И. Беляева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 134 с. (Международная защита прав человека; Вып. 5).
7. <http://www.demos-center.ru/projects/6B3771E/6B377BD/9C8ED85> (Центр содействия проведению исследований проблем гражданского общества «Демос». Россия и Европейский Суд по правам человека: проект. Аналитические записки и справки).

Международно-правовой механизм борьбы с наркопреступностью в рамках государств Андского Содружества Наций

Баданова Е.В.

Студентка 4 курса

Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,

специальность «международное право», Киев, Украина

E-mail: gridji@gmail.com

A priori рассматривая Содружество Андский Наций (АСН) как единый субъект МП, стоит проанализировать тот непростой многоуровневый механизм, который сложился во внутренних и внешних отношениях АСН в связи с борьбой с организованной наркопреступностью.

В первую очередь, следует упомянуть про основанные на Решении 458 «Указания Общей внешней политики» другие решения Андского Совета Министров Иностранных Дел (АСМИД), которые в соответствии с внутренним правом АСН имеют обязательную силу и прямое действие, в частности: Решение 505 «Андский План сотрудничества по контролю незаконного оборота наркотиков и сопутствующих преступлений», Решение 602 «Андский Регламент по контролю химических веществ, используемых для незаконного производства наркотических и психотропных веществ», а также Решение 614 «Андская стратегия единого и устойчивого альтернативного развития». Именно они образуют нормативную базу деятельности государств АСН в сфере борьбы с наркопреступностью.

Касательно Решения 505, можно отметить, что государства, проводя предписанные в Плане меры, очевидно, имеют намерение усилить действие совокупности национальных мер, а не заменить их единой схемой международно-правовых. Это подчеркивается ссылкой на национальный суверенитет, а также взаимное и добровольное сотрудничество и солидарность как принципы его осуществления в данном контексте.

В преамбуле Плана замечено, что борьба с незаконным оборотом наркотиков служит связующим звеном цепи политического сотрудничества государств АСН. Это вполне справедливо, принимая во внимание ту угрозу, которую ставит перед этим интеграционным объединением данный вид трансграничной преступной деятельности.

Важно, что План выделяет 4 уровня безопасности (субрегиональный, региональный, общеамериканский, мировой), на которых следует проводить соответствующие меры или хотя бы – преодолевать трудности, связанные с недостаточным взаимодействием и доверием. Кроме непосредственного сотрудничества (межгосударственного и межуровневого плана), особое значение имеет координация усилий и обмен опытом.

Ответственным органом в деле борьбы с наркопреступностью выступает АСМИД. Исполнительный комитет по данному вопросу состоит из представителей внешнеполитических и специализированных правоохранительных ведомств государств-участников АСН. К концу 2008 года в его рамках было проведено семь встреч, последним важным вопросом на повестке дня стало заключение соглашения о техническом

сотрудничестве (PRADICAN) при финансовой поддержке ЕС (10 млн. евро), рассчитанная на период 2008-2013 гг. Кроме того, раз в два года комитет разрабатывает план действий, который утверждается решением АСМИД, и исполнительные планы к нему. Основными сфера скоординированных действий являются контроль химических прекурсоров, механическое уничтожение урожая наркокультур, альтернативное развитие, ликвидация существующих инфраструктуры и организаций незаконного производства и транспортировки, отмывание прибылей, снижение спроса.

С другой стороны, действенной проявляет себя внутренняя (двусторонняя) модель сотрудничества между его государствами, где на первый план выходят совместные усилия приграничных служб. Кроме того, План предусматривает особые меры по наполнению системы национальных и единой для АСН баз данных про состояние наркотрафика и потребления.

В межуровневом формате сотрудничества развиваются связи с Европейским Союзом (ЕС) по линии Региональной Стратегии ЕС 2007-2013, цели и методы которой уточняются на ежегодных встречах Диалога по борьбе с наркотиками между АСН и ЕС. До недавнего времени основным вопросом на таких встречах было увеличение финансово-ресурсной помощи со стороны ЕС, выделяемой на реализацию совместных программ, а также расширение - межотраслевое и междисциплинарное - инициатив подобного рода (мнение было высказано, в частности, в 2005 г. Генеральным Секретарем АСН Аланом Вагнером). Вышеупомянутое соглашение PRADICAN стало важным проявлением таких инициатив. Ответственный за данную программу Адольфо Липес так определил вкратце ее основную цель: «Сегодня большое количество норм направлены против одного определенного объекта (наркопреступности – *Авт.*), в то время как существует потребность в достаточном объеме информации, чтобы в будущем построить единую стратегию андских государств».

В отношениях с ЕС еще одной формой сотрудничества является механизм взаимодействия по контролю между ЕС и государствами ЛАС – Латинской Америки и Карибского бассейна. На международной арене эти усилия носят характер совместного представления резолюций перед Комиссией ООН по наркотикам.

Огромную роль играет также сотрудничество с США посредством инициатив USAID, что включает такие программы, как ATPDEA, ACCESO и т.п. Однако региональное и общеамериканские усилия находят свое более яркое выражение в рамках деятельности специального комитета Организации Американских Государств по контролю наркозависимости (CICAD), который, как и CICTE (комитет по борьбе с терроризмом), проводит активную деятельность по привлечению участия национальных специализированных служб.

Следует также отметить, что, кроме регуляторной базы, необходимым элементом любого механизма является правильная реакция на внешние или внутренние неполадки в его работе. Касательно вопроса разрешения споров в рамках АСН, тема разногласий, связанных с наркотрафиком, на сегодняшний день особо актуальна (см. дело в МС ООН про распыливание гербицидов, Эквадор против Колумбии, 2008 г.). Следует отметить, что возникновение подобных проблемных ситуаций, во-первых, демонстрирует недостатки нескоординированных действий в сфере борьбы с наркопреступностью; во-вторых, дает пример иных, чем указаны выше, конкретных форм международного сотрудничества; в-третьих, выявляет определенную несостоятельность АСН в деле решения споров между его участниками.

Главный вывод из проведенной работы состоит в том, что АСН, будучи перспективным интеграционным объединением, находится задействованным в целый ряд уровней сотрудничества по борьбе с преступной деятельностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков. Это, в свою очередь, помогает ему оставаться сплоченным, хотя недостаточно стабильным субъектом международных отношений и МП.

Литература

1. Andean Community Regional Strategy Paper, European Commission, E/2007/678.
2. www.icj-cij.org (Международный Суд ООН).
3. www.comunidadandina.org (Андское Содружество Наций).
4. www.oas.org (Организация Американских Государств).
5. www.inforegion.com.pe (Информационная служба Перу).

Правовые проблемы обеспечения раннего выхода груза в морских портах⁷

Бразовская Яна Евгеньевна

Научный сотрудник

*ОУ Академия Гуманитарного Образования (Институт),
юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: bye2004@mail.ru

В Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, свобода экономической деятельности, а также закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы».

Вместе с тем сложившаяся сегодня в России правовая система, а в частности система, регулирующая морское судоходство далека от международной практики. Во многих государствах мира свобода экономической деятельности сопряжена с процессами ускорения, упрощения процессов перемещения товаров, не только фактически, но и на правовом уровне.

Наиболее важным критерием в транспортировке груза является сбор и распределение информации в реальном времени. Что может быть сделано только с использованием новейших компьютерных технологий, которые должны использоваться в морских портах. Создание единого центра оформления связано с ростом количества судов, заходящих в морские порты, и необходимостью контролировать этот процесс более тщательно, что возможно с использованием EDI - «процедуры электронного обмена документами» (англ. - Electronic Documentation Procedure / Electronic Data Interchange). В международной практике первоначально существовала аббревиатура – «EDP» «процедуры раннего выхода» (англ. - Early Departure Procedure), которая со временем трансформировалась в «EDI».

Электронная инфраструктура морского порта взаимодействует с банками, таможенными органами, операторами порта, транспортно-экспедиторскими агентами и судовыми агентами. При EDI таможня может иметь все данные, необходимые для таможенного оформления судна, еще до прихода судна в порт назначения. Технология предполагает, что еще до прихода в порт назначения документы направляются в электронном виде, а таможня производит предварительные операции и согласование действий с федеральной пограничной службой и другими контролирующими организациями. В результате появляется реальная возможность сократить продолжительность таможенного оформления судна в два-три раза.

EDI позволяет судну разгружаться немедленно по прибытию в морской порт, что соответственно уменьшает время, стоимость разгрузки, обработки и складирования груза, а также использование электронного варианта коносамента позволяет грузоотправителю изменять инструкции поставки в течение транспортировки.

⁷ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках диссертационного исследования на тему: «Правовое регулирование грузооборота в морских портах».

Как показывает опыт зарубежных стран, именно переход к EDI, является единственно верным направлением совершенствования процедуры таможенного декларирования товаров, когда подача, прием и обработка данных осуществляются в электронной форме.

Например, механизм прохождения таможенных формальностей в Японии основан на автоматизированной системе обработки сведений, необходимых для таможенных целей (NACCS), которая подразделяется на воздушную (air – NACCS) и морскую (sea – NACCS). Сейчас эти системы обслуживают приблизительно 90% всего оборота экспортно-импортных таможенных деклараций.

Начиная с 6 июля 2004 г. в соответствии с Таможенной инструкцией и Законом о торговле США постанова на якорь, к портовому причалу или в док в любой гавани в пределах таможенной территории государства возможна только если капитану порта наряду с документами на бумажных носителях, предварительно поступит вся информация в электронной форме, необходимая для очистки судна, груза, экипажа и пассажиров.⁸

В развитых странах электронный документооборот достаточно давно из инструмента упрощающего ведение бизнеса трансформировался в один из ведущих приоритетов стратегии развития и управления экономикой. Оптимизировать процесс обработки грузов в портах позволяет заблаговременная доставка сопроводительных документов в морской порт.

Сегодня в России декларирование производится, как правило, в письменной форме, процесс упрощения оформления таможенных документов ограничивается только самой подачей документов в электронном виде. Таможенный кодекс регламентирует только право заинтересованного лица подать таможенную декларацию и иные документы в электронной форме, а таможенный досмотр и осмотр все еще являются обязательными процедурами при таможенной очистке. Конечно же, полностью отказаться от таможенного досмотра и осмотра естественно невозможно, но для непосредственного ускорения грузооборота эти таможенные процедуры должны проводиться в исключительных случаях.

Исходя из изложенного, следует полагать, что на законодательном уровне необходимо *включить право* уполномоченных органов *на выдачу разрешения в электронной форме*. Что, в конечном счете, приведет к ускорению процесса таможенного оформления и при определенных условиях полная таможенная очистка судов и перевозимых на них грузов может осуществляться посредством безбумажного (автоматизированного) предоставления таможенным органам необходимых документов, без непосредственного осуществления членами комиссии оформления и контроля *на борту судна*, что возможно при внесении дополнения в действующее российское законодательство.

Литература

1. Конвенция по облегчению международного морского судоходства 1965 г. с поправками FAL-65. (2002) СПб.: ЦНИИМФ.
2. Zekos (1997) The contractual role of bills of lading under English law 39 Managerial Law, № 3.
3. www.english.mofcom.gov.cn/index.shtml (из выступления Вице-премьера председателя Правительства КНР г-на Wu Yi 25 ноября 2005г).
4. www.wcoomd.org (М. Дане. Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли. WTO. 2005)
5. www.infousa.ru (Таможенная гармонизация и содействие международной торговле (2000) // Электронный журнал Государственного департамента США, том 5, № 3).

⁸ CBP Form 1302 Trade Act Regulations.

О возможности квалификации деяний как преступлений геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказания за него 1948 г.

Власян С.Р.

Студентка

*Челябинский государственный университет,
юридический факультет, Челябинск, Россия*

E-mail: satvr@yandex.ru

Термин «геноцид» вошел в политический обиход вскоре после второй мировой войны в связи с расследованием преступлений фашизма и широко использовался в документах ООН. Но сама практика геноцида, вероятно, существовала во все известные периоды истории. Она, в частности, нашла отражение в библейских текстах (например, уничтожение древними евреями племен ханаанцев и т. п.).

Первым документом международного характера, в котором использовался термин «геноцид», был обвинительный акт от 18 октября 1945г. против главных немецких военных преступников, представших перед Нюрнбергским военным трибуналом, но и он использовал этот термин *post factum*. Ни в самом Уставе Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками европейских держав, ни в его приговоре от 1 октября 1946г. слова «геноцид» вообще не содержится.

Юридическое значение понятия "геноцид" определено Конвенцией "О предупреждении преступления геноцида и наказания за него", принятой резолюцией 260 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года и означает следующие действия с намерением полного или частичного уничтожения какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группой как таковой:

- убийство членов такой группы;
- причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Данный термин был предложен польским юристом д-ром Рафаэлем Лемке после того, как был завершен процесс прямого физического уничтожения армянского населения во всей Западной и на части Восточной Армении. Сама Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, отмечает в преамбуле, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству», подтверждает правомерность квалификации в качестве геноцида всех действий, подпадающих под описанный ею состав этого преступления. Из этого следует, что и до ее принятия и вступления в силу геноцид рассматривался как преступление по международному праву, так как в статье I рассматриваемой Конвенции стороны «подтверждают», а не устанавливают, что геноцид «является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» (Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946г.).

Квалификация геноцида как разновидности преступления против человечества содержится и в главном пункте обвинения по делу Ульриха Грейфельда и др. в Военном трибунале США в Нюрнберге. В нем говорится, что «обвиняемые совершили преступление против человечества», совершив убийства, истребления, порабощение, депортацию, аресты, истязания, преследования на почве расовой и религиозной

принадлежности и другие бесчеловечные и преступные деяния, которые «явились составной частью общего плана геноцида, предусматривающего систематическое истребление народов и этнических групп путем их физического уничтожения, а также путем разрушения и уничтожения их национальной специфики» (цит. по: Барсегов, 1990).

Особое значение для рассмотрения данной темы имеет известное консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951г, по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в котором Суд ясно отметил, что принципы, на которых основана Конвенция, являются императивными для всех государств.

Из заключения Международного суда ООН следует, что геноцид представляет собой такое преступление, предотвращение, пресечение и наказание за которое составляли и составляют обязанность любого из государств мира независимо от его участия или неучастия в Конвенции и независимо от того, были ли акты геноцида совершены до или после ее заключения и вступления в силу.

Впервые в истории геноцида такая квалификация была дана применительно к всеобщему уничтожению армянского населения турецким государством. Геноцид армян был квалифицирован *expressis verbis* - как преступление против человечества в Декларации главных союзных держав от 24 мая 1915г. В принятии этого документа, имеющего основополагающее значение в борьбе против этого тяжелого преступления, важную, хотя до сих пор еще не оцененную по достоинству роль, сыграла Россия.

Современное международное право признает наказуемость всех актов преступлений геноцида, совершенных до вступления в силу Конвенции по предупреждению преступления геноцида и наказания за него. Судебное преследование и наказание главных военных преступников на Нюрнбергском процессе не были произвольным осуществлением власти со стороны государств-победителей. Правомочия Нюрнбергского трибунала в отношении преступлений, совершенных до принятия и вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, основывались на признании геноцида преступлением против человечества на основе обычных норм международного права.

Литература

1. Адельханян Р.А.(2002) Преступность деяния по международному уголовному праву. М.: МЗ Пресс
2. Иногамова-Хегай Л.В. (2004) Преступление по международному уголовному праву и его закрепление в национальном уголовном праве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники.
3. Игнатенко Г.В. (2006) Международное право. М.: Норма
4. Скуратова А.Ю. (2008) Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства международного сообщества // Московский журнал международного права
5. Барсегов Ю.Г. (1990) Геноцид армян - преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации). Ереван: Айастан

Torture and inhuman or degrading treatment - common points and differences

Golovina A.

Student

Peoples' Friendship University of Russia, law faculty, Moscow, Russia

AllochcaRUDN@mail.ru

“No one shall be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment”.⁹ It is an imperative principle and a peremptory norm of general international law (*jus cogens*). Many countries implement it into their national legislation, as it is recognized by all the civilized nations. Russia also proclaimed it in Article 21(2) of the Constitution.¹⁰ The same provisions are included into the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.¹¹

Nowadays applicants often apply to Article 7 of the International Covenant on Civil and Political Rights to in order to add weight to the complaint. However, in the majority of cases they do not make difference between torture and inhuman or degrading treatment, which are two different crimes. The problem is that no criteria have been officially established yet. The aim of this report is to derive these criteria with the help of analysis of the doctrine of international law and the case-law of the European Court on Human Rights.

At first sight these two forms of violation of human rights have much in common. The Commission’s Report devoted to the Greek case declared that “the word “torture” is often used to describe inhuman treatment which has such purpose as obtaining of information or confession, and it is generally an aggravated form of inhuman treatment”.¹² So, inhuman or degrading treatment is broader in meaning than torture. The latter is an aggravated form of the former. In such a way we may say that the first criterion is the level of severity or the threshold of seriousness. But that threshold is not a static one, it receives a living interpretation and must be considered in the light of present-life circumstances. This view was stated clearly by the European Court of Human Rights in the Selmouni case.¹³

The second criterion deals with the executor. In case of torture pain or suffering should be “inflicted by or at the instigation of or with the consent or acquiescence of a public official or other person acting in an official capacity”.¹⁴ The Greek case is a model one for demonstrating that. On the contrary, inhuman or degrading treatment may be practiced by anybody. For example, Costello-Roberts¹⁵ and A¹⁶ cases, in both cases the treatment came from private individuals.

The third criterion is the aim of the treatment. Torture usually has such purposes as getting information, getting confession, punishment. The main defining feature of inhuman and degrading treatment, as noted above, is the element of humiliation or debasement; that’s the purpose itself. It is easy to see the difference by comparing the Selmouni v France case, the Tomani case and the Ribitsch v Austria case.¹⁷

In conclusion, it is extremely necessary to distinguish torture and inhuman or degrading treatment while talking about the responsibility. It is commonly accepted that graver crime needs severer punishment. When it deals with inhuman or degrading treatment usually the process ends with the payment of reparations by the state to the victim. For example, Russian Federation was obliged to pay 8 000 euros to Kalashnikov.¹⁸ But international law has not worked out any particular form of responsibility for torture. The European system of protection of human rights tried to solve this problem with the help of political sanctions in the famous Greek case. That demonstrated both the possibilities and the political limitations of the international protection of human rights. But it was a separate case. It is not an international practice. So, there is still much to be done.

⁹ Art 7 International Covenant on Civil and Political Rights, 999 U.N.T.S. 171.

¹⁰ Constitution of Russian Federation, December 12, 1993.

¹¹ Articles 2, 3, 4 (1), 7 European Convention for the protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, E.T.S. 5.

¹² The Greek Case, Report of 5 November 1969, (1969) 12 Yearbook 186-510.

¹³ Selmouni v France (App. 25803/94), Judgment of 28 July 1999; (2000) 29 EHRR 403; para. 101 of the judgment.

¹⁴ Article 1, Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 1987.

¹⁵ Costello-Roberts v United Kingdom, Judgment of 25 March 1993, Series A, No. 247-C; (1994) 19 EHRR 112.

¹⁶ A v United Kingdom (App. 25599/94), Judgment of 23 September 1998; (1999) 27 EHRR 611.

¹⁷ Ribitsch v Austria, Judgment of 4 December 1995, Series A, No. 336; (1996) 21 EHRR 573.

¹⁸ Kalashnikov v Russian Federation, Judgment of 15 July 2002.

Index of Authorities

1. International Covenant on Civil and Political Rights, 999 U.N.T.S. 171.
2. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, E.T.S. 5.
3. Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 1987.
4. Constitution of Russian Federation, December 12, 1993.
5. The Greek Case, Report of 5 November 1969, (1969) 12 Yearbook 186-510.
6. Selmouni v France (App. 25803/94), Judgment of 28 July 1999; (2000) 29 EHRR 403.
7. Costello-Roberts v United Kingdom, Judgment of 25 March 1993, Series A, No. 247-C; (1994) 19 EHRR 112.
8. A v United Kingdom (App. 25599/94), Judgment of 23 September 1998; (1999) 27 EHRR 611.
9. Ribitsch v Austria, Judgment of 4 December 1995, Series A, No. 336; (1996) 21 EHRR 573.
10. Kalashnikov v Russian Federation, Judgment of 15 July 2002.

Международно-правовые аспекты информационного противодействия терроризму

Головкин Д.С.

*слушатель юридического факультета
Академия ФСБ России, г. Москва, Россия
E-mail: mojpo4ta-2008@yandex.ru*

Тема представленного доклада входит в список 80 основных направлений и приоритетных проблем научных исследований в области профилактики терроризма, представленного научным советом при Совете Безопасности Российской Федерации, для утверждения последним.

Материалы доклада содержат результаты работы по изучению норм международного права, регулирующих вопросы противодействия терроризму, проводимой в рамках одного из разделов научно-исследовательской работы под названием «Общегосударственная система информационного противодействия терроризму в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития».

Информационное противодействие терроризму заключается в создании условий для устранения внешних и внутренних предпосылок к распространению террористической и экстремистской идеологии, а также в недопущении радикализации населения и снижении уровня радикализации в тех регионах, где он высок.

В докладе представлены и обоснованы основные предпосылки к налаживанию международного сотрудничества в области информационного противодействия терроризму (далее – ИПТ):

- активное внедрение и использование террористическими организациями современных информационных технологий и, как следствие, усиление информационно-пропагандистской составляющей их деятельности;
- практика размещения организационно-информационных центров террористических организаций за пределами государства-объекта воздействия, которая осложняет деятельность компетентных органов государства по прекращению их деятельности;
- усиливающееся взаимовлияние информационно-коммуникационных сфер государств, что требует унификации подходов к их регулированию, в частности, в области ИПТ;
- необходимость международно-правового закрепления прав и обязанностей государств в области ИПТ внутри государства и в межгосударственном взаимодействии.

В то же время, в процессе изучения практического опыта взаимодействия государств в указанной области выявлен ряд неочевидных на первый взгляд причин и условий,

способных существенно затруднить процесс создания норм международного права в области ИПТ. К ним относятся, например, использование рядом западных государств терроризма как инструмента для достижения своих политических целей, а также практика игнорирования деятельности на территории государства организационно-информационных центров террористических организаций, если деятельность организаций не направлена против этого государства. Отправной точкой для ряда государств при заключении международных договоров в области противодействия терроризма является желание оставить неизменным политическое давление террористов на руководство других государств, если это приводит к усилению позиции своего государства.

По данным Национального антитеррористического комитета только в 2007 году в США и странах Европы зафиксирована деятельность 59 неправительственных организаций, поддерживающих чеченских террористов (в США – 20, в Турции – 14, в Бельгии – 2, в Дании – 3, в Польше – 2, в Финляндии – 4, во Франции – 1, в ФРГ – 3, на Украине – 2, в Великобритании – члены т.н. правительства Ичкерии). Эти организации открыто осуществляют распространение террористической и экстремистской идеологии в форме проведения конференций, митингов, шествий, семинаров, создания и обслуживания Интернет-ресурсов, издания различного рода печатной продукции. Не смотря на то, что прямо против государств, где находятся данные организации, их деятельность не направлена, но способствует радикализации населения и, как следствие, ведет к возрастанию террористической угрозы для самого государства. Эта закономерность, несомненно, должна констатироваться в нормах международного права и служить предпосылкой к налаживанию взаимовыгодного международного сотрудничества в области ИПТ. Если игнорировать указанное выше явление, может сложиться ситуация, когда государства станут прибежищем террористов, действующих против государств-конкурентов в политике, экономике, военной сфере и т.д. В долгосрочной перспективе это приведет к возрастанию угроз безопасности человечества и требует решения на уровне универсальных международных организаций.

Доклад содержит анализ основных источников международного права, прямо или косвенно затрагивающих вопросы ИПТ, результатом которого стало выявление отсутствия международно-правового закрепления терминологии ИПТ, специфических для ИПТ механизмов межгосударственного взаимодействия, всего необходимого для использования этих механизмов объема прав и обязанностей государств. Также, разработан и обоснован ряд предложений по совершенствованию международно-правового регулирования рассматриваемой области, основным из которых является создание специальной международной конвенции по противодействию распространения террористической и экстремистской идеологии, которая закрепила бы основные права и обязанности государств в международном сотрудничестве государств в области ИПТ и в установлении норм национального законодательства. Определены наиболее перспективные формы закрепления этих прав и обязанностей. Особое место среди них занимают международные конвенции, заключаемые в рамках Организации договора о коллективной безопасности, организации и Шанхайской организации сотрудничества, в рамках которых реализуются наиболее значимые проекты в области обеспечения безопасности Российской Федерации. Другой перспективной формой признана специальная резолюция Совета Безопасности ООН, которая обязывала бы государства не применять двойные стандарты в области ИПТ.

В ходе работы над докладом был определен ряд перспективных направлений исследования. Ими, в частности, являются: действующие международные обычаи в области ИПТ; значение резолюций международных организаций в деятельности правоохранительных органов и спецслужб государств-участников и ряд других.

Литература

1. Орлов В.И. О причинах радикализации исламского населения // Материалы Международного научно-практического семинара «Сравнительный анализ опыта различных стран по противодействию идеологии терроризма и разработка рекомендаций по использованию этого опыта в России: научно-методические аспекты», 2008.
2. <http://www.dkb.gov.ru> (Организация договора о коллективной безопасности).
3. <http://www.mamf.ru> (Международный антитеррористический медиафорум).
4. <http://www.fsb.ru> (Федеральная служба безопасности Российской Федерации)
5. <http://www.un.org> (Организация Объединенных Наций)
6. <http://www.coe.int> (Совет Европы)

Некоторые аспекты международно-правового статуса Иерусалима
Гуласарян Артур Сергеевич

студент

Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия
E-mail: gul_artur@rambler.ru

Вопрос о статусе Иерусалима в международном праве является одним из самых сложных и спорных и его значение далеко не ограничивается лишь сторонами арабо-израильского конфликта. В силу эмоционального и потенциально взрывоопасного характера вопроса о статусе Иерусалима его обсуждение было отложено до начала переговоров между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП) о постоянном статусе. Эти переговоры, которые было решено начать не позднее третьего года переходного периода, начались в мае 1996 года, но были прерваны после первого заседания.

В Иерусалиме, который по-арабски называется Аль-Кудс, а на иврите — Иерушалаим, находятся Западная стена (Стена Плача) — единственная сохранившаяся часть Второго Иерусалимского храма, Храм Гроба Господня и Голгофы, а также мечеть Аль-Акса, первая кибла и третья по значимости святыня ислама. Таким образом, Город имеет огромное религиозное значение для миллионов верующих из всех стран мира, исповедующих три основные монотеистические религии. Будучи одним из самых древних городов мира, на всем протяжении истории Иерусалим находился на стыке различных культур и цивилизаций, и именно в этот город неизменно устремлялись паломники и завоеватели. С древнейших времен в многочисленных битвах различные народы и союзы оспаривали право на этот город, и поэтому его уникальное культурное и религиозное наследие отличается особой глубиной и богатством. Начиная с XIX века Город становится предметом притязаний как со стороны евреев, так и палестинских арабов; помимо религиозного аспекта, эти притязания приобрели политический и территориальный характер, поскольку оба народа считают этот город олицетворением своей национальной самобытности и воплощением права на самоопределение.

На протяжении 400 лет вплоть до начала первой мировой войны Палестина была одной из провинций Оттоманской империи. После распада этой империи и передачи в 1922 году мандата Лиги Наций на Палестину Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии между арабским и еврейским населением усилилась напряженность в отношении Святых Мест и особенно в отношении Стены Плача. Эта напряженность еще более усугублялась положениями мандата, против которого выступали арабы, поскольку он способствовал увеличению притока еврейских эмигрантов в Палестину и вызывал все большие опасения в отношении того, что еврейское население может взять под свой контроль Иерусалим и другие районы страны. Усилия британских властей, направленные на то, чтобы развеять эти опасения и

исправить сложившееся положение, достигли лишь временно приемлемых результатов, однако не привели к долгосрочному урегулированию этого конфликта.

В 1947 году в стране усилились беспорядки, а в 1948 году между двумя общинами началась полномасштабная война, в которую вступили соседние арабские государства. Таким образом, Иерусалим оказался в центре этого конфликта и контроль над Городом стал главной целью воюющих сторон. Пытаясь добиться окончательного урегулирования этого конфликта, Организация Объединенных Наций в 1947 году приняла План раздела Палестины, который предусматривал разделение страны на арабское и еврейское государства при сохранении единства Иерусалима посредством установления в нем международного режима под контролем Организации Объединенных Наций.

Однако реализовать это решение так и не удалось. Оно не смогло положить конец насилию или воспрепятствовать попыткам сторон силой завладеть Городом. Общее соглашение о перемирии, заключенное между Израилем и Иорданией в 1949 году, фактически узаконило раздел Города на восточный сектор, включая Старый город, контролируемый Иорданией (которая также контролировала Западный берег), и западный сектор или новый город, который застраивался начиная с XIX века, контролируемый новым Государством Израиль.

Война 1967 года, завершившаяся оккупацией Израилем Восточного Иерусалима и палестинских территорий, прекратила существование предусмотренной в Соглашении о перемирии демаркационной линии между восточным и западным секторами, однако споры относительно претензий обеих сторон вспыхнули с новой силой. Израиль, аннексировавший Восточный Иерусалим в 1980 году, считает, что «единый и неделимый Иерусалим является столицей Израиля», и хочет, чтобы Город «навсегда остался под суверенитетом Израиля». Фактический контроль Израиля над Городом позволил ему вложить огромные средства и усилия в преобразование физической инфраструктуры Города и изменение демографического состава его населения. Однако израильские претензии на Иерусалим не были признаны международным сообществом, которое отвергает приобретение территории посредством военных действий и считает любые преобразования, осуществляемые на этой территории, незаконными и недействительными. С другой стороны, палестинцы неизменно претендуют на Восточный Иерусалим, с тем чтобы провозгласить его столицей будущего независимого Палестинского государства, которое должно быть создано на территориях, оккупированных с 1967 года. В этом споре вопрос о статусе Святых Мест имеет особое значение, в связи с чем вносились предложения об установлении для них международного режима. С учетом событий, происходивших в рамках мирного процесса с 1991 года, проблема поиска взаимоприемлемого компромисса между этими двумя явно несовместимыми позициями и интересами приобрела особую актуальность.

Попытки палестинской и арабской сторон включить вопрос об Иерусалиме в повестку дня переговоров оказались безуспешными как на переговорах, предшествовавших Мадридской Мирной конференции по Ближнему Востоку в 1991 году, так и на двусторонних переговорах, проходивших в Вашингтоне в 1992 -1993 годах.

Однако в Декларации принципов, подписанной в сентябре 1993 года правительством Израиля и Организацией освобождения Палестины, предусматривается иной подход. В Декларации указывается, что переговоры о статусе Города начнутся как можно раньше, но не позднее начала третьего года переходного периода самоуправления, который начался после ухода Израиля с большей части территории сектора Газа и района Иерихона в мае 1994 года. Это соглашение существенно активизировало обсуждение планов и предложений относительно будущего Иерусалима.

Литература

1. Anthony Aust. Handbook of International Law. Cambridge, 2005

2. Принятый израильским кнессетом закон, провозглашающий Иерусалим столицей Израиля, 29 июля 1980 года; Руководящие указания правительства Израиля, июнь 1996 года.
3. www.jewishvirtuallibrary.org
4. www.newworldencyclopedia.org/entry/Jerusalem

Эволюция Содружества Независимых Государств

Добров А.В.¹⁹

Студент юридического факультета

*Киевский национальный экономический университет им. Вадима Гетьмана, Киев,
Украина*

E-mail: dobrov.alexander@gmail.com

Стремление человечества совместно решать общие проблемы, как локального, так и межнационального, общечеловеческого характера, подводят нас к тому, что в недалеком будущем все эти мечты станут явью. Задавая общий вектор развития, мы можем заметить и проследить, опираясь на реальность событий, заявления глав государств, а так же на выводы ученых – общую тенденцию развития мира. Мы находимся на половине пути от глобально сформированных «мировых центров». Одним из таких формирующихся центров, я вижу - Содружество Независимых Государств.

Народы Евразии неоднократно создавали различные объединения. Еще до нашей эры существовал скифский союз, который объединял Евразию, потом он уступил место Великому тюркскому каганату, существовавшему VI – VII нашей эры и охватившему земли от Желтого до Черного морей. На смену тюркам пришли из Сибири монголы во главе с Чингисханом. Затем инициативу взяла на себя Россия с XV в., русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Российская империя выступила, таким образом, наследницей Тюркского каганата и Монгольского улуса, и, в свою очередь, уступила место Советскому Союзу. Настоящий период характеризуется созданием и дальнейшим преобразованием Содружества.

СНГ было основано главами государств БССР, РСФСР и УССР путем подписания 8 декабря 1991 г. Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, к которому в 1993 г. присоединились 8 бывших союзных республик. Деятельность СНГ основывается на данном Соглашении, Уставе, Правилах процедуры, а так же были приняты Решения о флаге и об эмблеме СНГ. Деятельность обеспечивает в общем количестве 87 органов Содружества. В рамках Содружества, государства обозначили для взаимного решения приоритеты сотрудничества в гуманитарной, правовой, финансовой, экономической сферах, а так же в сфере обороны и охраны границ и тд.

Содружество как межгосударственное объединение сыграло важнейшую роль в решении проблемы радикального переустройства политических и экономических отношений государств на обширном евроазиатском пространстве, а также обладает значительным позитивным потенциалом: в содействии становлению суверенных, независимых государств; во взаимодействии в политической и экономической сферах; в поддержании мира и безопасности на планете; в сохранении исторической общности народов и культур; в интеграции с мировым сообществом и тд.

На процессах интеграции в СНГ сказывается разная степень подготовленности его участников и их разные подходы к проведению радикальных экономических преобразований, стремление найти собственный путь (Узбекистан, Украина), взять на себя роль лидера (Россия, Белоруссия, Казахстан), уклониться от участия в трудном договорном процессе (Туркмения), получить военно-политическую поддержку (Таджикистан), решить с помощью Содружества свои собственные проблемы (Азербайджан, Армения, Грузия).

¹⁹Автор выражает признательность доценту, к.ю.н. Ратушному С.Н. за помощь в подготовке тезисов

На пути раздельного хозяйствования возникли субрегиональные политические и экономические группы стран, порожденные разновекторной внешней стратегией. Одни из них ориентированы в основном на Россию: Договор о коллективной безопасности (ДКБ – Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан), Союзное государство Белоруссии и России (СГБР), Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС – Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан), Единое экономическое пространство (ЕЭП – Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина). Другие же выбрали иной путь: Восточноевропейский союз (Украина, Молдавия), трансформировавшись после в ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия), Центральноазиатское сотрудничество (ЦАС – Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) и конечно кавказская «четверка» (Азербайджан, Армения, Грузия, Россия). Все эти процессы, а также внутригосударственные трансформации в правовой, экономической и других сферах, дают возможность объединить интересы для достижения общих целей под «Флагом» Содружества Независимых Государств.

В процессе определения основных принципов реформирования Содружества, на заседании Совета глав государств СНГ 5 октября 2007 г. в Душанбе была принята Концепция дальнейшего развития СНГ и План основных мероприятий по ее реализации. Для этой цели Планом предусмотрены конкретные мероприятия, исполнители и сроки исполнения, в соответствии с этим уже сформирована Рабочая группа по подготовке проекта Стратегии экономического развития СНГ и уже 20 декабря того же года состоялось первое заседание на котором было предложена основа экономического сотрудничества, гуманитарного сотрудничества, в сфере миграционной политике, в сфере безопасности, и других сферах.

Литература

1. Черковец О.В. (2006) Глобализация: экономические реалии и политические мифы. М.:ЮНИТИ.
2. Статистика стран СНГ (2008) // Экономист. -2008. -№7. –С. 47-71.
3. Валовая М. (2007) Интеграционные процессы в СНГ: вопросы идеологии и практики// Общество и экономика. -№9-10, С. 38-44.
4. Фельдман Д. М. (2005) Политическое взаимодействие элит стран СНГ// Полис (Политические исследования). -2005. -№4. –С. 89-98.
5. Гребениченко С. Ф. (2005) Глобализация, интересы России и кризис СНГ// Социально-гуманитарные знания. -2005. -№5. –С. 3-25.
6. Кертман Г. Л. (2005) СНГ: между прошлым и будущим// Полис (Политические исследования). -2005. -№6. –С. 110-125.
7. www.cis.minsk.by (Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств).

Юридический статус решений Совета глав государств СНГ

Доморад О. В.²⁰

*Студентка факультета международных отношений
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
E-mail: olgadomrad@mail.ru*

Современные международные отношения можно охарактеризовать активизацией роли международных организаций. Возрастающая роль международных организаций обуславливает их активную правотворческую деятельность. Выработка норм международного права во многом зависит от эффективности и разнообразия организационных процедур правотворчества. С повышением роли международных организаций возникают новые правовые проблемы, наиболее актуальные из которых

²⁰ Автор выражает признательность к. юр. наук, доценту Ю.А. Лепешкову за помощь в подготовке тезисов.

связаны с правотворческой деятельностью международных организаций. Это, прежде всего, касается новых региональных организаций, в том числе Содружества Независимых Государств (СНГ).

Признавая немало положительных результатов деятельности СНГ, необходимо отметить, что некоторые моменты нуждаются в улучшении. Так, будущее СНГ в немалой степени зависит от эффективности его правотворческой деятельности, уровень которой нельзя охарактеризовать как достаточный.

Высший орган Содружества – Совет глав государств (СГГ) образован 21 декабря 1991 г. на Алма-атинской встрече руководителей 11 государств, возникших после распада Союза ССР. СГГ, в котором на высшем уровне переставлены все участники Содружества, обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с общими интересами государств. Каждое государство в СГГ имеет один голос. Решение принимается общим согласием – консенсусом. При этом любое государство вправе заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не является препятствием для принятия решения.

Право внесения проектов документов для рассмотрения в СГГ предоставлено государствам-членам, а также Экономическому совету и другим уставным органам Содружества. Проекты документов, подготовленные органами отраслевого сотрудничества для СГГ, представляются в Экономический совет и уставные органы в соответствии с их компетенцией, где проходят доработку и согласование. Активное участие на всех стадиях подготовки проектов документов принимает Исполнительный комитет Содружества. Принятое консенсусом решение обязательно для государств его подписавших.

И, тем не менее, подписание решений СГГ уполномоченными должностными лицами не гарантирует выполнения государствами взятых на себя обязательств. В основе механизма реализации решений СГГ лежит принцип добровольного и добросовестного выполнения государствами-участниками принятых обязательств, с учетом национальных интересов и невмешательства во внутренние дела государств.

Установлено, что после принятия решений в рамках СНГ государства должны издать национальные правовые акты о реализации принятых в Содружестве документов с указанием конкретных мер и сроков выполнения, назначат ответственных исполнителей, о чем в двухмесячный срок информируется Исполнительный комитет Содружества. Исполнительный комитет вправе только анализировать исполнение документов на основании информации, предоставленной государствами, выработать рекомендации по выполнению решений. Таким образом, в рамках СНГ действует своеобразный механизм реализации решений, который не предусматривает безусловного исполнения государствами принятых на себя обязательств. К сожалению, в Содружестве отсутствуют детально разработанные схемы и механизмы выполнения решений, не предусмотрены санкции по отношению к государствам, не выполнившим подписанные решения.

Условно решения, принятые в рамках СГГ, можно разделить на три вида:

- *решения по поводу сотрудничества государств в сферах, представляющих взаимный интерес;*
- *решения по процедурным вопросам.* Данные решения касаются организационных вопросов и порядка заседаний СГГ;
- *протокольные решения.* Эти решения обязательны для исполнения указанными в них должностными лицами и органами СНГ.

Подводя итог необходимо отметить, что до настоящего времени в рамках Содружества не урегулированы проблемы, связанные с четким определением правового статуса решений Совета глав государств и Совета глав правительств, их разграничением. Имеются разночтения при толковании юридической силы этих документов, не определен их статус в учредительных документах СНГ. В этой связи следует однозначно определить,

что все решения СГТ, устанавливающие права и обязательства для государств, подлежат непосредственному применению.

1. Барковский И.А. Правотворческая деятельность Содружества Независимых Государств. Мн., 2007
2. Вишняков В.Г., Егизаров В.А., Королев Ю.А. и др. Право и межгосударственные объединения / Под общ. ред. В.Г. Вишнякова. СПб., 2003.
3. Шумский Н.Н. Содружество Независимых Государств: проблемы и перспективы развития. Мн., 2001.

Право, применяемое при рассмотрении дел в МКАС

Дорофеева Е.Г.

студентка

*Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Российская академия правосудия» Казанский филиал, г. Казань
E-mail: rastsal@rambler.ru*

Широкое развитие международных хозяйственных связей, в том числе сотрудничества в области производства, науки и техники между организациями различных государств, делает проблемы арбитражного рассмотрения споров весьма актуальными.

Постоянно действующими арбитражными организациями в России являются Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) (до 1987 г. он назывался Внешнеторговой арбитражной комиссией — ВТАК) и Морская арбитражная комиссия (МАК). Оба арбитража состоят при Торгово-промышленной палате (ТПП) РФ и представляют собой общественные арбитражные организации.

Рассмотрение споров из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих при осуществлении международных экономических связей, которое вот уже более 70 лет осуществляет ВТАК/МКАС, осложнено задачей определения подлежащего применению права. Это касается практически всех вопросов, возникающих в ходе арбитражного разбирательства. Особое место занимает вопрос о праве, применимом к существу спора, который требует своего разрешения в каждом рассматриваемом споре, и своего обоснования в мотивировочной части каждого выносимого арбитражем решения.

Процедура третейского разбирательства является более гибкой и в меньшей степени формализованной по сравнению с нормами, применяемыми в гражданском процессе в государственных судах. Данная гибкость проявляет себя в вопросах применения материального права международным коммерческим арбитражем при разрешении споров. МКАС имеет гораздо более широкие полномочия, руководствуясь коллизионными нормами, которые он считает применимыми, а не исключительно коллизионными нормами страны местонахождения (*lex arbitrii*). Такое более либеральное условие для международного коммерческого арбитража в выборе права было предусмотрено ст. VII Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 г., в которой РФ участвует, как правопреемник СССР, включено в ст. 28 Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г., который в настоящее время приняли более 30 стран, что, однако, не привело к единообразию использования этого права различными международными арбитражами.

В течение весьма длительного периода основополагающей была коллизионная норма, предусматривающая применение закона места заключения внешнеторговой сделки.

В российской правовой доктрине практически не уделялось специального внимания вопросу о свободе выбора коллизионных норм международным коммерческим арбитражем. М.Г.Розенберг, анализируя этот вопрос, исходя из соображений необходимости обеспечения стабильности международного коммерческого оборота и принципа равного отношения к сторонам, отмечает важность обязательного мотивирования выбора арбитрами коллизионного критерия, чтобы не допустить произвольного подхода. М.Г.Розенберг высказывает мнение, что предоставление

третейскому суду права усмотрения означает лишь то, что суд может определить, с правом какого государства наиболее тесно связаны отношения сторон.

Критерий тесной связи рассматривается как гибкий и современный инструмент определения применимого права. Можно отметить сходство положений ст.1211 ГК РФ с положениями Римской конвенции, которые предусматривают возможность отказа от общей и специальной презумпций определения страны, с которой имеется тесная связь. Общая презумпция не применяется, если не может быть установлено характерное исполнение. Общая и специальная презумпция не применяется, если из всех обстоятельств в целом вытекает, что договор более тесно связан с другой страной. В ГК РФ также предусмотрена возможность отступления от общей и специальной презумпции, которая обеспечивается оговоркой о том, что предлагаемый подход определения применимого права применяется, если иное не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела.

Закон РФ о международном коммерческом арбитраже и Регламент МКАС на первое место при определении арбитражем права, применимого к разрешению спора, традиционно ставят соглашение сторон о применимом праве.

Рассмотрение споров в МКАС на основании избранного сторонами права приводило к применению как российского права, так и права многих зарубежных стран. В отдельных случаях применимое право определялось МКАС на основе критерия, предусмотренного контрагентами сделки. Например, при вынесении решений по делам № 185-2000 от 30 мая 2001 г. и № 235-2000 от 25 июня 2001 г. по искам российского акционерного общества к акционерной компании Украины МКАС исходил из положений контрактов о применении к спору материального права местонахождения истца, согласно предусмотренного сторонами критерия.

При соглашении сторон о применимом праве страны-участницы международной конвенции (например, Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.), если данной страной не сделана оговорка об обратном, МКАС признавал применимыми в качестве основного статута положения данной конвенции и субсидиарного статута – положения избранного сторонами договора.

Подтверждением признания МКАС преимущественной силы норм Конвенции являются примеры ряда решений (№ 345-1996 от 14.09.98 г., № 196-1997 от 22.11.98г.), в которых МКАС не принимал аргументы сторон, если они ссылались в обоснование своих позиций на положения ГК РФ, по вопросам, которые разрешены в тексте Конвенции. Таким образом, в тех случаях, когда спор подчинен Венской конвенции в силу согласования сторонами применения российского права, МКАС не допускал приоритетного применения норм ГК РФ по вопросам, урегулированным в Венской конвенции или параллельного применения положений ГК РФ и Венской конвенции, или их применения по выбору одной из сторон, рассматривая в этих случаях право РФ только как субсидиарно применимое к разрешению спора.

Определение избранного сторонами права при отсутствии явно выраженного соглашения сторон традиционно относят к одной из самых трудных задач, которые могут встать перед арбитрами.

Положение об ограничении принципа автономии воли сторон (также идентичное положению Римской конвенции), содержащееся в п.5 ст.1210, предусматривающей, что если из совокупности обстоятельств дела, существовавших на момент выбора права, следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан, очевидно привнесет в практику МКАС проблему, связанную с необходимостью обращения к иностранным императивным нормам, в частности, в таких областях, как экспортно-импортное регулирование, финансовое, валютное законодательство, право конкуренции. Данное положение ГК, направленное на предотвращение обхода закона страны, с которой договор тесно связан, также приобщит практику МКАС к разрешению проблемы, критерии для которой пока только складываются в международной арбитражной практике.

Национальное арбитражное законодательство иностранных государств и России во многом различается, так как каждая страна отразила в нем свою специфику, хотя ряд принципиальных

вопросов регулируется теперь практически одинаково. Это различие не могло не сказаться на международной предпринимательской деятельности, поскольку предпринимателям трудно разобраться в особенностях арбитражного законодательства стран, с которыми они имеют внешнеэкономические связи. Разрешению этой проблемы во многом способствовала унификация арбитражного регулирования, осуществляемая на основе многосторонних международных конвенций и иных международных документов по вопросу международного коммерческого арбитража.

Литература.

1. Богуславский М.М. (1994) Международное частное право М: «Международные отношения»
2. Белов А.П. (2000) Международный коммерческий арбитраж на пороге нового тысячелетия
3. <http://www.tpprf-mkac.ru> (МКАС при ТПП)

Проблемы делимитации арктических пространств

Евсеева Т.В.

Студент

*Дальневосточный государственный университет, Юридический институт,
международно-правовой факультет, Владивосток, Россия*

E-mail: tatianaev@list.ru

Интерес к северному неизведанному региону существовал на протяжении многих столетий. История же освоения Россией полярных районов насчитывает более восьмисот лет - примерно с середины XII века новгородские люди шли далеко на север к берегам «Студеного моря». В XVI веке торговым путем в европейские страны являлись северные моря с российскими таможнями и пристанями.

Сегодня Арктические территории представляют собой большой интерес для Северных держав в качестве источника богатых залежей нефти и природного газа, обнаруженных в недрах, удобного пути для судоходства (особенно торгового), который становится доступным в связи с глобальными изменениями климата и важнейшего геостратегического региона.

Россия, Канада, Норвегия, США, Дания претендуют на части арктических территорий, однако проблема заключается в сложности определения границ участков, на которые имеет право претендовать каждое из государств.

Канада с 1904 года осуществляла политику, направленную на признание ее суверенных прав на арктический сектор. В 1904 году было заявлено о пределах правовых притязаний Канады в Арктике: границы сектора проходили по меридианам 60° и 141° западной долготы до их схождения в точке Северного полюса. Канада использовала различные способы доказывания: принятие национальных правовых актов о закреплении права на территории, сотрудничество с близлежащим государством, организация заповедника, объявление этих морских территорий историческими водами.

Обостряет проблему определения статуса арктических территорий пересечение интересов государств, претендующих на определенные районы полярного региона. Территориальный спор России и Норвегии, длящийся более 30 лет, направлен на получение права на биологические и минеральные ресурсы. Сейчас в Баренцевом море образовался спорный район общей площадью около 180 000 км². Также открытым остается вопрос разграничения арктического шельфа между Россией, Данией и Норвегией.

Причина спора об арктических территориях между Россией и США кроется в необдуманных действиях царской России. Более того, сложность в разграничении соответствующего района усилена территориальной близостью, различным пониманием Россией и США линий на карте, установленных Конвенцией от 18 (30) марта 1867 года об уступке Соединённым Штатам Северо-Американских колоний Российской империи, а также различными методами определения государствами границ континентального шельфа (российская сторона придерживается метода ортодромии, а американская – локсодромии). В итоге в Беринговом море образовался спорный район. Переговоры, проходившие в 1970-х – 1980-х годах, не были успешны, несмотря на предложение США произвести раздел на основе «прагматической линии» - прямой линии, которая разделит спорные территории, в том числе морские воды и шельф дна. Позднее между представителями государств были вновь начаты переговоры, завершившиеся 1 июня 1990 года подписанием Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств, которое по договоренности применяется с 15 июня 1990 года (США ратифицировали соглашение 16 сентября 1991 года, Россия этого еще не сделала).

Следует отметить, что Международное сообщество признало раздел Арктики на пять секторов по числу стран, прилегающих к ней – Россия, США, Канада, Норвегия и Дания.

На практике применяются различные методы разграничения арктических пространств:

1) метод секторов, выдвинутый в 1904 году канадскими учеными, который в свое время подвергался критике профессором Д. Фаренд, но не был отвергнут;

2) метод прямых исходных линий, введенный в 1986 году как ответная мера на самовольные действия США, оспариваемый в 1951 году в Международном Суде ООН Великобританией в споре с Норвегией, а в дальнейшем официально закрепленный в конвенциях ООН по морскому праву 1958 и 1982 годов;

3) метод срединной (равноудаленной) линии в комбинации с необходимостью учета «особых обстоятельств», в 50-60-х годах включенный в качестве метода разграничения в статью 6 Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 года, а позднее критикуемый ввиду особой гибкости;

4) метод «принципа справедливости», впервые на высоком уровне высказанный Международным Судом ООН в 1969 году.

В выборе того или иного метода находят отражение соответствующие интересы и вероятность более благоприятного для государства исхода разрешения территориального спора. Поэтому часто государства не способны прийти к согласию, выбрав единый метод.

Каждое государство вправе самостоятельно избрать путь, который позволит придать соответствующий правовой статус определенной арктической территории. К примеру, следовать правилам Конвенции 1982 года, как это сделала Россия, подав в 2001 году заявку на рассмотрение в ООН либо, не ратифицируя документ, придерживаться принципа права свободного использования ресурсов морского дна, как полагает Ян Браунли, что подлежит дискуссии. Многие вопросы делимитации арктических пространств еще не разрешены, однако, необходимо делать шаги по разграничению сфер влияния в Арктике. Сегодня мы на пороге новых изменений и раздела столь притягательных северных территорий.

Литература

1. Вылегжанин А.Н. Правопритязания на природные ресурсы Арктики // Московский журнал международного права. 2006. № 1.
2. Гуреев С.А.; Буник И.В. К концепции проекта Федерального закона «О Северном морском пути» // Московский журнал международного права. – 2005, №1.
3. Колодкин А.Л. Континентальный шельф России в Арктике: перспективы расширения. // http://www.sea-law.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=113&Itemid=76.
4. Колодкин А.Л., Михина И.Н. Международно-правовые аспекты судоходства в морских пространствах Российской Арктики. // Транспортное право, 2002. № 3.
5. Овлащенко А.В. Притязания государств на пространства Мирового океана: историко-правовые вопросы // Транспортное право, 2005. № 2.
6. Постнов В.В. Морские границы России // Московский журнал международного права. - 2002, №4.
7. Федоров П.А. Юридические и технические аспекты определения внешней границы континентального шельфа // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982, № 4.
8. Ariel Cohen, Lajos F. Szaszdi, Jim Dolbow. The New Cold War: Reviving the U.S. Presence in the Arctic // Backgrounder, 2008, № 2202.
9. Ariel Cohen. Russia's race for the Arctic // Web Memo, 2007, № 1582.
10. Jan Brownlie. Principles of public International Law. QC, DCL, FBA Clarendon press. Oxford, 1990.
11. www.expert.ru/interview/2007/10/16/kazmin (Онлайн-интервью с Юрием Казминым, главным геологом ОАО «Севернефтегаз», членом Комиссии ООН по границам континентального шельфа).

Институт почетного консула в современном международном праве.

Гриненко Е. А.

научный сотрудник, кандидат юридических наук

Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

E-mail: grinenko-a@ukr.net

Институт почетного консула общепризнанно является одним из наиболее давних в международном праве и международных отношениях. Упоминания о нем можно найти в Древнем Риме, Египте (VI в. до н.э.) и Греции. В последней имел место институт *proxenii*, при котором общественность одного полиса присуждала титул *proxenos*'а гражданину другого полиса для выполнения им представительских и покровительственных функций граждан, от которых он и получил данный титул, в своем полисе.

Но несмотря на то, что данный институт является далеко не новым и на эту тему написано достаточно работ, все они в большей степени касаются теории. Что же касается практического выполнения почетными консулами их функций, то это сторона вопроса все еще остается исследованной не до конца.

На теоретическом уровне институт почетного консула закреплен как в международном праве, так и в национальном. Прежде всего это вытекает из Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года, в национальном праве – из Указов Президента Украины «О консульском уставе», и непосредственно «О нештатных (почетных) консулах Украины», в российском законодательстве следует упомянуть Положение о почетном консуле Российской Федерации.

Из вышеперечисленных документов следует, что почетным консулом может быть гражданин страны, которую почетный консул представляет, либо же гражданин страны пребывания, при этом должен занимать «значительное положение в обществе страны пребывания», и имеет необходимые качества, безупречную репутацию, хорошо осведомлен об особенностях государственного, политического и общественного строя

государства пребывания, имеет значительный общественный статус и постоянные контакты с представителями правительственных, деловых и общественных кругов государства пребывания, ориентируется в законодательстве.

Последнее, а именно достаточное знание законодательства, как представляется, должно занимать первое место в списке требований к кандидату. Проблема проявляется в том, что знание законодательства страны как такового для должности почетного консула является, как показывает практика, не всегда достаточной. К этому вопросу стоит подойти более ответственно во избежание нежелательных последствий конкретных действий почетного консула. В связи с этим стоит обращать внимание на знание и понимание кандидата на должность почетного консула не столько законодательства конкретной страны, сколько права в широком смысле этого слова. Поскольку почетный консул не всегда имеет возможность консультироваться с юристами и часто ему необходимо принимать решения в сжатые сроки, руководствуясь исключительно ситуацией, своими познаниями и своей компетенцией.

Кроме того, обоснованность его действий осложняется фактически применением законодательств как минимум двух стран (в случае, если почетный консул представляет интересы только одной страны) – его действия не должны в определенной мере противоречить законодательству страны пребывания и одновременно соотноситься с законодательством страны, которую он представляет, и все это должно осуществляться в рамках международного права. В этих условиях обойтись знанием законодательства одной страны практически невозможно.

Поэтому умение ориентироваться в нормах международного права, по крайней мере тех, которые касаются непосредственно прав, функций и обязанностей почетного консула является необходимым требованием к кандидату на соответствующую должность. Принимая во внимание, что знание права, в том числе международного, а также национального законодательства в общепринятом понимании может получить лицо с высшим юридическим образованием, то этот критерий должен быть оговорен в первую очередь.

Показательным является пример назначения почетным консулом Германии в Украине частного нотариуса – гражданина Украины. Из короткой характеристики этого назначения можно назвать это назначение оправданным, поскольку частный нотариус имеет определенный опыт работы по оформлению документов, как правило всегда пользуется уважением среди различных кругов населения и предоставляет гражданам помощь правового характера. Таким образом, назначая почетным консулом нотариуса, страна получает защиту собственных интересов своих граждан на территории другого государства. Поэтому назначение на должность почетного консула профессионального юриста является обоснованным и требует дальнейшего отображения в деятельности Министерства иностранных дел каждой страны.

Другой вопрос состоит в том, что одной из основных функций почетного консула является защита в стране пребывания интересов страны, которую он представляет, ее граждан, юридических лиц и предоставление им помощи в пределах, допустимых законодательством.

Под предоставлением помощи следует понимать разноплановую помощь, которая включает в том числе и юридическую. Для осуществления этой возможности на официальном уровне с лицом, которое назначается почетным консулом, Министерство иностранных дел заключает договор о выполнении консульских функций, исполнение которых поручается почетному консулу, а также об обязанностях почетного консула, которые возникают в связи с исполнением им подобных функций. Однако типового договора о консульских функциях, который был бы утвержден на законодательном уровне, найти не удалось. Это говорит о том, что фактически подобной формы не существует и вопрос об исполнении почетным консулом его функций на практике остается открытым.

Секция «Юриспруденция»

Кроме того, не урегулированы вопросы относительно выполнения почетным консулом нотариальной функции, в том числе возможности осуществления им определенных видов нотариальных действий.

Как видно из изложенного, несмотря на длительную историю института почетных консулов и кажущуюся исследовательность этого явления, на данный момент определенное количество вопросов с правовой точки зрения остаются открытыми и далее продолжают возникать в процессе эволюционирования международных отношений.

Литература:

- 1). Репецкий В.М. Дипломатичне і консульське право. - Львів.: ВАТ Бібльос, 2002.
- 2). Roskin G., Berry N.O. The New World of International Relations. Second edition. - New Jersey: Prentice-Hall, 1993.
- 3). Sylwestrzak A. Historia doktryn politycznych i prawnych. — Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994.
- 4). Фурса С.Я. Нотаріальний процес. Теоретичні основи. – К.: Істина. 2002. –320 с.
- 5). Гріненко О.О. Правовий статус консула при виконанні нотаріальної функції. – К.: Центр правових досліджень Фурси. 2005. – 350с.
- 6). Современные международные отношения. / Под.род, А.В. Торкунова. - М.: РОССПЭН, 2001.
- 7). Право зовнішніх зносин. Міжнародне право в документах. – К.: Видавничий дім „Промені”. 2003. – 782с.
- 8).Зленко А. Зовнішньополітична стратегія і дипломатія України. Підручник – К.: ВПЦ КИЇВСЬКИЙ університет. 2008.- 383с.

Juridical Aspects Of The Federal Customs Service Activity Within The Framework Of The APEC During Economic Crisis

Zhdankov A.N.

Student

Russian Customs Academy, Law Faculty, Liubertsy, Russia

E-mail: zhdankoff@mail.ru

The Asia-Pacific Economic Cooperation is the premier forum for facilitating economic growth, cooperation, trade and investment in the Asia-Pacific region (APR).

The APEC is the only inter governmental grouping in the world operating on the basis of non-binding commitments, open dialogue and equal respect for the views of all participants.

Asian and Pacific nations are increasingly becoming the leaders of global advance. They are justifiably called "the region of the 21st century", and "the locomotive of global economy". It is in this region that the Russian economy comes into direct contact with the biggest (after the

EU) world economies - the United States, China, Japan, India, ASEAN and the rapidly progressing Latin American countries.

The development of Russia can only be successful if it participates most actively in the regional integration process.

Russia understands very well its unique potential as a transit territory. Transportation of goods through our territory proves to be much cheaper than the choice of other trade routes. Here we are referring to the cargo flows between the two powerful centers of the world economy – Pacific and European. Customs have already accumulated a meaningful practical experience in this sphere. However, such projects require international cooperation within the framework of a vast region. The APEC is precisely the mechanism for such cooperation.

The transport and other main routes crossing the extensive space of the Central Asia offer great prospects for transit between the Pacific and European regions and will directly influence the accelerated development of the regions through which these main routes pass.

Participation in the APEC is an undeniable and long-term priority of the foreign economic policy and customs policy in particular of Russia towards the Asia-Pacific Region. The objective of the Federal Customs Service is to promote economic development of Russia, above all the regions of Siberia and the Far East. Two main and interrelated tasks are obvious in this context. The first one is to apply in our country common standards and collective practical experience of the APEC consistent with our national interests, requirements and potential. The second one is to promote, through the APEC, Russian technologies, conceptual designs, methodologies, as well as specific products, technologies and equipment.

At their meeting in Singapore during 15 to 16 February, the APEC Senior Officials emphasized the importance of taking appropriate fiscal, monetary and social resilience measures to help businesses and individuals tide over the economic crisis, which would relieve domestic pressure for trade restrictive measures that protect local jobs and industries. There was a strong consensus that restrictions on trade and investment would only deepen and prolong the economic downturn.

They agreed that it was important to monitor compliance with the commitment made by APEC Leaders in Lima in November 2008 to refrain from raising new barriers to trade and investment or stimulating exports in a manner inconsistent with World Trade Organization rules.

Senior Officials agreed that the APEC's best contribution to sustaining growth in the Asia-Pacific region over the medium-term would be through accelerating regional economic integration. It would help cut business costs, and rebuild confidence. They also agreed that the economic crisis was an opportunity to carry out structural reforms that would help boost competitiveness and better position economies for recovery. A threefold comprehensive approach to accelerate regional economic integration was developed: first, liberalizing trade and investment flows 'at the border'; second, improving the business environment 'behind the border'; and third, enhancing physical connectivity 'across the border'.

So, trade liberalization will encourage greater trade and investment flows; create new business opportunities and jobs in the Asia-Pacific region; and contribute to the APEC's achievement of its goals.

But first, in spite of declining tariff rates brought about by successive round of trade liberalization, the revenue mobilization and control functions of customs are remain substantial

for several reasons: (a) the fiscal dependency on customs revenues is likely to linger for some time, in light of the difficulty many developing countries encounter in broadening their tax bases; (b) imports will probably constitute a major tax base for levying value-added tax (VAT), and customs is well positioned to control the goods at the time of importation; (c) customs remain the responsible agency to ensure that goods that were imported for other than home consumption are not diverted to such consumption; and (d) assessing VAT refunds on exported goods will continue to require a high level of control over exported goods.

On the contrary customs continues to be responsible for effective and efficient border management to facilitate trade, a major contributor to the international competitiveness of nations. This will occur regardless of whether trade facilitation is formally incorporated into multilateral trade negotiations. As such, harmonizing, simplifying, and effectively coordinating all national border management requirements and commitments will remain priority responsibilities of customs.

Then, based on a heightened awareness of the threat posed by international terrorism and transnational organized crime, customs administrations take on a larger role in ensuring national security and law enforcement. To that effect, customs administrations are likely to institute a range of changes to systems, procedures, and even administrative responsibilities to increase confidence in the level of control exercised over both imports and exports. Security checks will increasingly take place at the point of export in addition to the point of entry.

For customs administrations to effectively manage these sometimes apparently contradictory objectives, a wide range of new approaches, systems, procedures, and operating methodologies will have to be developed and implemented.

The research has shown that contextual factors necessary for a successful Federal Customs Service control of international trade within the framework of the APEC during world economic crisis are:

1. Awareness that Customs operates in an increasingly globalized environment
2. Political support at the highest level
3. Adequate Diagnostic Work
4. Desire to reduce transaction costs

Integration processes within the framework of the APEC would do well to factor all possible negative reactions into the design of reducing crisis consequences and using the capacity of Customs.

Literature

1. About the APEC (<http://www.apec2009.sg>)
2. Free Trade Agreements And Regional Trading Agreements (http://www.apec.org/webapps/fta_rta_information.html)
3. The APEC Senior Officials Make Resisting Protectionism And Accelerating Economic Integration Key Priorities For APEC 2009 (http://www.apec2009.sg/index.php?option=com_content&view=article&id=122&Itemid=84)
4. RUSSIA ? APEC: Broad horizons of cooperation (<http://www.deltaexpo.com>)
5. Russia - Asia-Pacific region: Dialogue of MPs (<http://en.rian.ru/analysis/20070122/59481854-send.html>)

Деятельность Дисциплинарного совета при Международном уголовном суде.

Попов Кирилл Александрович

студент

Уральская Государственная Юридическая Академия, Институт Юстиции

г. Екатеринбург, Россия

Источники права, регулирующие деятельность Защитника в органах международной уголовной юстиции включают в себя, международные договоры, акты ООН, а также внутренние акты, регулирующие деятельность органа международной уголовной юстиции. К внутренним актам относятся Правила процедуры и доказывания, Регламент, Кодексы профессионального поведения адвокатов и лиц, содействующих правосудию. Применение Кодексов профессионального поведения адвокатов являются неотъемлемой частью общих принципов, регулирующих вопросы практики и этики юристов. Инкорпорация системы кодексов профессионального поведения и этики из системы англосаксонского права в обычное международное право явилось новеллой правотворческой практики международных организаций постнюрнбергского периода. Впервые, в органах международной уголовной юстиции данные кодексы были применены в трибуналах ad hoc, международном трибунале для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (далее МТБЮ) в 1997г. и международном уголовном трибунале для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. в 1997г. Для Международного уголовного суда (далее Суд) Кодекс профессионального поведения адвоката был принят в 2004г. (далее Кодекс).

Общим элементом кодексов профессиональной этики является вопрос о создании органа, наделенного полномочиями дисциплинарного взыскания по отношению к членам профессионального сообщества. При этом данный орган является структурой, действующей при органе международной уголовной юстиции. К сожалению, в литературе, посвященной работе Суда, деятельность дисциплинарных органов не получила достаточного освещения, единственный анализ, на основе внутреннего права МТБЮ, был проведен Марусиным И.С., который высказал мнение, что правовая природа дисциплинарных органов, является квазисудебной.

Связь между деятельностью дисциплинарного органа и Суда состоит в том, что разработка Кодекса возлагается на Секретаря Суда (правило 8 Правил процедуры и доказывания Суда), органом официального опубликования решений дисциплинарного органа является Официальный журнал Суда (ч.4 ст. 41 Кодекса), и в передаче Суду полномочий по применению некоторых мер взыскания, предусмотренных ст.42 Кодекса, приостановление права на ведение дел в Суде или постоянный запрет на ведение дел в Суде.

Дисциплинарному органу подсудны адвокаты, выступающие представителями лиц, подвергающихся судебному преследованию. Адвокат, практикующий в Международном уголовном суде, несет не только личную ответственность за свои действия или бездействия, но и отвечает, в пределах установленных ч.1 ст. 33 Кодекса, за поведение помощников и других сотрудников адвокатов. Основание ответственности за сотрудников, вытекает из положения ч.2 ст. 1 Кодекса по которой, адвокаты должны совершать надзор за работой своих помощников и других сотрудников, включая следователей, технических сотрудников или исследователей, для обеспечения соблюдения ими положения Кодексов.

Юрисдикция Кодексов обладает приматом по отношению к другим Кодексам профессиональной этики и ответственности, которые адвокаты обязаны соблюдать (ст.4 Кодекса), но можно предположить, что данный примат будет действовать исключительно, для практики Дисциплинарного совета при Суде, т.к. ст.31 Кодекса устанавливает, что создание дисциплинарного режима не ставит целью запрета или ограничения каким-либо образом дисциплинарных полномочий любого другого дисциплинарного органа, которые могут применяться в отношении адвокатов.

Исполнение мер взыскания, в виде Замечания или публичного выговора с занесением в личное дело адвоката, могут быть применены самим Дисциплинарным советом и являются традиционными для практики органов, наделенных полномочиями дисциплинарного взыскания по отношению к членам профессионального сообщества, то решение о приостановлении права на ведение дел в Суде (соответствующее традиционной мере, приостановлению полномочий) или постоянный запрет на ведение дел в Суде (соответствующий традиционной мере, в виде исключения из профессионального сообщества), может быть исполнено исключительно на основании акта Суда. Процедура исполнения мер взыскания, наложенных Дисциплинарным советом, понятна для всех мер взыскания, за исключением мер материального взыскания, в случае наложения штрафа в 30 000 Евро, можно предположить, что данная мера взыскания может быть исполнена исключительно на основании принципа добровольности участия в органах профессионального сообщества и связанного с ним принципа добровольности исполнения решений органа, наделенного полномочиями дисциплинарного взыскания, что проявляет квазисудебную природу данного органа.

Литература

1. Кодекс профессиональной этики адвоката <http://www.un.org/icc.htm>
2. Марусин И.С. Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. – СПб., Издательский Дом СПбГУ, 2004.

3. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности.- М., Издательский дом Шумиловой И.И., 2006

4. Правила процедуры и доказывания/
<http://www.un.org/icc.htm>

«Некоторые аспекты использования геостационарной орбиты» – проект единого документа правового регулирования

Клименко Юлия Сергеевна
аспирант

Институт государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, Киев, Украина
E-mail: ukka@mail.ru

Совершенно очевидно, что проблема правового статуса орбитально-спектральных ресурсов геостационарной орбиты (ГСО) является актуальным вопросом международно-правового регулирования. В тоже время, существование целого ряда вопросов политического, правового и технического характера, возникших еще в первую декаду практического использования этой орбиты, не способствовали достижению специального договорного урегулирования вопроса. В 2000 г., как результат долгой и кропотливой деятельности специальной Рабочей группы Комитета ООН по космосу, было принято так называемое Соглашение о ГСО (Соглашение) – «Некоторые аспекты использования геостационарной орбиты» [1], которое содержит консенсуальные определения относительно правового статуса и режима ГСО.

Данный документ состоит всего лишь из 8 статей, которые являются нормами декларативного характера, своего рода компромиссными формулами управления использованием орбитальных позиций и соответствующих радиочастот ГСО. Условно в тексте можно выделить регулируемые группы правоотношений, которые связаны с порядком доступа и эксплуатацией ресурсов орбиты, сферой полномочий различных структурных элементов системы ООН в области распределения таких ресурсов и т. д..

Пункты 1 – 5 Соглашения охватывают исторические предпосылки и цели принятия документа, а также касаются некоторых положений правового режима ГСО.

Консенсуальные предложения, по нашему мнению, прописаны в пунктах 6 – 8 этого документа. Так, пункт 6 содержит гарантии справедливого, равноправного доступа к ГСО – «существует потребность облегчить доступ развивающихся стран или стран, которые еще не имеют доступа к ресурсам орбиты, относительно тех, которые уже используют ее, то есть гарантировать равноправный доступ между странами, которые стремятся к этому». При этом, анализируя данное положение необходимо помнить, что юридическое содержание понятия «равноправие» не подразумевает абсолютного равенства государств.

Пункт 7 отражает ведущую роль Международного союза электросвязи (МСЭ) в вопросах «планирования использования диапазонов частот и спутниковых служб для ГСО». Вместе с тем отмечаются недостатки существующей регламентарной процедуры доступа к орбите, которая «может привести к ситуации, при которой возможно возникновение трудностей в координации действий, как для развитых, так и для развивающихся стран».

Пункт 8 включает наиболее дискуссионные положения, которые в конечном итоге закрепили сбалансированное объединение принципов эффективности и справедливости в сфере использования ГСО. Получил развитие вопрос законности и целесообразности поведения государств в случае существования одновременных заявок относительно доступа к ресурсам орбиты, страной, которая уже имеет свои геостационарные спутники и развивающейся страной. А именно: «в случае одновременных запросов о доступе, страна, уже имеющая такой доступ должна принять все реальные меры, чтобы позволить развивающейся стране или другой стране иметь равноправный доступ к требуемому

ресурсу. Страны, желающие использовать данный ресурс регистрируют такие запросы согласно положениям Регламента Радиосвязи, чтобы гарантировать эффективное использование».

В подпунктах 8 (с) и (d) отражен вопрос соответствующей компетенции Комитета ООН по космосу, а именно его Юридического подкомитета и МСЭ. Вопрос относительно ГСО «продолжает оставаться на повестке дня подкомитета», то есть определяется его роль как надлежащего юридического форума. А тезис относительно того, что «данный документ будет доступным для МСЭ» подчеркивает независимость и специализированную направленность деятельности этой организации в сфере международного распределения ресурсов ГСО.

Анализируя нормы Соглашения необходимо остановиться на явных недостатках документа. Так, раскрывая вопрос правового статуса орбиты, следует отметить отсутствие пространственного определения ГСО. Также, в частности, не отражен важнейший элемент юридической природы орбиты – ГСО является неотъемлемой частью космического пространства.

Фундаментальный принцип – осуществление деятельности на ГСО в соответствии с нормами международного права и юридическо-техническими правилами МСЭ – должен быть отражен в аналогичном документе т. к. является основой правового статуса орбиты. Также следует закрепить критерии эффективного использования ГСО (как соотношения экономного потребления ресурсов орбиты и удовлетворительного уровня работы необходимых спутниковых служб) и справедливого доступа к данным ресурсам (как соотношения реальных потребностей и технических возможностей государств использовать ГСО).

Следует также коснуться вопросов объема прав и обязанностей субъектов космической деятельности в сфере использования ГСО потому, что усложненный предмет рассматриваемых правоотношений требует дополнительных, более гибких, мобильных инструментов регулирования. Кроме того, анализ современного состояния регламентарной процедуры МСЭ говорит о частых случаях явных, умышленных нарушений норм международного космического права (МКП) при эксплуатации орбитально-спектральных ресурсов, например, проблема «бумажных спутников» или иные способы блокирования орбиты.

Вопрос эксплуатации ГСО, бесспорно, затрагивает политические интересы государств, значит и подобная договоренность должна быть, своего рода, юридическим ориентиром, а значит, заключать ряд исходных формулировок-программ общего характера, например, «использование в мирных целях», «на благо всего человечества», «на основе развития международного сотрудничества и взаимопонимания» и т. п.. Существование таких положений будет свидетельствовать об органической связи данного документа и норм МКП.

Некоторые положения данного своеобразного кодекса поведения или же минимального свода правил, это лишь констатация фактов, а не юридические принципы, но они отражают попытку усовершенствования и дополнения МКП, которое должно быть направлено на укрепление будущего сотрудничества и завершиться принятием юридически обязательного документа. Детализация положений Соглашения и преобразование их в императивные нормы может произойти путем включения данных положений в один из разделов универсальной всеобъемлющей конвенции по космическому праву. Не исключено, что это будет единственно правильным способом разрешить вопросы, которые «приобретают если не конфронтационный характер, то, по крайней мере, характер нерешаемых проблем ввиду различного отношения государств к их возможному решению» [2].

Содержание анализируемого документа полностью соответствует своему названию, это всего лишь «некоторые аспекты» использования ГСО. Но принятием такого рода договоренности уже, де-факто, было выражено позитивное намерение и готовность

государств приступить к закреплению единогласного определения правового статуса орбиты.

1. Committee on the Peaceful Uses of Outer Space. Report of the Legal Subcommittee on its thirty-ninth session. (2000) A/AC.105/738. Annex III. General Assembly UN.
2. Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Неотредактированная стенограмма. (2001) COPUOS/LEGAL/T.647. ООН.

Односторонний акт обещания в международном праве: некоторые вопросы теории и практики

Коннова Е.В.

аспирант

Белорусский государственный университет, факультет международных отношений,

Минск, Беларусь

E-mail: elekon@tut.by

Обещание, или декларация обязательства, является одним из классических видов односторонних актов государств, однако, юридическая природа именно этого акта наиболее часто подвергается сомнению в доктрине международного права. В международной судебной практике можно найти ряд свидетельств существования односторонних обещаний и порождения ими международно-правовых последствий (см. напр. дела: Мавроматтис, О некоторых немецких интересах в польской Верхней Силезии, О правовом статусе Восточной Гренландии, Консультативные заключения по делу о школах для национальных меньшинств в Албании и по Международному статусу Юго-Западной Африки и др.). Самым убедительным доказательством юридической силы односторонних обещаний, несомненно, является решение Международного суда ООН по делу о ядерных испытаниях 1974 г. В связи с этим, полагаем, что сомнения в существовании односторонних юридических обещаний, вызывающих международно-правовые обязательства, неоправданны.

Полагаем, что примером такого обещания могут служить «негативные гарантии безопасности» - гарантии неприменения ядерного оружия, предоставленные ядерными державами другим государствам-участникам Договора о нераспространении ядерного оружия (в 1968 и в 1995 гг.). Некоторые ученые не считают эти заявления юридически обязательными. В качестве одного из доводов приводится негативная реакция, которую гарантии вызвали у их адресатов. Последние действительно отнеслись к этим заверениям весьма скептически. Так, например, в ходе обсуждений гарантий в Совете Безопасности представитель Малайзии заявил, что «эти пять заявлений ... лишены правовой силы... [и] не внушают большой уверенности» [3, С. 20].

По нашему мнению, данные заявления все же возможно квалифицировать как односторонние юридические обещания. Тот факт, что они не вызвали должного доверия со стороны третьих государств, не лишает их юридически обязательного характера, т.к. односторонний юридический акт не требует признания со стороны его адресатов для вступления в силу. Так, в деле о свободных зонах Верхней Савойи (Франция против Швейцарии, 1932 г.) был признан юридически обязательный характер швейцарской односторонней декларации об условиях движения товаров между спорными регионами, невзирая на однозначные сомнения Франции в ее обязательности [4, pp.168-170].

По юридической природе рассматриваемые заявления ядерных держав сравнимы с односторонними заверениями Германии о ненападении, сделанными накануне Второй мировой войны в адрес Австрии, Бельгии, Чехословакии, Норвегии, Люксембурга, Югославии и Нидерландов. Их нарушение рассматривалось Нюрнбергским трибуналом наряду с нарушением Гаагских конвенций о мирном разрешении международных споров 1899 и 1907 гг., III и V Гаагских конвенций 1907 г., Версальского договора 1919 г. и некоторых других международных договоров [2, С.338-340]. Подобным образом в один

ряд с международными договорами Международный Суд ставит негативные гарантии безопасности в Консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г.: «Что касается договоров Тлателолко и Раротонга и протоколов к ним, а также заявлений, сделанных в связи с бессрочным продлением действия Договора о нераспространении ядерного оружия, то *из этих международно-правовых документов [курсив наш – Е.К.]* вытекает, что...» [1, С.29].

Другим примером односторонних юридических обещаний могут служить обещания не признавать какие-либо территории независимыми государствами. Ряд таких обещаний в адрес Сербии и Грузии имел место в связи с провозглашением независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии. Значение, которое государства придают таким обещаниям, иллюстрирует комментарий МИД РФ в связи с интервью Президента Грузии, где заявлялось о предоставлении Грузии такого обещания Россией. В комментарии специально разъяснялось, что «никаких обещаний о том, что Россия никогда не признает Абхазию и Южную Осетию, грузинской стороне не давалось» [6]. Не будучи связанной таким односторонним юридическим обещанием, 26.08.2008 г. РФ сочла возможным признать Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами.

В доктрине при рассмотрении односторонних юридических обещаний часто приводятся примеры предоставления кредитов или оказания другой помощи в связи со стихийными бедствиями. Необходимо отметить, что сама процедура предоставления помощи или же предоставления кредита, не может быть осуществлена в одностороннем порядке. Для того чтобы реализовать данные обещания, всегда необходимо согласие государства-адресата. Подобные обещания приобретают схожие черты с офертой, но отличаются от нее невозможностью отозвать такое «предложение» в любое время до его принятия адресатом, а также необходимостью предпринять определенные действия в соответствии с данным обещанием для того, чтобы принятие предоставляемых прав стало возможным на практике.

Односторонние обещания могут касаться вопросов визового режима. Например, 5.05.2008 г. посольство Российской Федерации в Лондоне официально заявило о том, что британские болельщики с 17 по 25 мая смогут отправиться в Москву на финальный матч Лиги чемпионов между английскими командами без виз [5]. Президент УЕФА поблагодарил российские власти «за этот исключительный и беспрецедентный жест».

Учитывая возможность порождения односторонними обещаниями международно-правовых последствий и вытекающую из принципа добросовестности необходимость соблюдения государствами всех обязательств независимо от источника их происхождения, встает вопрос о возможности обеспечения государствами выполнения своих односторонних обязательств на национальном уровне. Современное законодательство государств СНГ (кроме Таджикистана) не содержит положений, касающихся имплементации односторонних актов.

Полагаем, на сегодняшний день было бы преждевременно вносить соответствующие изменения и дополнения в конституции и другое законодательство. Это связано со сложностями, которые могут возникнуть при отграничении юридических и политических односторонних актов. Ввиду недостаточности разработки темы в доктрине вряд ли можно ожидать от правоприменителей правильного применения положений, закрепленных в односторонних актах государств во всех случаях. В связи с этим представляется целесообразным рекомендовать соответствующим компетентным органам самым пристальным образом отслеживать односторонние заявления официальных лиц государства и в случае квалификации их как международно-правовых обязательств своевременно приводить в соответствие национальное законодательство.

Литература:

1. Консультативное заключение Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. // Док. ООН: A/51/218, 19 July 1996

2. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 1. М.: «Юридическая литература», 1987 – 688 с.
3. Совет Безопасности. 3514-е заседание // Док.ООН: S/PV.3514
4. Case of the Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex, Judgement, Permanent Court of International Justice. Series A/B. No.46.
5. www.great-britain.mid.ru (Посольство Российской Федерации в Великобритании)
6. www.mid.ru (Министерство иностранных дел Российской Федерации)

О необходимости реформирования существующих форм межгосударственного общения

Корнишова Н.В.

Студент

*Уральская Государственная Юридическая Академия, Институт прокуратуры,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: kornishova_n@mail.ru

В последнее время все чаще говорят о необходимости проведения реформ в отношении международных организаций, а также иных форм государственного взаимодействия. Основанием для критики является неэффективное регулирование межгосударственных отношений.

На мой взгляд, помимо самого вопроса реформирования, безусловно, следует обратить внимание на политику самих государств, входящих в международные организации. Профессор И. Лукашук на международной научно-практической конференции «Мир, безопасность и международное право: взгляд в будущее», состоявшейся 12 апреля 2003 года в Санкт-Петербурге, высказал интересную мысль: «Когда мы говорим о недостаточной эффективности международного права и ООН, то здесь дело не в самих институтах, а в политике государств. Эффективность международного права зависит прежде всего от осознания его необходимости»²¹. Другими словами, реформа ООН не станет панацеей, если государства не будут руководствоваться в своих действиях принципами и нормами международного права. Почему этому факту следует уделять значительное внимание? Ответ очевиден: международные организации являются производными субъектами международного права, а значит, их функционирование предопределено проводимой политикой членов организации - государств. Как известно, государства самостоятельно решают вопрос о соотношении национального и международного права. Очевидно, что сторонники монистической концепции, используя международно-правовые принципы, будут стремиться проводить отвечающую их интересам политику. Ярким примером является политика США, которые признают приоритет национального права над международным. Естественно, возникает вопрос, а обязаны ли государства, входящие в ту или иную организацию, в обязательном порядке исполнять принимаемые организацией акты. С формально-юридической точки зрения – нет, поскольку организации не создают нормы международного права, однако на практике есть ситуации, когда требование о выполнении положений некоторых актов Генеральной Ассамблеи ООН, СБ ООН становится императивным. Но по общему правилу акты организаций носят рекомендательный характер, соответственно заставить исполнить государство эти положения нельзя. В связи с этим и встает проблема, которая напрямую связана с эффективностью функционирования той или иной организации: как убедить государства не нарушать принципы и нормы международного права, действуя только в своих интересах. Реформирование международных организаций будет лишено

²¹ Международная научно-практическая конференция «Мир, безопасность и международное право: взгляд в будущее», - СПб, 2004. с.83.

практического смысла без решения вопроса о необходимости следования принципам и нормам международного права.

На настоящий момент не сложилось единой позиции по вопросу о том, что и каким образом надо реформировать. Например, что касается ООН, то выдвигаются самые различные мнения: от реформирования принципов международного права, зафиксированных в Уставе организации, до изменения состава членов конкретных органов ООН (президенты Словении и Португалии призвали увеличить состав СБ ООН с тем, чтобы укрепить эффективность многосторонних механизмов, призванных дать ответ на глобальные вызовы современности). Неэффективность деятельности ООН обуславливают неравным положением постоянных и непостоянных членов СБ ООН, медлительностью принятия решений. Слабые стороны в функционировании ООН можно увидеть через призму последних событий, например, когда Совет Безопасности ООН потребовал от Ирана прекратить обогащение урана, но безрезультатно, когда СБ ООН фактически бездействовал при проведении агрессии США и его союзников против Ирака. Интересное замечание по поводу эффективности деятельности СБ ООН было сделано Д. Болтоном – бывший посол США в ООН, - полагающим, что в разрешении конфликта, связанного с признанием более сорока странами Косово в качества самостоятельного субъекта международного общения, эти государства, по сути, отрицают одобренную СБ ООН резолюцию 1244, предусматривающую сохранение статуса Косово как автономии Сербии. Стоит отметить также существование внутренних кадровых проблем в ООН, о чем свидетельствует доклад «Возрастная структура людских ресурсов в организациях системы ООН».

Другая проблема, на которую обращают внимание последнее время, касается расширения НАТО. Следует отметить, что Североатлантический альянс является региональной организацией, что обозначено в ст.6 Североатлантического пакта, заключенного 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне. Одним из требований к формированию региональных организаций, помимо региональной ограниченности целей (провозглашение универсальных целей недопустимо), является территориальная ограниченность. Именно этот принцип и нарушается, поскольку к Североатлантическому альянсу присоединились государства, явно не соответствующие территориальной принадлежности. В ответ на это замечание в ноябре 1998 г. тогдашний Генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон в письме Генеральному секретарю ООН К. Аннуну объявил этот блок не региональной организацией, а организацией коллективной безопасности по смыслу ст. 51 Устава ООН. Тогда возникает закономерный вопрос о принципах отбора государств, которые будут приниматься в НАТО, поскольку РФ было отказано во вступлении в данную организацию. Опасения вызывает тот факт, что США и другие страны НАТО фактически присвоили себе «право» под лозунгом «войны с международным терроризмом» наносить превентивные и упреждающие удары против других государств в отсутствие вооруженного нападения с их стороны и осуществлять так называемую превентивную самооборону в отношении их по собственному усмотрению, в обход Совета Безопасности ООН. Более того, опасения вызывают тот факт, что изначально данная организация создавалась в противовес ОВД, но после ликвидации последней цели организации не были пересмотрены.

Следующей проблемой, на которую обращают внимание последнее время, касается неэффективности существующих на сегодняшний день различных форм взаимоотношений государств. В частности это относится к странам, образующим Большую восьмерку. Критика, звучащая в сторону этого саммита, совершенно оправдана: в него не входят государства, играющие в мире в современных условиях, значительную роль, чье участие при разрешении ряда проблем является обязательным. В связи с этим предложения о трансформации G8 в G12, т.е. за счет включения Индии, Бразилии, Китая, Испании, выглядят адекватными. Таким образом, помимо решения вопроса реформ международных организаций и саммитов, немаловажной, а возможно, и первостепенной,

задачей становится подведение государств к осознанию необходимости международного права, а отсюда следованию его принципам и нормам, поскольку увеличение числа стран-участниц автоматически не приведет к снятию существующих проблем.

Литература

1. Международная научно-практическая конференция «Мир, безопасность и международное право: взгляд в будущее», - СПб, 2004.

**ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ ПРИРОДНЫХ
КАТАСТРОФ**

*Королев А.М.*²²

Студент

Российского Нового Университета,

Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: korolefff@yandex.ru

²² Автор выражает признательность сотруднику лаборатории лавин и селей Московского Государственного Университета им. М.В.Ломоносова Ю.Г.Селиверстову за помощь в подготовке тезисов.

Целью работы является систематизация правовой базы в области ответственности за последствия, возникающие в результате стихийных бедствий.

Разрушение лавиной здания станции МГУ, сель в Тырнаузе, Геналдонская катастрофа, лавина с железнодорожной насыпи в Бугульме – примеры событий, приведших к жертвам и разрушениям и вызвавших дискуссию по вопросу об ответственности за трагические последствия природных катастроф.

Для того чтобы понять как реализуется ответственность в России, необходимо рассмотреть, в каких аспектах она может существовать, каково ее содержание, когда она возникает и что скрывается под основанием ответственности. На каком этапе произошла ошибка, приведшая к тому, что в зоне действия опасного природного процесса оказались люди? Кто и какой вид ответственности должен нести в случае природных катастроф?

В РФ законодатель определяет структуры, обеспечивающие предупреждение стихийных бедствий. В этом направлении работают также многие научные и производственные организации и отдельные ученые, а также люди, называющие себя таковыми. Возникает вопрос: несут ли они ответственность за свои прогнозы? Являются ли такие прогнозы основанием для принятия решения органами власти? Ответы на поставленные вопросы в законодательстве РФ четко не прописаны.

В соответствии с международными нормами все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. В числе прочих человек имеет право на получение информации о грозящих ему опасностях, на защиту от них. Существует международный опыт, опираясь на который можно развивать законодательство. Так, в государствах англо-американской правовой семьи основным источником права служит судебный прецедент. Упомянутые природные катастрофы могли стать такими прецедентами. Правовая база в РФ для этого существует. Но она требует совершенствования и устранения определенных пробелов. Таким образом, можно повысить эффективность защиты населения от опасных природных процессов.

Литература

1. Конституция РФ (1993г.)
2. ФЗ «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (1994г.)
3. ФЗ «О гражданской обороне» (1998г.)
4. Устав МЧС России.
5. Устав Росгидрометцентра.
6. Устав Ростехнадзора.
7. Альпийская Конвенция (1991г.)
8. Устав ВМО.
9. Ю.Г. Селиверстов « » (там статья про статистику природных катастроф....)
10. Кашкин С.Ю. «Право Европейского Союза» (2003г.)
11. ФЗ Республики Татарстан «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций». (2004г.)
12. У. Бернам «Правовая система США».

Международное регулирование оказания правовой помощи по уголовным делам

Кузнецова С.В.

студент

Сибирский Федеральный Университет, Юридический институт, Красноярск, Россия

E – mail: lanakuznetsova@mail.ru

Современные тенденции, характерные для преступности, наглядно свидетельствуют о том, что усилий одного или даже нескольких государств недостаточно для оказания противодействия преступным проявлениям. В последнее время произошло значительное увеличение числа уголовных дел, имеющих интернациональный характер.

К настоящему времени ни в науке, ни в законодательстве, ни в практике не сложилось единого понимания содержания международного взаимодействия государств в сфере борьбы с преступностью. Правовую помощь на основе анализа доктринальных источников и международных договоров можно определить как межгосударственный правовой институт, урегулированный нормами национального и международного права, представляющий собой добровольный акт помощи запрашиваемого государства, заключающийся в выполнении судами и другими органами уголовного правосудия по поручению иностранных властей отдельных процессуальных действий по уголовным делам. Он может выражаться в производстве обысков, изъятии и передаче вещественных доказательств, вручении документов, проведении экспертиз, допросов свидетелей, обвиняемых и т.д.

Интересующий нас вопрос регулируется не только положениями национального права, но и международными нормами. Это сфера совместного регулирования. Хотелось бы сделать акцент на комплексности рассматриваемого понятия.

Основанием для оказания правовой помощи по уголовным делам являются многосторонние и двусторонние международные договоры, специальные Конвенции об оказании правовой помощи. Основная официальная бумага в сфере оказания правовой помощи – это поручение. Договор между СССР и КНДР «Об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» не требует полных данных о юридических лицах и квалификации деяния. Отдельные договоры могут закреплять реквизиты, которых нет в большинстве других соглашений. В качестве такого примера выступает Договор между РФ и США «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», в соответствии с которым в запрос необходимо включать указание цели, для которой запрашивается помощь. В ст. 454 УПК РФ тоже регламентируется содержание поручения, однако перечень обязательных реквизитов уже, чем это предусмотрено большинством договоров. Данная статья, по нашему мнению, нуждается в доработке и изменении. Подробная фиксация реквизитов поручения в российском законодательстве способствовала бы повышению качества документов, составляемых сотрудниками правоохранительных органов.

В связи с этим необходимо отметить самые распространенные ошибки российских следователей, которые, как правило, связаны с неправильным либо не точным оформлением международных поручений. Это вопрос достаточно сложный и требует глубоких познаний в области международного права. К сожалению, должностные лица правоохранительных органов подчас ими не обладают.

1. не указание или неполное наименование дела, по которому запрашивается правовая помощь (встречаются в 16,8 % случаев);

2. неполное указание данных в отношении физических лиц (имен и фамилий свидетелей, подозреваемых, подсудимых, осужденных, потерпевших, их местожительство, гражданство, занятие, место и дата рождения, а также сведений о прежних судимостях подозреваемых) – 16,5 %;

3. направление поручения о совершении действия, не предусмотренного международным договором – 10,9 %;

4. неполное описание деяния – 18,2 %;
5. неполная квалификации преступления – 22,6 %;
6. отсутствие точных данных о размере причиненного ущерба – 31 %.

Допущение ошибок значительно усложняет процесс разрешения вопроса о возможности оказания правовой помощи и, соответственно, затягивает саму процедуру.

Сейчас можно с уверенностью вести речь о назревшей потребности совершенствования форм и методов взаимодействия, выработки процессуально эффективных способов исполнения запросов о правовой помощи. Полагаю, что можно разделить точку зрения, согласно которой для эффективного взаимодействия в данной сфере необходимо больше применять право страны - инициатора запроса, не противоречащее законодательству страны-исполнителя. Конечно, в данном случае могут возникать множественные проблемы применения иностранного права (квалификация терминов, установление содержания иностранного права), но они могут быть разрешены и, значит, применены.

Таким образом, на сегодняшний день необходима выработка эффективного, в полной мере отвечающего современным потребностям и международным стандартам, механизма организации международной правовой помощи. Необходимо, чтобы нормы международного права не были чужды национальным правовым системам, а являлись непосредственно действующими и эффективно используемыми в работе. В связи с этим необходимо разрабатывать направление по совершенствованию профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и королевством Испания «Об оказании правовой помощи по уголовным делам» 1996 г. (текст опубликован не был)// СПС «Консультант-Плюс».
2. Договор между РФ и Китайской Народной Республикой «О выдаче» 1995 г. (1996 г.)// Международные договоры РФ по оказанию правовой помощи. М.
3. Конвенция СНГ «Об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» 1993 г. (1996)// Действующее международное право. Т. 2. М.
4. Европейская Конвенция «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» 1959 г. (2000)// Бюллетень международных договоров. № 9.
5. Межамериканская Конвенция «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» 1992 г.// Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
6. Договор между РФ и США «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» 1999 г. (2003)// Бюллетень международных договоров. № 2.
7. Уголовно – Процессуальный кодекс РФ (2007 г.). Новосибирск: Университет.
8. Литвишко П. (2007 г.) Применение систем видеоконференц-связи при оказании международной правовой помощи по уголовным делам/ П. Литвишко//Законность. № 7.

«Шенгенская виза» для беженцев.

Лебедева Л.С.

Студент (магистр)

*Уральский Государственный Университет им. А.М. Горького, философский факультет, Екатеринбург, Россия
aneela@rambler.ru*

Проблема прав беженцев появилась на заре XX столетия и до сих пор остается нерешенной. Сейчас в мире около 15-ти миллионов беженцев, что свидетельствует о «болезнях», до сих пор сохранившихся в обществе - военные межгосударственные конфликты, внутринациональные проблемы, систематическое нарушение прав человека в некоторых странах и т.п. Универсальные документы – Конвенция о беженцах 1951 года и протокол к ней 1967 года, принятые в рамках работы ООН, являющиеся механизмом

международно-правовой защиты и определяющие их права, в современное время не могут в полной мере регулировать все возможные ситуации, возникающие в связи с проблемой беженцев. Достичь этого можно только при участии как можно большего числа государств в разработке международных стандартов по правам беженцев.

В этом направлении интересна деятельность Европейского союза. С сожалением можно заметить, что, несмотря на все более увеличивающийся поток беженцев в страны Европы, государства не предприняли попытку расширить понятие беженца и разработать какие-либо конвенции наподобие Конвенции 1969 года по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке и Картахенской декларации о беженцах. Наоборот, их деятельность ориентирована на выработку всяческих ограничений статуса беженца. Развитые европейские страны - Великобритания, Бельгия, Франция, Нидерланды, Дания, Италия, Австрия - действуют в этом вопросе таким образом, чтобы, защитив свои границы, минимизировать приток беженцев на их территорию.

В этом смысле интересна концепция «страны первого убежища» (first asylum country), разработанная государствами – членами ЕС в конце 80-х годов. Согласно ей, беженец не может выбирать страну своего убежища, а должен остановиться в самой ближней стране (естественно безопасной), куда сможет добраться. Развитию этой концепции содействовало принятие девятью странами Европейского союза Шенгенского Соглашения, которое вступило в силу в марте 1995 года. Результатом принятия документа является максимальное упрощение процесса передвижения граждан ЕС между странами шенгенского пространства (отмена визового режима, таможенных формальностей) и одновременное ужесточение мер в отношении въезда на эти же территории граждан других стран. Политику ограничительных иммиграционных мер продолжает Дублинская Конвенция. Этот документ, вступивший в силу в сентябре 1997 года, устанавливает правила, согласно которым страна (причем только одна страна), являющаяся членом шенгенского пространства, может рассматривать ходатайство на установление статуса беженца. К таким критериям относятся:

- если у лица, ищущего убежище, есть близкий родственник (член семьи), который уже признан в указанном государстве беженцем;
- если лицо, ищущее убежище, обладает действительным видом на жительство или визой, выданной этим государством;
- если лицо, ищущее убежище, въехало в это государство нелегально из страны, не являющейся членом ЕС [4, 162].

Очевидно, положения Дублинской конвенции ограничивают перемещение лиц, ищущих убежища, между странами ЕС.

Согласно Шенгенскому Соглашению и Дублинской Конвенции за странами Европейского Союза сохраняется право не рассматривать ходатайство о признании статуса беженца. Это так называемая концепция «третьей страны». Лицо, ищущее убежища, может быть выслано в третью страну без удовлетворения его просьбы о проведении процедуры принятия, с условием, что путь мигранта изначально пролегал через нее. Единственным сдерживающим фактором в данном случае может служить не соблюдение властями этой страны принципа non-refoulement.

Продолжая работу в отношении вопроса о беженцах на региональном уровне, Еврокомиссия разрабатывает концепцию о временной защите перемещенных лиц. Суть ее заключается в том, что лицо, ищущее защиты, в праве претендовать на получение убежища на территории Евросоюза, при условии сложившейся в регионе особой ситуации, которая была причиной массового исхода людей из страны своего гражданства. Срок защиты оговорен и составляет не более пяти лет. Причем решение о предоставлении временного убежища принимается квалифицированным большинством в Совете и в период предоставления протекции рассмотрение ходатайств о наделении статусом беженца может быть приостановлено.

Но все же нужно заметить стремление стран – участниц Европейского Союза к «унифицированному пониманию определения беженца по Конвенции 1951 года» [4, 200]. 3-4 января 1996 года на сессии Совета Европейского Союза был принят ряд общих положений, касающихся статуса беженца, для всех стран Евросоюза:

- «В качестве элемента определения беженца может включать преследование “третьей силой”, в тех случаях, когда власти страны поощряют или разрешают такие действия, или же остаются пассивными к ним;

- Расширение определения беженца по мотивам, не предусмотренным Конвенцией 1951 г., отдается на усмотрение стран - участниц;

- Общая ссылка на ситуации гражданских войн и внутренних конфликтов не обязывает государство к предоставлению статуса беженца. Для этого необходим элемент преследования или нарушения прав человека, которые не позволяют беженцу оставаться более в своей стране;

- Предусмотрена ситуация “беженец на месте” (Refugee on place), когда лицо просит о признании статуса в стране пребывания, потому что на родине в его отсутствие произошли такие изменения, которые не позволяют ему вернуться» [4, 215].

Таким образом, на региональном уровне страны Европы следуют единому плану действий в отношении беженцев, но расширения статуса беженца не происходит.

Литература:

1. Введение в вопросы международной защиты прав беженцев. UNHCR, 1 августа 2005. – 193 с.
2. Международное гуманитарное право в документах. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – 556 с.
3. Переведенцев В. Современная миграция населения России в освещении центральных газет / В. Переведенцев // Миграция и информация / Под ред. Ж.Зайончковской. Опубликовано для Центра изучения проблем вынужденной миграции издательским товариществом «Адамантъ». (ЖР № 06 1809 от 19.12.97), Москва, 2006. – 248 с.
4. Ястребова А. Международно-правовые аспекты вынужденной миграции и российское законодательство о беженцах / Алла Ястребова // Миграция и информация / Под ред. Ж.Зайончковской. Опубликовано для Центра изучения проблем вынужденной миграции издательским товариществом «Адамантъ». (ЖР № 06 1809 от 19.12.97), Москва, 2006. – 248 с.

Предпосылки создания глобальной правовой системы

Левченко М.А.

студентка

*Санкт-Петербургский Государственный Морской Технический Университет, Факультет
Естественнонаучного и Гуманитарного Образования, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: remora1204@mail.ru

В связи с процессом глобализации транспорт, связь, выработка и потребление энергоресурсов, в том числе биотоплива, защита окружающей природной среды и другие сферы человеческой жизни вышли на совершенно новый уровень и стали нуждаться в более обширном правовом регулировании. В XXI веке наиболее остро встала проблема международного взаимодействия не только государств, но и физических и юридических лиц.

Глобализация приводит к интернационализации права и интеграции одних правовых систем с другими. Особое значение приобретает взаимодействие международного и внутреннего права государств. По мере того как международное право все серьезней затрагивает внутреннее право, его применение все основательней сталкивается с различиями правовой культуры, правового сознания. Нельзя говорить о том, что международное право повсеместно воспринимается государствами одинаково. В каждом

конкретном случае нормы международного права включаются во внутригосударственное право с учетом специфики внутригосударственной правовой системы.

Грань между международным и внутренним правом не стирается, поскольку это привело бы к нарушению их нормального функционирования. У каждой из этих правовых систем своя природа, механизм и сфера действия, свой объект регулирования. Происходит углубление взаимодействия двух правовых систем, а не стирание границ между ними. Это подтверждается на примере наиболее развитой интеграции в рамках Европейского союза.

Если раньше государства вступали в различные правоотношения в связи с необходимостью удовлетворения своих внутренних политических или экономических потребностей, то сейчас перед ними стоит необходимость в решении более глобальных вопросов, которые не под силу одному или двум государствам, а требуют более глубокого и обширного взаимодействия на уровне всего мирового сообщества.

Международный терроризм, вооруженные конфликты, перенаселение, голод, проблема ядерного оружия и ухудшение экологической ситуации в мире привели к тому, что мировое сообщество предстало перед серьезной угрозой.

Начался период становления нового уровня права, создания глобального правопорядка. Среди специалистов международного права стал употребляться термин «глобальная правовая система». Появление такой системы является спорным, но следует отметить, что остается ряд отраслей права, которые рано или поздно перестанут быть только международными или только национальными. Эти отрасли регулируют общественные отношения по вопросам, касающимся всего мирового сообщества, каждого человека живущего на Земле. Сюда можно отнести космическое право, экологическое право, морское право, право атомной энергии, гуманитарное право, права человека.

Подтверждение этого тезиса можно найти в концепции общего наследия человечества, которая нашла отражение в ряде международных договоров и внутригосударственных актов. Космос, океаны, глубоководное дно, Антарктика, атмосфера, окружающая среда принадлежат всему человечеству, на них не может быть распространен государственный суверенитет, они не могут находиться в чьей-либо собственности. Но не стоит забывать, что по поводу каждого из этих объектов ведется постоянное взаимодействие, а значит правовые отношения и в данной сфере нуждаются в регулировании.

Все более ощутимо проявляет себя тенденция к глобализации правового регулирования. В рамках глобальной правовой системы будут активно взаимодействовать национальные правовые системы друг с другом, с региональными системами и общим международным правом. Фундаментом такой системы служат основные принципы международного права. Это не попытка создать единое мировое государство, это выход правового регулирования на новый уровень. Глобальная правовая система позднее станет условием нормального функционирования и развития международного сообщества.

Такая система основывается на принципе демократии и защиты прав человека, она не должна привести к абсолютной унификации мирового порядка, а лишь улучшить механизм взаимодействия международного и внутригосударственного права по конкретным вопросам, которые затрагивают все мировое сообщество.

ООН в Декларации тысячелетия напоминает о необходимости сохранения многообразия цивилизаций и правовых культур. Глобальная правовая система должна позволить выстроить диалог между различными правовыми системами, и даже правовыми семьями. Новый правопорядок должен позволить уменьшить конфликт между цивилизациями, выявить общие ценности и не допустить посягательства на самобытность каждой отдельной культуры.

Ряд вопросов, например права человека, нуждаются в всеобщем регулировании на глобальном уровне. Но не стоит забывать, что у людей живущих в рамках разных правовых культур взгляд на их права и обязанности несколько отличается. Что является правомерным для жителя западного государства, может быть абсолютно неприемлемо для

жителя азиатского. Разная мораль, разные культурные, религиозные и правовые ценности зачастую не позволяют прийти к согласию.

Отсюда можно сделать вывод о том, что построение глобальной правовой системы должно начинаться с создания региональных правовых систем, среди государств имеющих близкие политические взгляды, экономические цели и схожесть морали и культурных ценностей. И взаимодействие будет происходить больше уже не на уровне государств, а целых регионов.

Образование нового глобального правопорядка невозможно, пока каждое государство, да и индивид, не осознает себя частью единого целого, которым и является мировое сообщество.

Первые шаги к этому сделаны, но такое сложное и обширное перестроение невозможно выполнить моментально. Глобальный правопорядок формируется не только из объективной необходимости и естественного процесса интернационализации, но и из действий каждого участника международных правоотношений.

Литература

1. Гаврилов В.В. (2006) Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание. //Журнал российского права. 2006. № 2.
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций: Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8.09.2000г.//Московский журнал международного права. 2001. № 1.
3. Лукашук И.И.(2002) Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. // Журнал российского права. № 3.
4. Лукашук, И. И. Международное право :Особенная часть: Учебник для юридических факультетов и вузов. /РАН. Институт государства и права. Академический правовой университет. -М. :БЕК,2004.
5. Поленина С. В.(2008) Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности. //Государство и право. 2008. № 1.

Международно-правовое регулирование прав инвалидов и обязательства государств в контексте Конвенции о правах инвалидов

Лыхина Т.А.²³

Соискатель юридического факультета

Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: waterkelpie@mail.ru

На сегодняшний день инвалиды составляют примерно одну десятую населения планеты и относятся к самым многочисленным меньшинствам. Их гражданские, социально-экономические и иные права очень часто нарушаются, несмотря на содержащийся в международном праве запрет на дискриминацию по кому-либо признаку и предпринимаемые международными организациями и отдельными государствами меры.(Bugnes A., 2007)

В 2006 году Организация Объединенных Наций в развитие принципов уважения прав человека, признания равенства возможностей и запрета дискриминации, приняла единую всеобъемлющую Конвенцию по правам инвалидов и Дополнительный протокол к ней. Конвенция призвана гарантировать инвалидам возможность в полной мере и без каких-либо ограничений пользоваться правами, которые международное сообщество признает за каждым человеком, независимо от состояния здоровья и социального статуса. Конвенция является первым общеобязательным международно-правовым договором, направленным на защиту данной группы населения и дополняет Международный Билль о правах (Жаворонков, 2008). Она исходит из признания равенства прав инвалидов и здоровых людей, рассматривая инвалидность как эволюционирующее явление, которое является результатом взаимодействия между нарушениями здоровья людей и различными

²³ Автор выражает признательность доценту, к.ю.н. Иваненко В.С. за помощь в подготовке тезисов.

барьерами (средовыми, отношенческими), которые препятствуют полному и эффективному участию инвалидов в жизни общества наравне с другими людьми. Конвенция видит роль государства и общества в обеспечении прав инвалидов за счет устранения по возможности существующих барьеров и стимулирования личной самостоятельности и свободы инвалидов делать собственный выбор, активного использования всего многообразия прав человека, закрепленных международным правом.

Осенью 2008 года Российская Федерация подписала Конвенцию о правах инвалидов, тем самым приняв на себя обязательства по её имплементации в российскую правовую систему.

Анализ положений Конвенции о правах инвалидов и иных международных инструментов в данной сфере свидетельствует об особенностях современного международно-правового подхода к правам инвалидов, основанного на социальной модели и признании прав человека, и о специфике соответствующих международных обязательств государств. Исследование данной проблемы позволяет сформулировать международные стандарты прав инвалидов в контексте прав человека и обозначить меры, которые должны быть предприняты государством-участником Конвенции. На наш взгляд, понимание изменений в подходе к инвалидности, обозначенных в Конвенции, и требований, которые современное международное право предъявляет к государствам, является принципиально важным для реформирования национального законодательства в сфере прав инвалидов, формирования эффективной политики инвалидности в различных сферах деятельности государства и реализации международных обязательств Российской Федерации в связи с предстоящей ратификацией данной Конвенции.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 // Официальный сайт ООН: www.un.org.
2. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. (2003) Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М.: Московская школа прав человека. 2003.
3. Горшкова С.А. (2001) Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М.:НИМП.
4. Жаворонков Р.Н. (2008) Сравнительно-правовой анализ федерального законодательства РФ в области реабилитации и социальной защиты инвалидов и Конвенции ООН о правах инвалидов. Москва, 2008.
5. Комкова Г.Н. (2003) Запрет дискриминации в российском и международном праве / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2003.
6. Крусс В.И. (2005) Дискриминация и дифференцированный подход //Государство и право, №12.
7. Овсяк А.М. (2007) Конвенция о правах инвалидов – важный договор для защиты уязвимых групп населения // Юрист-международник, №3.
8. Byrnes A. (2007) From Exclusion to Equality. Realizing the rights of persons with disabilities. Handbook for Parliamentarians on the Convention on the Rights of Persons with Disabilities and its Optional Protocol. United Nations, Geneva: SRO-Kundig, 2007.
9. www.un.org/esa/socdev/enable (*Организация Объединенных Наций*).

Международное экологическое право и экосистемный подход

Медведева Марина Александровна

ассистент, кандидат юридических наук

Институт международных отношений Киевского национального университета

имени Тараса Шевченко, Украина

E-mail: maryna.marushka6@gmail.com

Экосистемный подход (далее – ЭСП, англ. – ecosystem approach) – новая и противоречивая концепция, нашедшая свое распространение в 90-х гг. XX ст. Термин используется в официальных международных документах, работах известных юристов-международников, специализирующихся на международном экологическом праве, ученых иных отраслей общественных наук, однако на сегодняшний день отсутствует единое согласованное понимание сути, содержания, механизма применения ЭСП как в науке, так и в практике. Цель нашего исследования – проанализировать существующую международную договорную практику и доктринальные взгляды касательно ЭСП, очертить основные проблемные моменты в его понимании и применении, а также определить статус ЭСП в международном праве.

На международном уровне ЭСП был внедрен в рамках Конвенции об охране биоразнообразия 1992 г. Хотя в самом тексте документа нет положений об ЭСП, однако последующие решения Конференции Сторон прочно утвердили основные постулаты концепции. Так, в решении V/6 (Найроби, 15-26 мая 2000 г.) ЭСП определяется как «стратегия интегрированного управления сухопутной, водной средой, а также живыми ресурсами, которая обеспечивает сохранение и устойчивое использование [компонентов биоразнообразия] справедливым образом». В решениях отмечается, что поскольку универсальная практика применения ЭСП отсутствует, наиболее оптимальным признается внедрение предписаний концепций на локальном и национальном уровнях.

На сегодняшний день не существует единого унифицированного юридического определения ЭСП: он интерпретируется по-разному в зависимости от специфических обстоятельств, находится в процессе развития [1, с.3] и требует дальнейшей практической верификации. Не существует единой позиции государств касательно наименования ЭСП: используются такие термины, как «подход», «стратегия», «метод», «рамочный подход», «инструмент», однако ни один международно-правовой акт не использует термин «принцип». Применяются также формулировки типа «экосистемное управление», «экосистемно-ориентрированный подход», «подход экосистемного управления»; неясен механизм взаимодействия ЭСП со сходными концепциями («экосистемный подход к рыбному промыслу», «интегрированное управление бассейном реки», «интегрированное управление морскими и прибрежными районами»), используемыми некоторыми международными организациями (ЮНЕП, ФАО, ММО, ЮНЕСКО); ЭСП может конфликтовать с концепциями, основанными на принципе первостепенного удовлетворения нужд человека, особенно населения наименее развитых стран, выживание которого зависит от эффективного доступа к природным ресурсам.

Различные авторы утверждают, что ЭСП остается неразвитой концепцией в международном праве, что его концептуальные положения и руководство по применению на практике требуют согласования, объяснения и детализации [2, с.28]. Отсутствие консенсуса среди ученых можно объяснить тем, что ЭСП оставляет место для различных толкований, которые варьируются от эгоцентрических до антропоцентрических [3, с.12]. ЭСП имеет дело с недостаточными научными данными и отсутствием достоверной информации об экосистемах, связей между ними и внутри их, что приводит к научной неопределенности, а также неожиданным, сложно прогнозируемым результатам, на основании которых невозможно построить правильную систему управления и принятия решений. На сегодняшний день слишком мало известно о структуре и функционировании комплексных и динамических экосистем, что приводит к отсутствию консенсуса между учеными и политиками в ключевых вопросах.

Международно-правовые акты также не дают четкой картины о месте ЭСП в системе международного права. Как правило, эти документы содержат либо ссылки на отдельные элементы ЭСП (Конвенция об охране биоразнообразия, ст.ст. 668, 116-120, 194 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Соглашение об осуществлении положений Конвенции по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими,

1995 г.), либо носят рекомендательный характер (Стокгольмская декларация по окружающей среде 1972 г., Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г., резолюции ГА ООН по вопросам устойчивой рыбной ловли, одобренные в 2006 г., Рекъявикская декларация об ответственной рыбной ловле в морской экосистеме 2001 г., Кодекс поведения ФАО касательно ответственной рыбной ловли 1995 г.), либо имеют ограниченную территориальную сферу действия (Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г., Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.), либо не вступили в силу (Конвенция о праве несудоходного использования международных водотоков 1997 г.).

Важной чертой ЭСП является то, что он требует учета социально-экономических условий, а также привлечения как можно большего числа всех заинтересованных участников процесса (в англоязычной литературе применяется термин *stakeholders*). ЭСП признает человека в качестве неотъемлемого элемента многих экосистем. Любые действия по охране окружающей среды или рациональному использованию природных ресурсов должны учитывать потребности не только охраняемых видов или мест их обитания, но также потребности отдельного человека и общества в целом.

Для признания какой-либо нормы нормой международного обычного права необходимо, чтобы она удовлетворяла двум условиям, зафиксированным в ст.38(1)(b) Устава Международного Суда ООН: 1) существование постоянной однообразной практики государств по применению данной нормы, 2) признание государствами данной нормы в качестве общеобязательной правовой нормы – т.н. *opinio juris sive necessitates*. В случае ЭСП оба элемента пока отсутствуют. Кроме того, нет ни одного решения международного судебного учреждения, которое бы служило доказательством существования такой международно-правовой нормы. Таким образом, говорить о формировании в виде ЭСП обычно-правового принципа международного права слишком рано; на сегодняшний день он может рассматриваться лишь в качестве принципа международного экологического права *de lege ferenda*. Тем не менее, ЭСП является эффективным средством преодоления фрагментации международного экологического права, поскольку кроме охраны отдельных видов фауны и флоры, объединяет в себе охрану ассоциированных с ними видов, мест обитания, ограничение опасной для окружающей среды деятельности, а также учет потребностей человека.

Литература:

1. Duncan E.J. Currie. Ecosystem-Based Management in Multilateral Environmental Agreements: Progress towards Adopting the Ecosystem Approach in the International Management of Living Marine Resources. – Rome: WWF International, Global Species Programme, 2007. – 53 p.
2. H. Korn, R. Schliep and J. Stadler (Eds.). Report of the International Workshop on the “Further Development of the Ecosystem Approach”. – Bonn: BfN - Skripten 78, 2003. – 119 p.
3. V. Hartje, A. Klaphake and R. Schliep. The International Debate on the Ecosystem Approach. Critical Review - International Actors: Obstacles and Challenges. – Bonn: BfN - Skripten 80, 2003. – 50 p.

Европейский путь к решению правовых вопросов ненавигационного использования трансграничных водных ресурсов

Мельник Оксана Зиновьевна

аспирантка

Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

E-mail: olooore@gmail.com

В современных условиях развития Европы особое место занимает обеспечение международно-правового регулирования ненавигационного использования трансграничных пресных водных ресурсов, которые пересекают территории двух и более государств. Это объясняется, прежде всего, высоким уровнем урбанизации, а также неравномерным распределением вод в данном регионе. Многие государства Европы в значительной мере зависят от внешних водных ресурсов, поступающих к ним с территории соседних государств.

Для эффективного использования водных ресурсов, а также для обеспечения их охраны и защиты от загрязнения необходимо широкомасштабное сотрудничество государств, развитие и совершенствование существующих договорных механизмов. Осознавая, что лишь совместными и последовательными усилиями можно достичь намеченных целей, европейские государства разработали и приняли два акта, которые определяют направления и особенности современной водной политики Европы. Речь идет о Конвенции ЕЭК ООН об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 г. (далее – «Конвенция») и о Директиве Европейского Союза (2000/60/ЕС), устанавливающей основы для деятельности Сообщества в области водной политики от 23 октября 2000 г. (далее – «Директива»).

Конвенция создает правовую базу для регионального сотрудничества государств, а также для усиления их национальных мероприятий в сфере охраны и рационального управления трансграничными водными ресурсами. При этом ее положения ориентированы, прежде всего, на обеспечение охраны и защиты вод от загрязнения.

Конвенция является одним из элементов более широкой и комплексной правовой политики, которая проводится в рамках ЕЭК ООН с целью урегулирования проблем трансграничного сотрудничества в сфере окружающей среды. Кроме того, нормы и принципы Конвенции получили свое дополнительное развитие в двух протоколах к ней.

В Конвенции содержатся две категории обязательств. Первая из них касается всех ее участниц и устанавливает обязательства общего характера (ст.ст.2-8), а вторая - содержит обязательства, которые распространяются на тех участниц Конвенции, имеющих общие водные ресурсы (ст.ст.9-16). Одним из основополагающих положений Конвенции выступает обязательство прибрежных государств заключать между собой двусторонние и многосторонние соглашения или вносить изменения в существующие соглашения, где это необходимо для устранения противоречий с основными принципами Конвенции, с целью определения своих взаимоотношения в сфере предотвращения, ограничения и уменьшения трансграничного влияния (п.1 ст.9).

Одной из сильных сторон Конвенции являются эффективные институциональные механизмы, созданные в соответствии с ее положениями и на их исполнение. Для осуществления контроля над имплементацией Конвенции государства проводят регулярные встречи – Совещание Сторон (ст.17). Кроме Совещания Сторон, в рамках Конвенции функционирует ряд вспомогательных органов (рабочих групп), которые занимаются разработкой руководящих принципов, программ, стратегий и методологий, а также предоставляют государствам консультации, организывают семинары, конференции, программы профессиональной подготовки.

Успех Конвенции и действенность предлагаемых ею мер обеспечения надлежащего правового урегулирования вопросов ненавигационного использования трансграничных вод и их охраны послужили причиной внесения изменений в статьи 25 и 26 Конвенции, предоставляющих возможность любому государству-члену ООН, находящемуся за пределами ЕЭК ООН, присоединиться к ней. Если соответствующие изменения вступят в силу, Конвенция перестанет быть исключительно региональным соглашением и сможет исполнять функции универсального инструмента международно-правового регулирования.

Целью принятия Директивы было создание прозрачной и эффективной правовой базы для проведения мер защиты и улучшения состояния водных ресурсов Евросоюза, а также

способствования их устойчивому использованию. ЕС как региональная организация экономической интеграции, а также большинство ее членов являются участницами вышеупомянутой Конвенции, поэтому принятие Директивы было также своеобразной формой исполнения взятых на себя конвенционных обязательств.

Директива внедряет инновационный механизм управления водными ресурсами государств-членов ЕС, который, в частности, предполагает: (1) управление всеми водами (национальными и трансграничными; поверхностными, подземными, прибрежными и переходными); (2) достижение хорошего состояния вод до 2015 г.; (3) активное участие общественности; (4) введение обоснованной ценовой политики на основании принципа «загрязнитель платит». Кроме того, Директива подчеркивает необходимость сотрудничества между государствами-членами Евросоюза и желательность сотрудничества с государствами, граничащими с ЕС совместными водами (в частности, для разработки планов управления водными бассейнами).

Принятие Директивы систематизировало водное законодательство ЕС и сделало его более рациональным. А политика Евросоюза по расширению сотрудничества в сфере трансграничных водных ресурсов, включая программы финансирования и обмена опытом, смогут помочь соседним государствам реформировать свое законодательство и адаптировать его к европейским стандартам.

Проведенный анализ показал, что европейским государствам удалось отыскать оптимальные для них способы решения проблем, связанных с ненавигационным использованием трансграничных водных ресурсов. Осознавая важность сотрудничества в этой сфере, Конвенция и Директива стимулируют проведение государствами совместных мероприятий. В тоже время, необходимо отметить, что Европа – это регион развитых стран и стран переходной экономики. Поэтому Конвенция и Директива выдвигают довольно высокие требования, для выполнения которых необходимы соответствующие финансовые и технические возможности.

Литература

1. Our waters: joining hands across borders. First Assessment of Transboundary Rivers, Lakes and Groundwaters. – Geneva, 2007. – 371p.
2. A.S.Rieu-Clarke, P.Wouters, F.Loures The role and relevance of the UN Convention on the law of the non-navigational uses of international watercourses to the EU and its member states // Mode of access: http://www.internationalwaterlaw.org/bibliography/WWF/RA_European_Union.pdf - Title from the screen
3. Wouters P., Vinogradov S. Analysing the ECE Water Convention: What Lessons for the Regional Management of Transboundary Water Resources // Yearbook of International Cooperation on Environment and Development, 2003/2004. - P.55-63
4. Patronos P. International law, the EU Directive 2000/60 and the protection and use of transboundary watercourses, December 2003 // Mode of access: <http://www.nomosphysis.org.gr/articles.php?artid=1182&lang=2&catpid=12> - Title from the screen.
5. Hildering A. International Law, Sustainable Development and Water Management. – Delft: Eburon Publishers, 2004. – 226 p.

Проблемы правового регулирования оборота генетически измененной продукции

Моркова О.И.

Студентка

*Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого,
Институт подготовки кадров для органов прокуратуры Украины, Харьков, Украина*

Формирование единого экономического пространства, развитие науки и техники обусловили выпуск в оборот на мировой рынок новых продуктов питания. Согласно Закону Украины «О безопасности и качестве продуктов питания», новым продуктом питания является продукт, который вмещает, состоит или производится из генетически модифицированных организмов (ГМО) и регулируется положениями специального законодательства. Как справедливо отмечает Л. Струтынская-Струк, Украина имеет значительное количество земель сельскохозяйственного назначения (то есть существует возможность как для ведения полевых опробований, так и для широкомасштабного промышленного выращивания генетически модифицированных культур), но отсутствие четкой законодательной регламентации генетической инженерной деятельности делает нашу страну достаточно привлекательной для транснациональных компаний, которые владеют современными биотехнологиями и ищут возможность расширения рынка сбыта соответствующей продукции. Так, в условиях глобализации экономики перед Украиной встает важный вопрос установления национальных стандартов качества продукции и адаптации международных норм о безопасности и качестве продуктов питания. В данном контексте важно проанализировать положительный опыт Европейского Союза в этой сфере.

Законодательство Украины об обороте продукции, которая содержит генетически модифицированные организмы, основывается на нормах, установленных Законом Украины «О государственной системе биобезопасности при создании, опробовании, транспортировке и использовании генетически модифицированных организмов», Законом Украины «О биобезопасности и качестве продуктов питания», Постановлением Кабинета Министров Украины «Вопросы оборота продуктов питания, которые содержат генетически модифицированные организмы и/или микроорганизмы». Основными принципами отечественной политики в отрасли обращения с ГМО считаются приоритетность сохранения здоровья человека и охраны окружающей среды в сравнении с получением экономических преимуществ от использования ГМО, а также общедоступность информации о потенциальных рисках от использования ГМО, предусмотренных для применения в открытой системе. Применение ГМО в открытой системе указывает на возможность их контакта с населением и окружающей средой при запланированном высвобождении их в окружающую среду, использованном в сельскохозяйственной практике, промышленности, медицине и природоохранных целях, передачи технологий и в других сферах оборота ГМО. По нашему мнению, данные принципы будут реализовываться при условии соблюдения правил маркировки и требований, установленных для этикетки продукции, содержащей генетически модифицированные организмы. Законодательство Украины устанавливает, что не допускаются к продаже отечественные и импортные продукты питания без соответствующей маркировки на государственном языке. Такая маркировка должна содержать в доступной для восприятия покупателем форме информацию о наличии в продукте питания компонентов из генетически модифицированного сырья (в случае, если использование таких компонентов предусмотрено нормативными документами или нормативно-правовыми актами на данный продукт питания). По мнению автора, данная норма требует детализации с целью избежания возможности нарушения требований, установленных для маркировки данных видов товаров. Законодательство Европейского Союза разграничивает продукты питания, изготовленные с использованием ГМО, на следующие группы: 1) продукты, которые изготовлены из генетически модифицированных организмов и продукты, которые содержат ингредиент, изготовленный из ГМО; 2) фасованные и нефасованные продукты, изготовленные из генетически модифицированного сырья. В соответствии с нормами ЕС выражение «Этот продукт содержит генетически модифицированные организмы» или «Этот продукт

содержит генетически модифицированный [название организма (организмов)]» должен присутствовать на этикетке фасованного продукта. Что касается нефасованных продуктов, которые предлагаются конечному потребителю, такое выражение должно присутствовать в месте размещения данных товаров. Если продукт состоит и более, чем одного ингредиента, упомянутое ранее выражение должно включаться в список ингредиентов. Нормы ЕС предусматривают возможность указания на содержание ГМО в примечании к списку ингредиентов, однако такое примечание должно быть напечатано шрифтом не меньшим по размеру, чем список ингредиентов. Регламент (ЕС) No 1829/2003 устанавливает специальные нормы для нефасованных или фасованных продуктов питания, которые предлагаются потребителям в упаковке, наибольшая поверхность которой имеет площадь, меньшую 10 см². Необходимая информация о такой продукции должна быть указана в месте ее размещения (на стендах, витринах), или на упаковочном материале достаточно крупным для восприятия и чтения шрифтом. По нашему мнению, адаптация правовых норм Европейского Союза относительно правил маркировки отдельных групп продуктов питания позволит преодолеть пробелы в отечественном законодательстве, укрепить биобезопасность государства и защитить права потребителей. Согласно Закону Украины «О защите прав потребителей» потребители во время приобретения, заказа или использования продукции, которая реализуется на территории Украины, для удовлетворения своих личных потребностей имеют право на необходимую, доступную, достоверную и своевременную информацию о продукции. Закон Украины запрещает ведение нечестной предпринимательской деятельности, то есть такой, которая вводит потребителя в заблуждение или является агрессивной. Нарушение правил маркировки генетически измененных продуктов является введением потребителя в заблуждение, так как не предоставление или предоставление в нечеткой, непонятной или двусмысленной форме информации о наличии генно-модифицированного организма в продукте влияет на осуществление потребителем сознательного выбора.

Таким образом, вопрос законодательного закрепления правил маркировки и требований к этикетке генно-измененных продуктов является необходимым для разрешения в контексте укрепления сотрудничества с экономически развитыми странами. Установление жесткого контроля за безопасностью продуктов питания, которые выпускаются на рынок Украины выступает гарантией обеспечения прав потребителей и мерой создания экологической и национальной безопасности государства.

Литература

1. Закон України «Про безпечність та якість харчових продуктів»// Відомості Верховної Ради (ВВР), 1998, N 19, ст. 98
2. Закон України «Про державну систему біобезпеки при створенні, випробуванні, транспортуванні та використанні генетично модифікованих організмів»// Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2007, N 35, ст.484
3. Council Directive 90/219/EEC of 23 April 1990 on the contained use of genetically modified micro-organisms (OJ No L 117 of 8. 5. 1990, p. 1);
4. Directive 2001/18/EC of The Parliament and of The Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC.

Принцип «исключения политических преступлений» как инструмент защиты прав человека в институте экстрадиции

*Нестеренко С.С.*²⁴

²⁴ Автор выражает признательность профессору, д.ю.н. Зелинской Н.А. за помощь в подготовке тезисов.

Правило невыдачи политических правонарушителей традиционно считается общепризнанным, в то же время оно вызывает серьезные споры: все чаще подвергается сомнению его адекватность современным политико-правовым реалиям. Подход, основанный на ограничении выдачи за так называемые политические преступления, получил признание в экстрадиционной практике в виде концепции «исключения политических преступлений». В основе создания данного принципа лежали гуманитарные основания, отображающие политические настроения в Европе в XIX веке, а именно - защиту от деспотизма. Тем не менее, главной целью оставались политические интересы государств.

Важно выяснить роль принципа «исключения политических преступлений» в системе защиты прав человека в институте экстрадиции. На протяжении развития политико-правовой теории, выдвигались различные обоснования этого принципа: 1) защита права на политические изменения (осуществление политической активности, и в частности, право на восстание против тиранических режимов); 2) защита лица (автоматически предполагается, что каждый политический правонарушитель будет подлежать несправедливому правосудию и жестокому наказанию, и поэтому необходимо уберечь правонарушителя в будущем от нечеловеческого обращения); 3) сохранение нейтралитета одного государства относительно политических конфликтов в другом государстве; 4) отсутствие угрозы международной правовой системе, поскольку политическое преступление вытекает из локализованного конфликта и связано с конкретным государством, а правонарушитель не представляет никакой опасности для правительства и населения запрашиваемого государства.

Таким образом, можно выделить два основных аргумента, которые приводятся в поддержку исключения политических преступлений: гуманитарный и прагматический.

Для того чтобы выяснить, в каких случаях применяется принцип исключения политических преступлений, и соответственно, защищаются права лиц, относительно которых есть запрос об экстрадиции, прежде всего, необходимо дать определение понятию «политическое преступление». В настоящее время, не смотря на многолетние поиски, в международном и в национальном праве нет общепринятого определения понятия «политическое преступление». Попытки выработать унифицированный подход в вопросе о том, какие действия следует считать политическими преступлениями, нельзя признать эффективными. Вряд ли расхождения в юридических и политических подходах позволят прийти к единому решению. Мы считаем, что предпочтительным представляется определение круга тех деяний, которые не следует признавать преступлениями политического характера. Необходимо, чтобы рассматриваемый принцип применялся в отношении лиц, совершающих преступления политического характера, в тех случаях, когда эти преступления не содержат элемент насилия или угрозы насилия, т.е. не создают опасность для жизни и здоровья людей; не являются экстремистскими проявлениями.

Ряд ученых считают принцип исключения политических преступлений устаревшим и выступают за его минимизацию либо отмену. Они утверждают, что исключение представляет собой серьезное политическое и юридическое препятствие, способное парализовать сотрудничество между государствами в борьбе с преступностью, в частности, с терроризмом. Возникает вопрос: «Может ли быть полностью отменено правило невыдачи политических правонарушителей?». Мы полагаем, что отмена рассматриваемого принципа является неоправданной. Исходя из политических противоречий, существующих в наше время в мире, отказ усилит репрессии со стороны государств в отношении их политических противников. Указанный принцип эффективно применяется для обеспечения прав человека в институте экстрадиции, поскольку

препятствует осуществлению выдачи лица, совершившего преступление политического характера в государство, где оно может быть подвергнуто несправедливому правосудию и несоразмерному наказанию.

Литература

1. Бойцов, А. И. Выдача преступников / А.И. Бойцов. – Спб.:Издательство «Юридический центр прес», 2004. – 795 с.
2. Зелинская, Н.А. Международные преступления и международная преступность: Монография / Н.А. Зелинская – Одесса: Юридическая литература, 2006. – 564 с.
3. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice / Н.Л. Сафаров. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 416 с.
4. Dugard J., Wyngaert C. van den. Reconciling Extradition with Human Rights // American Journal of International Law. – Vol. 92. – №. 2 –1998. – P. 187-212.
5. Sapiro, M.E. Extradition In An Era Of Terrorism: The Need To Abolish The Political Offense Exception // New York University Law Review. – Vol. 61. – № 4. – 1986. – P. 654-702.
6. Wyngaert C. van den. The political offence exception to extradition: how to plug the terrorists' loophole // Israel Yearbook on Human Rights. – 1989. – № 19. – P. 297-316.

Европейский Суд по правам человека и разрешение споров относительно права интеллектуальной собственности

Никитушкин М. И.

Аспирант

*Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Россия*

E-mail: pleabargaining@gmail.com

В настоящее время в правоприменительной практике Европейского Суда по правам человека (далее – Суд, ЕСПЧ) произошли значимые изменения относительно компетенции Суда рассматривать споры относительно права интеллектуальной собственности. Указанный процесс, сводящийся, в основном, к новой расширительной интерпретации ст. 1 Первого протокола Конвенции о защите прав и основанных свобод человека 1950 г. (далее - Конвенция), влечет в долгосрочной перспективе изменение роли Суда в указанной области. Существенным представляется компаративистский аспект: право интеллектуальной собственности, являющееся по существу правом сугубо частным, традиционно находится в зоне внимания таких механизмов по разрешению международных споров как Суд ЕС и Органа по разрешению споров ВТО. Оценка правоприменительной практики ЕСПЧ имеет практическое значение: при дальнейшем развитии парадигм, сформулированных Судом в своих решениях, этот процесс вызовет появление еще одного органа по разрешению споров относительно права интеллектуальной собственности, что в перспективе может породить ситуацию *forum shopping* на пространстве Европейского континента.

В науке международного права указанные изменения нашли свой отклик. Проф. Хэлфер Л.Р. сформулировал на основании последних решений Суда (прежде всего, на основании дела *Anheuser – Bush v. Portugal*) три парадигмы восприятия ЕСПЧ права интеллектуальной собственности в своей правоприменительной деятельности. Принципиальным выводом здесь является то, что Суд, применив к указанным общественным отношениям ст. 1 Первого протокола к Конвенции, распространил свою компетенцию на разрешение данного вида споров, хотя ранее позиция Суда была противоположной.

Представляется, что расширение компетенции международных судебных и квазисудебных органов в целом показательна в нескольких аспектах. Во-первых, подобного

рода факты отражают сущность концепции «имманентной компетенции» в данном случае Совета Европы. Данная концепция была детально проанализирована в фундаментальном труде проф. Тункина Г.И. «Теория международного права».

Во-вторых, сам метод судебного или квазисудебного разрешения споров международными органами являет в настоящее время собой столь устойчивое явление, распространенное в международной практике, что ныне он проник и в сферу права интеллектуальной собственности, которое по мнению проф. Вельяминова Г.М. несмотря на многочисленные секторальные, региональные и универсальные многосторонние конвенционные усилия, лишь в малой мере международное, унифицированное, а в основном - национальное.

В-третьих, указанные изменения отражают еще одну важную тенденцию в международном праве. Речь идет о так называемом процессе фрагментации международного права. Один из сторонников данной позиции проф. Петерсманн Е.-У. говорит о кардинальном изменении структуры международного права, вызывающим выделение отдельных отраслей международного права с его последующей децентрализацией. Проф. Шоу М.Н. приводит в качестве подобных отраслей международного права, которые приобрели важное, цементирующее значение в системе международного права и с которыми, в основном, и связаны опасения, связанные с возможной фрагментацией. Это – международное торговое право, международное право охраняющих окружающей среды и международно-правовая защита прав человека. Именно последняя отрасль в пересечении с правом интеллектуальной собственности и дает еще один повод задуматься об указанном процессе.

Что же касается самого факта появления на европейском пространстве еще одного международного механизма разрешения споров относительно права интеллектуальной собственности, то вновь актуализируется, с одной стороны, вопрос с указанной выше возможной ситуацией *forum shopping* (эта ситуация, строго говоря, возможна в полном смысле лишь для членов ЕС и Совета Европы, которые являются дестинаторами Соглашения ТРИПС) и дискуссией о создании (возможно под эгидой ВОИС), универсального механизма по разрешению рассматриваемой категории споров. Указанные выше французские авторы Жюйар П. и Карро Д. указывали на данный тренд еще в 1998 г.

Литература

1. Вельяминов Г.М. (2004) Международное экономическое право и процесс (Академический курс). М.: Волтерс Клувер.
2. Жюйар П., Карро Д. (2002) Международное экономическое право. М.: Международные отношения.
3. Тункин Г.И. (2000) Теория международного права. М.: Зерцало.
4. Helfer, L.R. (2008) The New Innovation Frontier? Intellectual Property and the European Court on Human Rights // Harvard International Law Journal, Vol.49, Number 1, p.1-52.
4. Petersmann, E.-U., Polack, M. (2003) Transatlantic Economic Disputes: the EU, the US and the WTO. Oxford University Press.
5. Shaw, M.N. (2008) International Law. Cambridge University Press.

Документы международных организаций как форма закрепления реституции культурных ценностей в международном праве

Пашкевич О.В.

Аспирант

Белорусский государственный университет, факультет международных отношений
Минск, Беларусь

E-mail: olga.pashkevich@gmail.com

В современной теории международного права источники международного права разделяют на основные, производные (вторичные) и вспомогательные. Первая группа источников перечислена в ст. 38 Статута Международного суда ООН. Резолюции, как и решения, международных межправительственных организаций в указанный перечень не входят и рассматриваются в качестве вторичных источников международного права.

Вместе с тем, ряд резолюций могут иметь обязательную силу:

- обязательные для государств-членов резолюции, касающиеся внутренней жизни организации;

- в ряде организаций – обязательные для государств-членов технические правила, стандарты и регламенты;

- по мнению ряда ученых и юристов-международников – некоторые резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которые конкретизируют либо содержат новые нормы международного права.

Вопрос о значимости данного источника является особенно актуальным для проблемы реституции культурных ценностей, поскольку, как показывает международная практика, существенная часть решений в данной области принимается именно в рамках международных организаций.

Так, впервые вопрос о возвращении произведений искусства странам их происхождения в случае незаконного присвоения впервые рассматривался Генеральной Ассамблеей ООН в 1972 году на ее двадцать седьмой сессии, и с того момента данный вопрос продолжает регулярно обсуждаться ею. В своих резолюциях по вопросу возвращения или реституции культурных ценностей странам их происхождения Генеральная Ассамблея подчеркивает значение культурного наследия, призывает государства-члены принять все меры для возвращения или реституции культурных ценностей, в том числе как путем сотрудничества в рамках международных организаций, так и путем заключения двусторонних соглашений.

Ведущую роль среди международных организаций, занимающихся вопросами реституции культурных ценностей, играет ЮНЕСКО. В рамках данной организации принят ряд рекомендаций, посвященных вопросам защиты культурных ценностей, и создан Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей в страны их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения.

ЮНЕСКО сотрудничает с более чем 600 неправительственными организациями и фондами, в том числе ИКОМ (Международный совет музеев), ИКОМОС (Международный комитет по охране памятников и исторических мест, Международный центр охраны и реставрации культурного наследия Рима и др. Результатом их совместной деятельности является принятие рекомендаций, справочников стандартов, международных кодексов и иных документов.

Помимо этого, резолюции, направленные на борьбу с правонарушениями, связанными с культурными ценностями, принимаются также в рамках своей компетенции такими международными организациями, как Международная организация уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ) и Всемирная таможенная организация (ВТО).

В частности, на 64 сессии ИНТЕРПОЛ приняты резолюция AGN/64/P. RES/9 по вопросу передачи информации по похищенным культурным ценностям, которая рекомендует распространять информацию об идентифицируемых украденных предметах, и резолюция AGN/64/P. RES/16 по вопросу похищения культурных ценностей, в которой рекомендуется поддержать усилия, прилагаемые другими международными организациями по совершенствованию международных правил, касающихся реституции краденых культурных ценностей.

Примером в рамках ВТО является принятая в июне 1976 года резолюция, касающаяся действий, направленных на борьбу с незаконным вывозом произведений искусства и предметов древности.

Таким образом, положения, регулирующие вопросы реституции культурных ценностей, которые содержатся в принятых международными организациями документах в рамках своих полномочий, являются важной частью международного нормотворчества. Они являются наиболее оперативным способом реагирования на проблему защиты культурного наследия, формируют международную практику государств и способствуют в дальнейшем ее закреплению в договорной форме.

Литература

1. Действующее международное право. Документы: Учеб. пособие для вузов по специальностям "международные отношения", "регионоведение": В 2 т./Моск. Гос. ин-т (ун-т) международных отношений МИД РФ; Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Москва: Междунар. отношения, 2002.
2. Курс международного права. М., 1989. Т. 1.
3. Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. Нормативные правовые акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия: Конвенции. Протоколы. Резолюции. Рекомендации. – Москва: ЮниПринт, 2002.
4. "Предотвращение незаконной торговли культурными ценностями. Справочник по выполнению Конвенции ЮНЕСКО 1970 года": авторы и составители П.Аскеруд, Э.Клеман. – Москва: НП "Издательская фирма "ЮниПринт", 2002.
5. DOCUMENT A/RES/61/52/ Резолюция Генеральной ассамблеи 61/52 Возвращение или реституция культурных ценностей странам их происхождения. (16 февраля 2007 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/ga/61/docs/61res_nocte.shtml.
6. Promote the return or the restitution of cultural property (the information kit)/ Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/culture/legalprotection>.

Унификация международного частного права как средство экономической интеграции в Латинской Америке

Рафалюк Е.Е.

*аспирант кафедры международного права
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Российская академия
правосудия», Москва, Россия
E-mail: rafaliuk_e@mail.ru*

Характерной чертой развития современного мира можно назвать интеграцию. Интеграция – это и процесс, и явление.

Это многоаспектный феномен, затрагивающий все стороны жизни общества. Интеграция находит свое выражение в различных сферах социальной действительности: политике, экономике, культуре, праве и т.д. Упорядочение между собой разрозненных элементов говорит о стремлении к некоей целостности, единству в развитии общества в целом. О веке настоящем уже сегодня говорят как о «веке глобальном». Сложность и всеобъемлющий характер рассматриваемой проблемы предопределили комплексность настоящего исследования.

Интеграционные процессы находят свое выражение в праве. Право – явление социокультурное. Оно развивается вместе с развитием общества. Правовая интеграция проявляется в нескольких вариантах: унификации, гармонизации, сближении правовых институтов, правовых норм, и даже правовых систем.

Правовая интеграция является, с одной стороны, закономерным этапом развития права (право с точки зрения философии проходит стадии зарождения, становления, развития), с другой, средством достижения целей экономической интеграции. Правовая интеграция обеспечивает и предопределяет дальнейшее развитие экономики.

В условиях динамичной региональной экономической интеграции в Латинской Америке развивается правовая интеграция. Она затрагивает сферу публичного и частного права. Эти две сферы права связаны и взаимодействуют между собой. Одно предопределяет развитие другого.

В области международного публичного права под воздействием интеграционных процессов произошли такие изменения, как пересмотр и развитие традиционной концепции государственного суверенитета, появление новых субъектов международного права – интеграционных сообществ, пересмотр идей о субъектах правотворчества, складывание нового, в отличие от международного и национального, правопорядка – правопорядка интеграционных сообществ (т.н. коммунитарного права).

Целью создания интеграционных сообществ в Латинской Америке является эффективное развитие экономик входящих в объединение государств. Развитие торговли, предпринимательства невозможно без частноправового регулирования. Международное частное право выступает здесь как главный регулятор: обеспечивает движение товаров, лиц, услуг, капиталов между государствами. Для достижения удобства в регулировании этих отношений важна унификация международного частного права, т.е. создание единообразных правил решения тех или иных вопросов или на основе коллизионного метода, или на основе материально-правового.

Для Латинской Америки идеи унификации МЧП не являются новыми. Напротив, ученые говорят о латиноамериканском континенте как о «прародителе» унификационного движения в Европе. Опыт латиноамериканской унификации МЧП богат такими

примерами, как принятие Кодекса Бустаманте, многочисленных договоров в рамках Панамериканских конференций, затем на Специализированных конференциях по МЧП под эгидой ОАГ. Унификация МЧП в Латинской Америке имеет свои особенности: приверженность идеям универсализма, стремление к глобальной унификации, использование преимущественно конвенционного метода. Уникальность унификации МЧП состоит в попытке унификации правовых норм и институтов двух различных систем права – романо-германской и англо-саксонской.

С появлением интеграционных сообществ произошли изменения в методологии унификации МЧП. Конвенционный метод дополняется методом принятия нормативных актов в области МЧП компетентными органами интеграционных объединений. Становится более разнообразным инструментарий унификации, к которому можно отнести - договоры, модельные законы, директивы, постановления, резолюции компетентных органов интеграционных сообществ.

В интеграционных сообществах складывается свой особый правопорядок (коммунитарное право). В связи с чем, перед юриспруденцией открываются новые вопросы: о юридической природе норм коммунитарного права, иерархии в системе норм национального законодательства, инкорпорировании норм коммунитарного права в национальное законодательство. Единства в решении этих вопросов нет, как на уровне доктринальном, так и на законодательном. Страны Латинской Америки по-разному решают вопросы о соотношении норм национального и коммунитарного права, о способах их инкорпорации во внутреннее законодательство, о чем свидетельствуют положения Конституций этих государств.

Важным инструментом унификации МЧП являются суды интеграционных сообществ Латинской Америки. Латиноамериканские ученые уже сегодня называют их главными инструментами в складывании единообразного правопорядка интеграционных объединений. В правовой науке других стран значение деятельности судов как активных участников интеграционных процессов пока до конца не осмыслено. Государства-члены интеграционных объединений наделяют суды широкой компетенцией, что позволяет им реально влиять на формирование единого права. Суды участвуют в нормотворческой деятельности: при толковании права; при восполнении пробелов правового регулирования; при придании решениям суда прецедентной силы. Суды являются творцами права. Реальная практика судов подтверждает этот тезис.

Для российской правовой науки этот материал может представлять собой интерес с точки зрения передачи информации о процессах правовой интеграции в Латинской Америке, основных положениях латиноамериканской правовой доктрины, нормативно-правовых источниках, практики судов интеграционных сообществ Латинской Америки. Для России процессы интеграции являются актуальными. Возможно, опыт

латиноамериканской правовой интеграции может быть использован в реформирования деятельности СНГ и Экономического Суда СНГ.

К проблеме партизанской войны в международном праве

Садовников Денис Владимирович

аспирант

**Государственный университет Высшая школа экономики,
факультет права, Россия, Москва**

E-mail: 1771_88@mail.ru

Трудности и существенные разночтения начинаются уже при определении понятий. Примечательно, что сами международные договоры, являющиеся источниками международного гуманитарного права нигде не используют такие понятия как «партизан» или «партизанская война». Положение о законах и обычаях сухопутной войны (Приложение к IV Гаагской конвенции 1907 г.) в ст. 1 упоминает личный состав ополчения и добровольческих отрядов, а в ст. 2 также население незанятой территории, которое при приближении противника возьмется за оружие. П. 2 ст. 4 III Женевской конвенции 1949 года называет членов «организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте». В то же самое время, понятие «партизан» получило широкое распространение в отечественной (Борзенков, 1988; Моджарян, 1953; Полторац, 1949; Савинский, 1949.) и зарубежной (Хайд, 1953) доктрине, хотя в него и вкладывается различное содержание.

И.И. Котляров, полагает, что партизаны не охватываются понятием «добровольческие отряды» (Котляров, 2007). Ссылаясь на Ч. Хайда, он смешивает партизан с войсковыми диверсионно-разведывательными отрядами, действующими в тылу противника. Эта позиция весьма уязвима. Во-первых, потому, что в том месте, на которое дает ссылку И.И. Котляров, Ч. Хайд употребляет понятие «партизан» в переносном смысле, говоря о «так называемых «партизанах». В действительности же тремя страницами ранее американский классик вкладывал в это понятие совершенно иное содержание. Во-вторых, потому, что Ф.Ф. Мартенс – один из главных авторов соответствующего положения – писал, что его целью является определить статус, которым обладают «отряды ополченцев, вольных стрелков, добровольцев и т.п.», «всякого рода партизанских отрядов, волонтеров и, наконец, участников в поголовном восстании» (Мартенс, 1905).

Наиболее обстоятельно проблема понятий «партизан», «партизанское движение», «партизанская война» разработаны отечественными учеными послевоенного периода Л.А. Моджарян, А.И. Полтораком и Л.И. Савинским.

Согласно самому позднему определению, данному А.И. Полтораком и Л.И. Савинским, «партизанская война – это вооруженная борьба организованных групп (ополчение, добровольческие отряды, движения сопротивления), не входящих в состав регулярных вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, сражающихся преимущественно в тылу неприятеля в процессе законной (справедливой) войны против иноземных захватчиков в защиту свободы и независимости страны, а также в целях национального и социального освобождения, и опирающаяся на широкое сочувствие и поддержку народа» (Полторац, Савинский, 1976).

Не смотря на значительные достижения названных ученых, вопрос о правомерности участия в военных действиях представителей гражданского населения остается весьма проблематичным (Кальсховен, 1999).

На исходе XX - заре XXI века международное право сталкивается с целым рядом новых серьезных проблем. Вооруженные конфликты, сопровождавшие распад СССР и Югославии, военные действия на Северном Кавказе, террористические акты 11 сентября

2001 г., агрессия НАТО против Югославии и Ирака, закавказские события августа 2008 года придали актуальности рассматриваемой темы новый импульс и новое звучание.

Уже не только специалисты, но и руководители государства отмечают, что «бандитские группировки способны ... вести полномасштабные боевые действия». В качестве другой, не предусмотренной международными документами и не изученной в рамках доктрины международного права, формы организации иррегулярных сил можно назвать частные охранные структуры. Некоторые из них не только «по своей численности и оснащению ... уже сопоставимы с армиями целых государств», но и «активно ... участвуют в боевых действиях». Это ставит перед наукой международного права целый ряд вопросов, прежде всего, о статусе подобных формирований (Путин, 2008).

Совершенно туманным предстает вопрос о правовом положении вооруженных формирований т.н. «непризнанных» и «самопровозглашенных» правительств. В ряде новейших примеров ситуация дополнительно осложнена тем, что «непризнанные» ведут борьбу не против легитимного центрального правительства, а против субъектов федерации, осуществляющих сецессию (Босния, Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия и т.д.).

Складывающаяся ситуация заставляет нас вновь обратить внимание, но уже в новом аспекте, на такие вопросы, как право, регулирующее конфликт, возникающий между государством и стороной, не являющейся государством; критерии, дающие право на статус комбатанта; обращение, которому подлежат различные категории лиц, принимавших участие в военных действиях.

Литература

1. Алешин В.В. (2007) Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности РФ. Дисс. ... докт. Юрид. Наук. М.
2. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. (1989) Вооруженный конфликт, право, политика, дипломатия. М.
3. Борзенков А.С. (1988) Международно-правовой статус партизан: история и современность. Диссерт. ... докт. юрид. наук. Харьков.
4. Давид Э. (2000) Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК.
5. Зверев П.Г. (2005) Статус законных участников вооруженного конфликта. Дисс. ... канд. Юрид. Наук. М.
6. Кальсховен Ф. (1999) Ограничение методов и средств ведения войны. М.: МККК.
7. Котляров И.И. (2007) II Гаагская конференция мира 1907 года и дальнейшее прогрессивное развитие международного гуманитарного права. // Московский журнал Международного права. № 4.
8. Курс Международного права. В 7 т. Т. 6. Отрасли Международного права / И.И. Арцибасов, И.И. Лукашук, Б.М. Ашавский и др. М.: Наука, 1992.
9. Мартенс Ф.Ф. (1905) Современное международное право цивилизованных народов. Изд. IV. Т. II. СПб.
10. Моджарян Л.А. (1953) Народная война на оккупированных во время войны территориях и правовое положение ее участников. Дисс. ... докт. юрид. наук. М.
11. Полторак А.И. (1949) Понятие вооруженных сил (комбатантов) в международном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М.
12. Полторак А.И., Савинский Л.И. (1976) Вооруженные конфликты и международное право: основные проблемы. М: Наука.
13. Путин В.В. (2008) Выступление на Международной конференции по вопросам гуманитарного права в Санкт-Петербурге 24 ноября 2008 г. // <http://premier.gov.ru/visits/ru/>
14. Савинский Л.И. (1949) Вопросы партизанской войны в международном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М.

15. Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 5. М., 1953.

Международная защита прав человека в связи с развитием генной инженерии

Самойлова П.В.

Студентка

*Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина,
юридический факультет, Казань, Россия
E-mail: stepforward@mail.ru*

За последнее время исследования в области биологии и медицины получили широкое развитие. Именно они должны проводиться только на благо человека и человечества, но в реальности прослеживается и их негативная сторона. В последней четверти XX века развитие медико-биологических наук достигло такого уровня возможностей воздействия на индивидуальное и общественное здоровье, что он стал угрожающим самой природе человека.

Генная инженерия, которая бесспорно вносит вклад в развитие биологии и медицины, также часто не обеспечивает гарантий безопасности при возможном вмешательстве в сферу здоровья человека. Следовательно, необходимо принятие норм как внутригосударственного, так и международного уровня, способных обеспечить защиту человека и его прав в этом аспекте.

В Преамбуле Конвенции о правах человека и биомедицине говорится, что успехи, полученные в области биологии и медицины должны использоваться на благо нынешнего и грядущих поколений. Подчеркивается необходимость международного сотрудничества для того, чтобы все человечество пользовалось благами биологии и медицины, в том числе имеется в виду и благами генной инженерии. Стороны конвенции защищают достоинство человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение личной неприкосновенности в связи с применением достижений данных наук.

К предметам исследования «генной инженерии» относятся: клонирование отдельных органов, животных, человека; создание генетически - модифицированных объектов; трансплантация органов; вопросы биоэтики и т.д.

Исследования генома человека должны основываться на всестороннем уважении достоинства, свобод и прав человека, а также на запрещении любой формы дискриминации по признаку генетических характеристик.

Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено только в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что на изменение генома наследников данного человека согласно Конвенции о правах человека и биомедицине от 19 ноября 1996г.

Хотя на сегодняшний день активно ведется нормативно-правовое закрепление прав человека в данном аспекте, в том числе и на международном уровне, многие вопросы так и остаются неурегулированными. Сюда нужно отнести правовой статус эмбриона человека, созданного в результате клонирования; право собственности на изобретение, связанное с созданием какого-либо генетически модифицированного организма; лицензирование деятельности, связанной с экспериментами в области клонирования человека.

Международное сообщество все еще не выработало норм, регулирующих вопрос клонирования, которые бы устраивали представителей всех политических, религиозных и этических взглядов.

Также плохо урегулированным остается вопрос о трансплантации органов. Часто возникает спор о корректности пересадки органов животных в организм человека.

В любом случае международное право обязано решить эти задачи путем четкого закрепления прав и обязанностей лиц, имеющих право на деятельность в области генной инженерии, а также путем определения порядка их лицензирования, работы и механизма

контроля над этими лицами. В конечном итоге, имплементируя нормы международного права, государства всего мира смогут создать на их базе свои нормативно-правовые акты, регулирующие этот очень важный и актуальный на сегодняшний день аспект.

Литература

1. Валеев Р. М., Вагизов Р. Г. (2007) Международная и внутригосударственная защита прав человека. Казань: Казанский государственный университет.
2. Йорыш А. И. (1998) Правовые аспекты генной инженерии // Государство и право, №3.
3. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997г.

Правовой режим военных баз. Проблемы осуществления государственной юрисдикции

Селиверстова О.И.

*Аспирант кафедры международного права
Российская академия правосудия, Москва, Россия*

E-mail: o-seliverstova@yandex.ru

В настоящее время политика Российской Федерации направлена на стабилизацию международных отношений, в том числе на постсоветском пространстве, а также на укрепление позиций Российской Федерации на международной арене.²⁵ Одним из инструментов достижения указанных целей является размещение военных баз на территории иностранных государств. Соответственно особое значение приобретают вопросы юридического оформления размещения российских военных баз за рубежом, статуса и условий пребывания воинских формирований Российской Федерации на иностранной территории.

Основная форма, в которую облекается правовое регулирование статуса российских военных баз – это двусторонние соглашения с соответствующими государствами пребывания. На сегодняшний день Российской Федерацией заключены подобные соглашения с Арменией, Таджикистаном, Киргизией, Казахстаном. Эти соглашения касаются различных аспектов размещения военных баз на территории иностранного государства и, как правило, предусматривают аренду участка территории под военную базу у соответствующего государства.

В отличие от международно-правовой аренды государственной территории использование территории для размещения военной базы часто осуществляется на безвозмездной основе; кроме того, военная база может использоваться в интересах обоих государств (например, оказывать содействие вооруженным силам государства пребывания в охране его границ). Но самое главное, что, сдавая территорию в аренду для размещения там иностранной военной базы, государство пребывания ограничивает своё территориальное верховенство над ней. Это необходимо для успешного функционирования и в итоге - достижения целей, ради которых и создаётся военная база.

Объём передаваемых юрисдикционных прав зависит от положений соответствующих международных договоров. Специальные двусторонние соглашения разграничивают юрисдикцию государств, под флагом которого находится военная база и государства пребывания. Поскольку существует значительная область конкурирующей юрисдикции, договор должен предусматривать правила для определения того, какое государство обладает «преимущественным правом» на осуществление юрисдикции. В большинстве подобного рода договоров содержатся единые подходы к разграничению предметов

²⁵ Ермолович Я.Н. О некоторых вопросах прохождения военной службы в воинских формированиях РФ на территориях иностранных государств // Российский военно-правовой сборник №9. М.: За права военнослужащих, 2007, Вып. 73. С.542.

юрисдикции между сторонами. Так, например, устанавливается, что государство, которому принадлежит военная база, обладает преимущественной юрисдикцией по вопросам дисциплины и внутренней деятельности воинских формирований, а также в отношении преступлений, совершённых лицами, входящими в состав военной базы, при исполнении своих должностных обязанностей. Местная юрисдикция по общему правилу применяется в отношении нарушений воинскими формированиями правопорядка страны пребывания. Некоторые западные учёные отмечают, что подобные нормы о распределении юрисдикции формируют обычное право в этой области или, по крайней мере, стремятся к этому.²⁶

В связи с размещением военных баз на территории иностранных государств возникает проблема определения природы государственной юрисдикции в отношении этих баз. Международно-правовая наука в качестве основы для осуществления всех видов юрисдикции рассматривает три принципа: 1) территориальный, 2) персональный и 3) функциональный. Вопрос состоит в том, на основе какого принципа осуществляется юрисдикция в отношении военных баз на чужой территории. Каждое суверенное государство осуществляет территориальную юрисдикцию на своей собственной территории. Сдавая территорию в аренду для размещения на ней военной базы, государство ограничивает своё территориальное верховенство, допуская там действие иностранных законов. Тем не менее, распространение юрисдикции не связано с одним лишь фактом передачи территории в аренду. Собственно арендные соглашения имеют своей целью только лишь перенесение имущественных прав без предоставления возможности государству-арендатору осуществлять свою юрисдикцию на арендованной территории. Такие соглашения носят характер найма имущества и специально оговаривают, что арендуемые участки подчиняются законам государства – арендодателя, то есть территориального суверена.²⁷ Напротив, в договорах по военным базам предусматривается уступка юрисдикционных прав, которая необходима для того, чтобы военная база, оставаясь относительно независимой от действия национального права, эффективно выполняла возложенные на неё задачи. Ц. Березовский подводит к этой мысли следующим образом. Он пишет: «так как основой военной базы является определённая совокупность устройств для военных нужд, государство, которому принадлежит военная база, распоряжается этими устройствами. В связи с тем, что эти устройства находятся на определённой территории, государство пользуется территориальным верховенством в пределах этой базы». То есть наличие особых прав верховенства связывается с целями обеспечения нормального функционирования военной базы. Таким образом, функциональный принцип, который обосновывает распространение юрисдикции на органы, осуществляющие публичные функции, представляется наиболее применимым и в отношении военных баз.

Литература

1. Березовский Ц. Некоторые проблемы территориального верховенства. М.: Инстр. Лит., 1961.
2. Броунли Я. Международное право. Кн.1. М.: Прогресс, 1977.
3. Ермолович Я.Н. О некоторых вопросах прохождения военной службы в воинских формированиях РФ на территориях иностранных государств. // Российский военно-правовой сборник №9. М.: За права военнослужащих, 2007.
4. Свиначев В.В. Правовое положение российских военных баз за рубежом. // Право и политика. 2000. №6.
5. Оппенгейм Л. Международное право. Т.1. Полут.2. М.: Инстр. лит., 1949.

²⁶ См, например, Броунли Я. Международное право. Кн.1. М.: Прогресс, 1977, С.517.

²⁷ Шалланд Л. Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование. Т.1./ С.-Пб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1903. С. 256.

6. Фердросс А. Международное право. М.: Иностр. лит., 1959.
7. Шалланд Л. Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование. Т.1. С-Пб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1903.
8. Шерпаев В.И. Сотрудничество стран СНГ: военно-правовой аспект. // Московский журнал международного права. 1998. № 1.

Проблемы территориального разграничения Арктического шельфа

Скворцов Д.И.

Студент

*Московский Городской университет управления Правительства Москвы,
юридический факультет, Москва, Россия*

E-mail: skdim@rambler.ru

Так как Арктический шельф представляет собой лишь часть континентального шельфа, то и рассматривать стоит понятие континентального шельфа.

Термин “континентальный шельф” сегодня у всех на слуху. Интерес этот не случаен. По образному выражению одного западного юриста, все запасы полезных ископаемых, которые таит в себе континентальный шельф, в сравнении с разведанными запасами на сухопутной части нашей планеты – это всего равно, что почтовая марка, наклеенная на спину слона.

Континентальный шельф имеет огромное стратегическое значение для России. По данным Министерства природных ресурсов РФ площадь российского континентального шельфа составляет около 6,2 млн.кв.км, что соответствует 21% площади шельфа всего Мирового океана. Из них 3,9 млн.кв.км. перспективны на нефть и газ, причем 2 млн.кв.км. относится к Западной Арктике/Баренцево и Карское моря/, 1 млн. – к Восточной Арктике.

В самом широком смысле под континентальным шельфом понимается подводная окраина материка до его резкого обрыва на большие глубины. В поперечном разрезе это продолжение материка напоминает своеобразную подводную полку, примыкающую к сухопутному, отсюда, видимо, и название “шельф” (от англ. “shelf” – “полка”). На таком подходе построено геофизическое (геологоморфологическое) понятие континентального шельфа. Юридическое же понятие континентального шельфа имеет существенные отличия от геофизического.

Основными международно-правовыми актами, регулирующими режим континентального шельфа, являются два универсальных международных договора: Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 года и Конвенция ООН по морскому праву 1982 года.

Согласно статье 1 Конвенции 1958 года под континентальным шельфом понимается поверхность и недра морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящегося вне территориального моря, до глубины 200 метров, или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов.

Таким образом, Конвенция 1958 года устанавливает два критерия для определения внешней границы континентального шельфа:

1. глубины (200 метров);
2. техническая доступность (так называемый критерий эксплуатабельности).

Статья 76 Конвенции 1982 года устанавливает, что континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводных окраин материка или на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние.

Если же окраина материка простирается более чем на 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, то континентальный шельф прибрежного государства не может простирается далее 350 морских миль от указанных исходных линий или не далее 100 морских миль от 2500-метровой изобаты, которая представляет собой линию, соединяющую глубины в 2500 метров. Следовательно, в зависимости от ширины собственного

шельфа, возможны три варианта определения внешней границы юридического континентального шельфа прибрежного государства:

1. если ширина шельфа менее 200 морских миль, отсчитываемых от исходных линий, то шельфом будет считаться все морское дно и его недра до внешней границы, проходящей на расстоянии в 200 морских миль, отсчитываемых от тех же исходных линий;

2. если ширина шельфа более 200 морских миль, но менее 350 морских миль, отсчитываемых от исходных линий, то шельфом будет считаться все морское дно и его недра до внешней границы, проходящей на расстоянии не далее 350 морских миль от указанных исходных линий или не далее 100 морских миль от 2500-метровой изобаты;

3. если ширина шельфа более 350 морских миль, отсчитываемых от исходных линий, то шельфом будет считаться все морское дно и его недра до внешней границы, проходящей на расстоянии не далее 350 морских миль или не далее 100 морских миль от 2500-метровой изобаты.

Данные о границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, предоставляются соответствующим прибрежным государством в Комиссию по границам континентального шельфа, создаваемую в соответствии с Приложением 2 к Конвенции 1982 года. Указанные положения Конвенции 1982 года не применяются, когда речь идет о делимитации континентального шельфа между государствами с противоположными или смежными побережьями. В этом случае делимитация континентального шельфа осуществляется на основе соответствующих двусторонних договоров.

Таким образом, юридическое понятие континентального шельфа включает помимо самого шельфа прибрежные районы морского дна, где континентального шельфа в прямом смысле нет, а также районы морского дна за пределами континентального шельфа. Кроме того, если с географической точки зрения шельф начинается от берега моря, то с юридической – от внешней границы территориального моря, поскольку территориальное море, морское дно и его недра в рамках территориального моря входят в состав государственной территории прибрежного государства.

В Мировом океане шельф обычно заканчивается не дальше 200 морских миль от берега. Однако в мелководной Арктике он очень часто заходит далеко за эту линию. И вот тут-то и возникает основная проблема – проблема, связанная с разграничением арктического шельфа между прибрежными государствами. Конвенция 1982 года предусматривает возможность расширения границы экономической зоны, если страна докажет, что шельф простирается за пределы 200-мильной зоны.

Наиболее ожесточенные споры идут вокруг хребта Ломоносова, который проходит под Северным полюсом от России до самой Гренландии. Россия считает, что хребет Ломоносова является естественным геологическим продолжением Сибири. Дания считает хребет продолжением шельфа Гренландии. Свое мнение по этому вопросу имеет и Канада. Позиции госдепа США проста: спорные хребты имеют океаническое происхождение и, “следовательно, не являются частью континентального шельфа какого-либо государства”.

Факт того, что хребет Ломоносова является продолжением Сибирской платформы, а следовательно, и продолжением континентального шельфа и попыталась доказать Россия, когда в 2001 году отправила в специальную Комиссию ООН заявку по обоснованию внешней границы континентального шельфа.

Однако заявку России заморозили. Комиссия потребовала от Москвы больше обоснований. Теперь нам нужно будет повторно отправить ее в 2009 году. Если просьбу Москвы удовлетворят, то разделение арктической части континентального шельфа может стать поводом для взаимных претензий со стороны всех арктических стран.

Литература

1. Конвенция ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года)
2. Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29 апреля 1958 года)
3. Бараболя П.Д., Иванашенко Л. А., Колесник Д.Н. Международно-правовой режим важнейших проливов и каналов. М.: Юрид. лит. 1965 С.148.

4. Бараболя П.Д. Проблема международных проливов на Третьей Конференции ООН по морскому праву // Мор. Сб. 1977. № 8. С.89.
5. Г.Ф. Калинин. Режим морских пространств. Территориальные воды, международные проливы, экономические зоны и континентальный шельф. М.: Юрид. литература. 1981. С.55.
6. Гуцуляк, В.Н., Аннотация: Морское право. – 2003. - №2.

**Влияние решений Европейского Суда по правам человека на формирование
Украинской правозащитной системы**

Суховой Филипп Иванович

студент

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, юридический
факультет, Киев, Украина*

E-mail: Sukhovoif@ukr.net

Влияние деятельности Европейского Суда по правам человека на формирование национальных правозащитных систем и соблюдение странами – участниками стандартов защиты прав человека сложно сравнить с влиянием любой другой международно – правовой структуры.

Решения и рекомендации Европейского Суда по правам человека влияют на реформирование и модернизацию современных национальных правозащитных систем, а также на практическое применение европейских правовых стандартов при принятии решений национальными судами.

Идея его создания, как регионального международного Суда, по защите прав человека появилась сразу после окончания Второй мировой войны, когда речь шла о принятии Европейской конвенции по правам человека. Но Европейский Суд по правам человека, создание которого задекларировано ст. 19 Европейской конвенции по правам человека 1949 года, формировался и начал своё функционирование только в 1958 году.

Деятельность Европейского Суда по правам человека направлена на защиту прав человека, что в XXI веке стало неотъемлемой частью жизни любого общества. За долгие годы своего функционирования он стал одной из основных международных правозащитных институций общеевропейской системы защиты прав человека.

До 1999 года в рамках Совета Европы существовала двухуровневая система защиты прав человека, которую упростили протоколом №11 Конвенции по правам человека. Протоколом от 11.05.94 предусмотрено перестройку контрольного механизма, созданного Конвенцией о защите прав и основных свобод человека, реорганизацию Комиссии и Суда, то есть замена существующих Европейской комиссии и Европейского Суда по правам человека новым постоянно действующим судом, который действует на постоянной основе. Причина реорганизации была указана в преамбуле Протокола, а именно – увеличение количества заявлений от граждан, которые обращались в Суд за восстановлением нарушенных прав и увеличение количества государств – членов Совета Европы.

Сейчас действующий Суд имеет одноуровневую систему рассмотрения заявлений, что предусматривает собой возможность непосредственного обращения заявителя к Суду, а не через Комиссию, как это было раньше. Это делает процедуру защиты оперативной и эффективной. Новый Суд имеет в своём составе по одному судье от каждого государства – члена Совета Европы, которые ратифицировали Конвенцию. Судьи избираются Правительственной Ассамблеей Совета Европы. Срок на который избираются судьи – шесть лет. Судья может работать до 79-ти летнего возраста. Протоколом №11 утверждена внутренняя организация работы Суда. Что же касается затрат на функционирование Суда, то их несёт Совет Европы.

Функцию надзора за выполнением решений Суда выполняет Комитет министров Совета Европы. Комитет отслеживает, были ли предприняты меры для ликвидации нарушений прав человека, и какие меры были предприняты странами для предупреждения этих нарушений. Комитет контролирует возврат прав человека, чьи права были нарушены.

В юрисдикции Суда находятся все вопросы, которые передаются ему на рассмотрение, а также те которые предусмотрены Конвенцией и её протоколами.

Что касается Палат Суда, то они создаются на определённый срок. Во время заседаний выбираются главы палат Суда и один или несколько заместителей секретаря.

Заявления принимаются Судом от любого гражданина, неправительственной организации или группы людей. Предметом заявления может быть нарушение одной из стран – участниц прав, изложенных в Конвенции или в протоколах к ней. Если говорить о возможности обращения граждан за защитой своих прав в Европейский Суд по правам человека, то это возможно только тогда, когда все возможные национальные инструменты судебной защиты исчерпаны.

Содержание этого важного процессуального требования Европейский Суд по правам человека разъяснил в одном из первых своих решений. Суд отметил, что система защиты прав человека, предусмотренная Конвенцией, по своей природе субсидиарная, то есть вспомогательная, что внедрено в предусмотренном правиле: человек имеет право обращаться в Совет Европы, только если им применены все доступные способы правовой защиты. Это означает, что защиту прав человека должны обеспечивать, в первую очередь, государственные органы, включая национальные Суды, которые обязаны признавать принципы и нормы Конвенции в качестве приоритетной основы своей деятельности.

На сегодняшний день уже есть значительный опыт обращения граждан в Европейский Суд и есть немало решений, принятых этими институциями по поводу обращений украинских граждан. Если обратить внимание на то, что за количеством жалоб в Европейский Суд по правам человека Украина рядом с Россией и Румынией занимают одно из первых мест среди других стран – членов Совета Европы. Это свидетельствует о недостаточной эффективности деятельности национальных правозащитных институций в нашей стране, институций которые не могут обеспечить своим гражданам соответствующую защиту их прав и свобод, гарантированных Конституцией Украины.

Важным аспектом в формировании демократической судебной системы в Украине, а также функционирующей, и правозащитной системы в целом, есть доступность к практике Европейского Суда, к деятельности правозащитных международных, национальных, гражданских правозащитных институций и организаций.

Литература:

1. Глотов С.А., Петренко Е.Г. Права человека и их защита в Европейском суде/ Ин-т нац. стратегии реформ.-М.; Краснодар: Изд. Дом «Юг»,2000.-139с.
2. Бурлацкий Ф.М. Проблема прав человека в СССР и России. (1970 – 80-е и начало 90-х годов). – М.: Научная книга,1999.-279с.
3. Сборник договоров Совета Европы.-К.,Парл.в-во.-2000.
4. Конституция Украины // Ведомости Верховного Совета.-1996, №30.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // «Голос Украины», 10 января 2001 г. - №3 (2503), с. 6-8.
6. Протокол №11 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод/Сборник договоров Совета Европы.-К.,Парл.в-во.-2000.
7. Протокол №2 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод/Сборник договоров Совета Европы.-К.,Парл.в-во.-2000.
8. Дженис М., Кей Р., Бредли Е. Европейское право в сфере прав человека: практика применения. Пер. з англ. – К.: «АртЕк», 1997.-624с.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 года как правовая база установления торгово-экономических отношений Российской Федерации и Европейского Союза.

Талипов А.М.

Студент юридического факультета

Филиал ГОУ Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина в г.

Набережные Челны, Россия

E-mail: radya-1078@mail.ru

24 июня 1994 г. на острове Корфу (Греция) Президент Российской Федерации, председатель Комиссии Европейского Союза и руководители государств-членов Евросоюза подписали текст Соглашений о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и государствами-членами Европейского Союза, с другой (далее СПС)²⁸.

Соглашение явилось наиболее широким, содержательным и далеко идущим экономическим соглашением из всех, которые когда-либо подписывались Советским Союзом или Россией с западно-европейскими государствами или международными организациями. Поэтому многие отечественные исследователи относят его к уникальным соглашениям, договорам «нового поколения»²⁹.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве содержит 112 статей, скомпонованных в 11 разделов, десять приложений и два протокола. Одновременно с Соглашением подписан, являющийся его неотъемлемой частью Заключительный акт, к которому прилагаются тексты 33 совместных деклараций сторон в отношении различных статей Соглашения, обменных писем в отношении статей 22 и 52 и односторонних деклараций Сообществ (в отношении статьей 36 и 54) и России (в отношении статьи 36).

Соглашение заключено на 10 лет с возможностью продления. На его основе был сформирован разветвлённый механизм политического диалога и реализации взаимных договоренностей. После подписания СПС началась напряжённая работа по претворению в жизнь его положений. Рамочный характер СПС требовал дальнейшего развития и конкретизации многих его положений, в том числе в рамках специальных секторальных двусторонних отношений по отдельным вопросам. Необходимость заключения одних соглашений прямо вытекает из соответствующих статей СПС (ст. ст. 21, 66), в отношении других соглашений предусматривается возможность их заключения (ст. 62).

Главное достоинство Соглашения состоит в том, что оно закладывает твёрдые и стабильные правовые основы взаимодействия между Россией и ЕС в области торговли товарами и услугами, взаимного доступа на рынки и учреждения компаний. Согласно СПС, Россия в отношениях с Европейским Союзом получает выгоды и преимущества, предусматриваемые членством во Всемирную торговую организацию (ВТО), задолго до вступления в эту организацию. В Соглашении найден разумный баланс между использованием применительно к различным сферам регулирования таких режимов, как режим наибольшего благоприятствования, национальный режим и режим изъятий из правила взаимности. СПС устанавливает правовые рамки межотраслевого сотрудничества в области промышленной политики, добычи полезных ископаемых, энергетики, атомной промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, банковского и таможенного дела, туризма, использования космического пространства и некоторых других. Оно создаёт правовые предпосылки для сотрудничества в области инвестиций, государственных закупок, унификации стандартов, защиты потребителей, науки и техники, образования, культуры, статистики, информатики, экологии, а также в социальной сфере³⁰.

²⁸ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (Заключено на о. Корфу 24.06.1994) // Собрание законодательства РФ. – 1998. - № 16. - Ст. 1802.

²⁹ См.: Клёмин А.В. О договорах между ЕС и Россией // Московский журнал международного права. – 2002. – № 2. – С. 57.

³⁰ Энтин М.Л., Келлерман А. Практика применения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве: новое развитие // Московский журнал международного права. – 2005. – № 3. – С. 156.

В настоящее время между Россией и ЕС на основе СПС заключено шесть специальных соглашений в различных секторах торгово-экономического сотрудничества³¹.

Соглашения о партнерстве и сотрудничестве были также заключены с другими бывшими республиками СССР. При идентичности названий и сходстве структур соглашений о партнерстве и сотрудничестве их содержание неравноценно. Проанализировав их тексты, можно сделать вывод о том, что именно Россия является наиболее важным партнером для ЕС. Этот вывод, прежде всего, основан на положениях СПС, касающихся углубленного политического диалога, и более детально сформулированных положениях, касающихся инвестиций.

30 ноября 2007 г. истек срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС.

Относительно дальнейшей судьбы СПС возможны три варианта договорного оформления отношений между ЕС и Россией:

— продление действия СПС, как это предусмотрено статьей 106 данного Соглашения, вплоть до того времени, когда Стороны сочтут целесообразным заменить его новым соглашением;

— внесение изменений и дополнений в существующий текст Соглашения, учитывающих современный уровень «продвинутого сотрудничества» и реальные перспективы развития отношений на 10 – 15 лет вплоть до создания ассоциации;

— подготовка нового соглашения, которое полностью заменит СПС, как только оно будет подписано и ратифицировано Россией, Европейским Союзом и его государствами-членами³².

Действующее Соглашение до конца свой потенциал ещё не реализовало и вполне применимо на ближайшие пять лет. С юридической точки зрения, если СПС сохранит своё действие в первоначальном виде, а современные отношения станут строиться на параллельно существующих соглашениях, то по истечении незначительного периода его положения могут стать просто ФУС (фактически утратившими силу), а реальные отношения будут развиваться на базе нескольких связанных между собой актов.

Принятие Регламента ЕС о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам Рим II и его роль в процессах унификации современного коллизионного права Евросоюза

Троценко Ирина Александровна
аспирант

Институт международных отношений

Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Киев, Украина

E-mail: irina@law-office.kiev.ua

Процесс формирования международного частного права на уровне ЕС имеет длительную историю и продолжается и поныне. Построение системы европейского права в этой сфере, также как и других, должен был проходить с помощью двух механизмов, а именно разработки «европейских международных соглашений» или принятия таких обязательных европейских актов, как директива или регламент.

³¹ Подробнее см.: Алексеев С.А. Секторальные соглашения между Россией и ЕС // Московский журнал международного права. – 2003. – № 3. – С. 190 – 199.

³² Концепция модернизации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом и заключения Соглашения о продвинутом партнерстве, учреждающем ассоциацию// http://www.rue.ru/o_seminarax/Morozovka/concept.htm.

Следует отметить, что в договоре о создании Европейского Экономического сообщества от 25 марта 1957 года (Римский договор) не были заложены основы для реализации вышеуказанных механизмов. В связи с этим страны-участницы ЕЭС могли сотрудничать в гражданских вопросах исключительно с помощью международных конвенций. При этом, попытки унифицировать коллизионное право в рамках европейских конвенций в большинстве случаев не увенчались успехом, - некоторые из созданных конвенции так и не вступили в действие.

Некоторые изменения в процессе формирования единого европейского международного частного права произошли в связи со вступлением в силу Договора о создании Европейского Союза от 7 февраля 1992г., в силу которого ЕС наделялся полномочиями по работе в сфере гражданского права, в том числе и в сфере коллизионного права. Впрочем, в связи со значительным увеличением числа стран-участников и, соответственно, усложнением механизма ратификации европейских соглашений, большого практического значения данное изменение не имело.

Таким образом, со времени вступления в силу Римского договора на платформе европейской интеграции не было принято каких-либо международных соглашений и европейских актов, в том числе направленных на регламентацию внедоговорных отношений.

Первый проект Конвенции о праве применимом к договорным и внедоговорным обязательствам был подготовлен в 1972 году, но присоединение Великобритании и Ирландии привело к ограничению сферы применения конвенции к контрактным обязательствам.

В октябре 1994 года Европейский Совет объявил план, целью которого было создание регламента о праве, применимом к внедоговорным обязательствам. В то же время Европейская комиссия представила проект Регламента, подготовленный Европейской группой по международному частному праву (GEDIP) в рамках проекта Гроциус (Grotius), который так и не был принят.

Изменения произошли в мае 1999 года со вступлением в силу Амстердамского Договора. Государства-члены смогли унифицировать международное частное право с помощью регламентов, которые, в соответствии с Договором о создании Европейского Союза имели прямое действие и обязательную силу для всех участников.

В мае 2002 года Европейская Комиссия представила проект регламента о праве, применимом к внедоговорным обязательствам, а в 2003 году после обсуждения и внесения необходимых изменений проект регламента был направлен в Европейский парламент и 11 июля 2007 года регламент был принят.

Принятие данного Регламента является важным по нескольким причинам. Во-первых, этот документ увенчал сорокалетнюю историю унификации норм, регламентирующих внедоговорные обязательства, длившуюся со времен подготовки Римской Конвенции 1967 года. Во-вторых, в связи с разработкой регламента возникла необходимость внесения большого количества изменений в текст документа и впервые у Совета и Парламента возникли на этот счет разногласия. В-третьих, несмотря на значительное количество регламентов, принятых в соответствии с Договором о создании Евросоюза, Регламент «Рим II» стал первым регламентом, который регулировал применимое право. В-четвертых, впервые именно попытки развить европейское коллизионное право и переговоры по этому поводу привлекли трансатлантическое внимание, особенно со стороны ученых из США. И наконец, взаимоотношение регламента с некоторыми конвенциями, в частности с Гагской Конвенцией о дорожных происшествиях, было вновь внесено в Брюссельскую Программу действий и до сих пор вызывает споры.

Проведенное исследование показало, что принятие Регламента о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») стало важным этапом в процессе унификации коллизионного права Европейского Союза. По сути, после принятия

Регламента «Рим II» вслед за Регламентом ЕС №44/2001 от 22 декабря 2000 года о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам и Регламентом ЕС № 593/2008 от 17 июня 2008 (Рим I) о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, можно утверждать, что был сформирован так называемый кодекс международного частного права Евросоюза,

Литература:

1. “The Rome II Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations: The European private international law tradition continued” Dr. Xandra E. Kramer [http://publishing.eur.nl/ir/repub/asset/14226/2008%20Rome%20II%20Regulation%20-%20NIPR%20\(Kramer\).pdf](http://publishing.eur.nl/ir/repub/asset/14226/2008%20Rome%20II%20Regulation%20-%20NIPR%20(Kramer).pdf)
2. “Looking for the Law Applicable to Non Contractual Obligations in the Regulation Rome II” Magdalena Wasylkowska http://www.law.muni.cz/edicni/sborniky/cofola2008/files/pdf/mps/wasylkowska_magdalena.pdf
3. Развитие международного частного права стран-членов Европейского Союза: На примере коллизионного права/Е.А. Патрикеев.//Правоведение. – 2006. - №5. – с. 121-132

Некоторые правовые аспекты и тенденции развития борьбы с киберпреступностью

“Согласованные действия Сторон в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации являются настоящей необходимостью” (Преамбула “Соглашения о сотрудничестве государств–участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации”)

Трунковский Л.З.

Студент 3 курса

*Международного института трудовых и социальных отношений,
Юридический факультет, Специальность Международное право, Минск, Беларусь
E-mail: 2_roger@mail.ru*

1. Развитие киберпреступности в эпоху глобализации.

Научно-техническая революция, изначально носившая военный характер, принесла миру множество открытий, позволивших объединить, сблизить страны и континенты. Она во много раз ускорила темпы глобализации.

Изобретение в 70-х гг. 20-го века волоконно-оптической передачи данных позволило мгновенно передавать невиданные до того объемы информации, что послужило развитию многих областей деятельности, например торговли и банковской сферы. Это в свою очередь ускорило развитие и популяризацию Интернета, а с другой стороны укрепило связи транснациональной преступности и повысило её эффективность.

Очевидно, преступность с применением технических средств перестала быть внутренней проблемой каждого государства и вышла на международный уровень и достигла угрожающих масштабов.

2. Правовая регламентация международного сотрудничества по недопущению распространения киберпреступности на современном этапе На универсальном уровне (в рамках ООН)

Секция «Юриспруденция»

Осознавая всю важность сотрудничества в сфере противодействия организованной транснациональной преступности и киберпреступности в частности, государства, вследствие постоянного изменения и усовершенствования видов и способов совершения данной отрасли преступлений, вынуждены вырабатывать общие средства и меры по борьбе с ними. С целью повышения эффективности борьбы с киберпреступностью были приняты следующие конвенции: “Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности” (от 15.10.2000 г.), “Конвенции Совета Европы об информационной преступности” (23.10.2001 г.).

На региональном уровне *(в рамках СНГ)*

1 июня 2001 года двенадцатью странами СНГ в Минске было подписано Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Данное соглашение, состоящее из семнадцати статей, помимо сотрудничества государств, предусматривает механизм ответственности за преступления, совершенные с применением технических средств.

На локальном уровне *(в рамках РБ - ОБСЕ)*

На мой взгляд, состоявшийся 12 ноября 2008 г. в Международном учебном центре подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми Академии МВД семинар явился новым этапом международного сотрудничества для нашей республики. Он был инициирован Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Офисом ОБСЕ в Минске при поддержке Министерства иностранных дел РБ и посвящен вопросам совершенствования законодательства в области борьбы с кибернетической преступностью в Республике Беларусь.

3. Нормативное закрепление деятельности по борьбе с киберпреступностью в Республике Беларусь

В республике Беларусь создана нормативно-правовая база, регулирующая отношения в области компьютерных преступлений, а именно:

Раздел 12. Глава 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (от 02.06.1999 в ред. 2007г.) “Преступления против информационной безопасности”.

Законы РБ: “Об авторском праве и смежных правах” (от 12.05.1996г. в редакции 2003г.) “Об электросвязи” (от 19.07.2005 г.), “Об информации, информатизации и защите информации” (от 10.10.2008г.) и т.д.

Думается, что создание в 2002 г., в системе Министерства внутренних дел, Управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД Республики Беларусь, именуемого управлением “К” привело к оптимизации деятельности по декриминализации обстановки в сфере информационных технологий (ИТ). По словам министра внутренних дел Белоруссии В.Наумова, благодаря действиям правоохранительных органов, совершенствованию и исполнению законодательства, преступность в стране по некоторым показателям снизилась до уровня советских времён.



(В.Наумов)

В связи с Декретом Президента Республики Беларусь 2005 г., в целях проведения разработок современных ИТ и увеличения их экспорта, привлечения в эту сферу отечественных и иностранных инвестиций был создан Парк высоких технологий (ПВТ). За 4 года существования, ПВТ доказал свою эффективность и конкурентоспособность на рынке ИТ разработок, что подтвердил директор ПВТ В.Цепкало. Так, объем производства товаров (работ, услуг, объектов интеллектуальной собственности) в ПВТ в 2008 году составил Br 260,5 млрд. и по сравнению с 2007 годом увеличился в 1,8 раза; компании-

резиденты ПВТ в прошлом году оказали услуг по разработке программного обеспечения на экспорт на сумму \$102,5 млн. Доля экспорта в общем объеме производства ИТ составила 85%. Экспорт ПО компаний-резидентов ПВТ за период с 2005 по 2008 год увеличивался ежегодно в среднем в 2 раза.



(В.Цепкало)

4. Формы международного сотрудничества в противодействии киберпреступности

Вышеназванная конвенция ООН (от 15.10.2000 г.) предложила принципиально новые формы сотрудничества государств в сфере борьбы с оргпреступностью. В частности, предусмотрены различные виды взаимной правовой помощи (ст.18 п.3.) Также, согласно (ст.19), предусмотрено проведение совместных расследований. Ст.ст. 16-17 регулируют порядок выдачи обвиняемого и передачи осужденных преступников. Ст. 31 создание публичного реестра для определенных категорий физических и юридических лиц как на национальном, так и на международном уровнях. Таким образом Конвенция содействует обмену информацией между странами о формах транснациональной организованной преступности и тенденциях в этой области, а также об успешных методах борьбы с ней.

Вывод:

Бесспорно, что международное сотрудничество – наиболее эффективный метод противодействия киберпреступности. Что находит свое отражение в статистике влияния принятых конвенций на раскрываемость преступлений в сфере ИТ. Имплементируя международно-правовую базу в национальном законодательстве и вырабатывая собственные меры по борьбе с киберпреступностью, РБ вносит весомый вклад в дело международной интеграции по борьбе с транснациональной преступностью.



К сожалению, европейские государства недооценивают то, насколько надёжным барьером на пути распространения транснациональной преступности мы являемся. А.Г.Лукашенко.

Литература

1. Меркушин В.В. (2003) Борьба с транснациональной организованной преступностью. Мн.:Амалфея.
2. Каламкарян Р.А., Мигачёв Ю.И. (2005) Международное право. Учебник. Мн.:Эксмо.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999г с изменениями и дополнениями (2007) Мн.:Амалфея.
4. Миркушин В.В. (2001) О повышении роли ООН в области борьбы с транснациональной преступностью и ее организованными структурами / Беларусский журнал международного права и международных отношений. №3.
5. www.mvd.gov.by (*Сайт МВД Республики Беларусь*).

Секция «Юриспруденция»

6. www.park.by (*Сайт ПВТ*).

7. www.un.org (*Сайт ООН*).

8. www.cis.minsk.by (*Сайт СНГ в РБ*).

9. www.crime-research.ru (*Центр исследования компьютерной преступности*).

Современные международно-правовые аспекты статуса беженцев на примере России и Грузии

Усманов Маратжан Махсатжанович

Аспирант кафедры международного права

Ягеллонский университет

факультет права и администрации, Краков, Польша

E-mail: usmanov85@gmail.com

Проблемы положения беженцев без преувеличения могут быть отнесены к числу наиболее острых и болезненных проблем современного мира, ибо они затрагивают коренные интересы народов или государств.

Следует подчеркнуть, что через призму этого круга вопросов рассматривается значительная часть внешне- и внутривнутриполитических проблем той или иной страны, а варианты, которые предлагает руководство страны, чтобы решить данную проблему, уже давно стали мерилем демократичности, патриотизма и иных достоинств нынешних политиков.

Вопросы, вызванные к жизни современными миграционными потоками, имеют множество международных аспектов, что налагает свой, подчас негативный, отпечаток на политические отношения государств. Сегодня, как и многие десятилетия назад, миграционные потоки порождены разного рода конфликтами, вынуждающими сотни тысяч людей срываться с обжитых мест. Лишенные доступа к средствам социальной и правовой защиты, которые призвано обеспечивать государство, беженцы оказываются наиболее уязвимой группой населения. Это резко усиливает необходимость принятия международным сообществом специальных мер для облегчения их бедственного положения.

Глобальные изменения, затронувшие мир в конце двадцатого столетия, требуют переосмыслить и заново оценить правовые аспекты проблем беженцев. Таким образом, актуальность темы определяется необходимостью разработки и создания нового единообразного подхода к анализу правового аспекта проблем беженцев как на международном, так и на национальном уровнях с учетом реалий 21 века. Решение столь сложной задачи возможно лишь с учетом богатого исторического опыта, накопленного мировым сообществом в данной области. Новейшая история дает немало примеров того, какие большие усилия были приложены ведущими странами мира для разработки и принятия международных универсальных соглашений, создания системы международного сотрудничества в этой области, для совершенствования национального законодательства и т.д.

Имея поистине глобальный характер, данная проблема приобрела в 90-е годы особую актуальность и для Грузии. Межэтнические конфликты в Абхазии и Южной Осетии вынудили к бегству свыше 300 тысяч людей. Правовые аспекты положения этих людей до сих пор остаются не до конца решенными. Присутствие столь многочисленной группы беженцев с неопределенным в правовом отношении статусом отрицательно влияет на экономическую и криминальную ситуацию в стране.

Особую остроту проблема беженцев приобрела и в связи с последними событиями в Ираке. Военная акция коалиции стала причиной возникновения нового потока беженцев. Многие страны, выразив готовность оказать помощь беженцам на месте, отказались принять их у себя (Иран).

Выбранная тема актуальна также и тем, что после распада СССР на территории новых независимых государств в силу целого ряда причин, в том числе и возникновения большого числа вооруженных конфликтов, в настоящее время мигрирует в поисках убежища более 10 млн. человек.

Актуальность темы подтверждается и событиями, происшедшими в результате военного вмешательства государств-членов НАТО против Союзной Республики Югославия. Как отмечает Иванов Д.В. «Военные акции альянса стали причиной гуманитарной катастрофы. Сотни тысяч беженцев (албанцев, сербов, венгров) были вынуждены покинуть свои дома и искать убежища на территории сопредельных стран». В данной ситуации было необходимо предпринять срочные меры для правового обеспечения соответствующего статуса этих беженцев.

Следует подчеркнуть, что в течение XX века наблюдалось интенсивное расширение миграционных потоков, а к концу века феномен миграции стал составляющим фактором всех глобальных проблем. Все это потребовало выработки таких новых подходов к миграционной политике, которые бы способствовали достижению и поддержанию баланса интересов стран, участвующих в регулировании миграционных процессов.

Все возрастающее число беженцев, появление новых категорий вынужденных мигрантов, острота их положения настоятельно требуют приведения статуса беженцев в соответствие с существующими нормами международного права, а в дальнейшем (если это будет необходимо) - и пересмотра действующих норм.

Система современного международного сотрудничества по проблеме беженцев не является полностью унифицированной, а напротив - состоит из нескольких систем, порой не связанных между собой никакими международно-правовыми соглашениями, имеющих свои отличительные черты и особенности и при этом недостаточно скоординированных. Нельзя категорично утверждать, что вышеуказанные системы сотрудничества совсем не взаимодействуют между собой и носят абсолютно закрытый характер. Но, очевидно, что слабое взаимодействие - одна из многочисленных причин малоэффективного международного сотрудничества по проблеме беженцев, что в свою очередь негативно отражается на общей ситуации с беженцами в мире.

Предметом исследования являются международно-правовые аспекты проблем беженцев; международные проблемы определения статуса беженца; система международного сотрудничества, обеспечивающая защиту прав беженцев на глобальном и национальном уровне; нормы внутреннего и международного права, регулирующие правовой статус беженцев; законодательство европейских стран по проблемам беженцев; правовое положение беженцев в Российской Федерации и Грузии, а также некоторые другие аспекты правового статуса беженцев.

Целью настоящего исследования является изучение современных тенденций и классификация проблем, связанных со статусом беженцев по международному и национальному праву, определение основных подходов к их разрешению, а также комплексный анализ международных договоров и национального законодательства, регулирующих правовой статус беженцев.

В настоящем исследовании автор предпринял попытку комплексно рассмотреть все аспекты, связанные с современными правовыми проблемами беженцев, обобщив многие научные труды, и на этой основе выработать ряд новых идей теоретического и практического характера, и также сформулировать новые практические рекомендации с целью решения правовых проблем, касающихся статуса беженцев в международном и внутригосударственном праве.

Литература

1. Иванов Д.В. Правовой статус беженцев в международном и внутригосударственном праве, М., 1999.

2. Сарашевский Ю. Л. Роль Лиги Нации в Формировании права беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений, №1, 2000.

Международное экономическое право как отрасль и ее подотрасли

Ханина Н.Д.

Студент

*Уральская Государственная Юридическая Академия,
Институт Государственного и Международного Права, Екатеринбург, Россия
E-mail: Khanina1@yandex.ru*

Международное экономическое право сегодня охватывает многоуровневый, широкий круг отношений, связанных так или иначе с хозяйственными аспектами деятельности человека, имущественными или стоимостными факторами. Традиционно международное экономическое право понимается как отрасль международного публичного права. Тем не менее, вопрос об отраслевой принадлежности и юридической природе МЭП является довольно дискуссионным.

Советская доктрина международного права почти единодушна в том, что международное экономическое право представляет собой отрасль современного общего международного права. М.И. Лазарев в своей работе «Теоретические вопросы современного международного морского права» обозначил круг условий или перечень критериев, необходимых для признания системы правовых норм в качестве отрасли права. Он считает, что таковыми являются следующие условия: "1) специфический круг общественных отношений; 2) специфические нормы, регулирующие эти отношения; 3) достаточно крупная общественная значимость круга общественных отношений; 4) достаточно обширный объем нормативно-правового материала; 5) заинтересованность обществ в выделении новой отрасли права; 6) специальные принципы права, регулирующие построение новой отрасли».

Рассмотрев на основе приведенных критериев вопрос о наличии отрасли международного экономического права, можно констатировать, что она ими обладает.

В настоящее время правоведы кафедры международного права МГЮА выделяет два уровня международных экономических отношений: между государствами и иными субъектами международного права (в частности, между государствами и международными организациями), с одной стороны; между физическими и юридическими лицами различных государств, а также между государством и физическими и юридическими лицами, принадлежащими иностранному государству, - с другой. И если отношения первого уровня регулируются международным экономическим правом, то основная масса отношений, осуществляемых на втором уровне, регулируется национальным правом каждого государства, причем особая роль при этом принадлежит такой его сфере, как международное частное право.

Зарубежная доктрина МЭП в немалой степени под воздействием идей глобализации развивается в русле пересмотра многих устоявшихся представлений о международном публичном праве, стремясь к обоснованию некой новой наднациональной системы регулирования, не связанной ни с классическим международным правом, ни с внутригосударственным правом – т.н. «транснационального права».

Д. Карро и П.Жюйар не разделяют подходов, согласно которым все нормы, регулирующие экономические операции (в том числе и выходящие за пределы одного государства частноправовые сделки), должны включаться в МЭП. Согласно им, международное экономическое право, продолжая оставаться «рамочным правом», охватывает вопросы, касающиеся правового закрепления лиц, их инвестиций, международной торговли имуществом и услугами, а также ее финансового обеспечения. Интересна точка зрения Трахтмана. В своей работе «Революция в международном экономическом праве» он соотносит такие понятия как международное частное право,

международное публичное право, международное бизнес-право и международное экономическое право. Подчеркивая, что сейчас границы между международным публичным и международным частным правом фактически стерлись, среди субъектов международного права Трахтман выделяет частные лица и государства. Согласно его теории, международное экономическое право считается так называемым видом "публичного" международного права, при том, что имеет свои, особенные цели. На сегодняшний день экономическая интеграция является главным стимулом для нового публичного международного права и богатейшим источником нового законодательства; оно обеспечивает функциональную основу для новой эры международной конституционализации.

Нельзя дать однозначного ответа и на вопрос о внутренней системе указанной отрасли. Каждый из аспектов хозяйственной деятельности человека имеет свой, только ему присущий объект (торговля, финансы, инвестиции, транспорт и т.п.), что и предопределяет общность, системность определенных международно-правовых норм, регулирующих межгосударственное сотрудничество в тех или иных крупных, достаточно автономных блоках экономических отношений. С этих позиций в качестве относительно самостоятельных подотраслей МЭП выделяются международное торговое право, международное транспортное право, международное таможенное право, международное инвестиционное право и международное технологическое право. В.М.Шумилов наряду с торговым и инвестиционным правом упоминает и о международном финансовом, трудовом праве и праве международной экономической помощи. По его мнению, в состав данной отрасли входят и нормы таких межотраслевых международно-правовых институтов, как институт морских исключительных экономических зон, институт морского дна как общего наследия человечества, институт услуг в области авиaperевозок, институт коммерческой деятельности по исследованию и использованию космического пространства и др. Г.М. Вельяминов в качестве критерия разграничения сфер применения МЭП и других отраслей международного публичного права рассматривал наличие коммерческого элемента (извлечения прибыли) в тех или иных регулируемых правоотношениях, а также наличие охраняемых имущественных прав.

Проанализировав все обозначенные мною точки зрения по поводу отраслевой принадлежности международного экономического права, я могу сделать вывод: международное экономическое право является довольно сложной системой, которая охватывает как отрасль международного публичного, так и международного частного права. На мой взгляд, МЭП нельзя однозначно отнести ни к тому, ни к другому. Понятие «международное» подразумевает под собой всеобщую, межгосударственную область регулирования. Термин «экономическое» указывает на то, что предметом регулирования международного экономического права являются экономические отношения, а они весьма многообразны и многоуровневые. Таким образом, МЭП лежит несколько в иной юридической плоскости – вобрав в себя как частно-правовой, так и публично-правовой элементы, оно представляет собой некую особую, интегрированную отрасль. Деление этой отрасли на подотрасли весьма относительно, т.к. в ее состав по большей части входят межотраслевые международно-правовые институты.

Литература

1. Белов А.П. (2001) Международное промышленное и научно-техническое сотрудничество: понятие и правовые формы // Журнал «Право и экономика», №5.
2. Кузьмин Э.Л. (2007) Международное экономическое право // М., 2007.
3. Лисовский В.И. «Правовое регулирование международных экономических отношений», М., 1984.
4. Шатров В.П. (1990) Международное экономическое право // М.
5. Шумилов В.М. (2002) Международное экономическое право // М.

6. Joel P.Trachtman (1996) The International Economic Law Revolution // University of Pennsylvania, Journal of International Economic Law.

Проблемы реализации ответственности перевозчика за вред, причиненный жизни и здоровью пассажира при международных воздушных перевозках

Хрушкова Э.С.

студентка

Государственный университет управления, Институт государственного управления и права, специальность: юриспруденция, Москва, Россия

khrushkova_elvir@mail.ru

Цель статьи - рассмотрение видов ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью пассажира, сравнительная характеристика, развитие, предложение некоторых новаций, в отношении ответственности при осуществлении авиаперевозок.

Основополагающий комплекс документов - Варшавская система: Варшавская конвенция, Гаагский протокол 1955 г., Гватемальский протокол 1971 г. и четыре Монреальских протокола 1975 г., Конвенция, дополняющая Варшавскую конвенцию для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, осуществляемых лицами, не являющимися перевозчиками по договору, подписанную в Гвадалахаре 18 сентября 1961 года (Гвадалахарская конвенция). Недоработки:

- отсутствие определения перевозчика, не урегулирован вопрос осуществления международных воздушных перевозок лицом, не являющимся стороной договора.
- низкие по сравнению с сегодняшними социальными и экономическими стандартами пределы ответственности, не разрешена проблема длительных разбирательств, вредящих деловой репутации воздушного транспорта в целом.
- насчитывает свыше 10 документов (затруднения в правоприменительной практике)
- отсутствие на практике не высокой эффективности по причине того, что в подписании каждого из документов участвовало разное число государств
- отказ ряда государств от ратификации всех документов Варшавской системы, объясняется невозможностью достижения компромисса относительно пределов ответственности воздушных перевозчиков, а также стремлениями ряда государств использовать положения соответствующих документов для облегчения национальным авиационным компаниям условий конкуренции на рынке воздушных перевозок.

Регламент ЕС от 9 октября 1997 г. № 2027/97 об ответственности воздушного перевозчика в случае происшествий, имеет преимущество перед всеми соглашениями, которые упоминались выше и носили скорее частный, чем публичный характер, так как имеет статус официального нормативного акта, подлежащего исполнению и непосредственному применению. Достоинства:

- документ выходит уже за рамки собственно международных перевозок
- цель - установление единых правил для международных и внутренних перевозок перевозчиками Европейского сообщества
- устраняет пределы ответственности авиаперевозчиков в связи со смертью или телесным повреждением в результате несчастного случая

С учетом направлений сложившейся международной практики 28 мая 1999 г. на Международной конференции по воздушному праву была принята Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреальская конвенция). Особенности:

- возможность участие в ней не только государств, но и региональных организаций экономической интеграции
- более высокий порог ответственности перевозчика по такому договору
- ответственность перевозчика за вред, происшедший в случае смерти или телесного повреждения пассажира, только при условии, что происшествие, произошло на борту воздушного судна или во время любых операций по посадке или высадке (не более 100 тысяч СПЗ, около 135 тысяч долларов США)
- отменяет ограничения ответственности перевозчика за вред, происшедший в случае смерти или телесного повреждения пассажира, при международных перевозках
- отсутствие четких обязанностей по уплате предварительных выплат, оставив этот вопрос на разрешение национальных законодательств
- консолидация эта будет носить позитивный характер только при замене Монреальской конвенцией Варшавской системы
- необходимость ратификации новой конвенции как можно большим количеством государств (в том числе Российской Федерацией)

Очевидна целесообразность присоединения РФ к Монреальской конвенции 1999, а так же закрепление на законодательном уровне критериев и методики определения размера возмещения вреда, использование судами заключений специалистов в судебных решениях размера возмещения вреда

Библиография:

1. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшавская Конвенция, измененная в Гааге в 1955 г.) // Сборник Законов и Распоряжений Рабочее-Крестьянского правительства СССР. – 1934. Отд.П. - № 20.
2. Конвенция, дополнительная к Варшавской конвенции, для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, осуществляемых лицом, не являющимся перевозчиком по договору (заключена в Гвадалахаре 18 сентября 1961 г.) // Ведомости ВС СССР. – 1984. - № 7.
3. Протокол относительно изменения Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года (подписан в г. Гааге 28 сентября 1955 г.) // Ведомости ВС СССР. – 1957. № 8.
4. Протокол об изменениях Варшавской конвенции и Гаагского протокола 1955 г. (Гватемальский протокол, принят 8 марта 1971г.) // International legal materials/ 1971. № 3.
5. Дополнительные протоколы № 1-3 к Варшавской конвенции (Монреальские протоколы, приняты 25 сентября 1975 г.) // ICAO Doc. 9147
6. Монреальский протокол № 4 об изменении Варшавской конвенции, измененной Гаагским и Гватемальским протоколами (принят 25 сентября 1975 г.) // ICAO Doc. 9147.
7. Монреальское соглашение 1966 г. // Basic documents on international trade law. London. 1990.
8. Соглашение перевозчиков Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА) об ответственности при пассажирских перевозках от 31 октября 1995 г. // AIR and Space LAW.V.XXI. 1996. № 1.
9. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреальская конвенция, заключена в г. Монреале 28 мая 1999 г.) // СПС «Консультант плюс». Документ опубликован не был.
10. Регламент ЕС от 9 октября 1997 г. № 2027/97 об ответственности воздушного перевозчика в случае происшествий // Official Journal of the European Communities. 18.07.2001. L 194/38.
11. В мире вводится новый порядок компенсации за авиапроисшествия // Финансовые известия. -2003. – 5 ноября.

12. Трунов И.Л. Возмещение вреда жертвам авиакатастроф // Юридический консультант. - 2006. - № 9.

13. Unmack Tim. Civil Aviation: Standarts and Liabilities. London, Hong Kong. LLP. 1999.

Гуманитарная интервенция в практике разрешения конфликтов.

Халисова Н.М., Шарипова Л.С.

Студенты юридического факультета

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

E-mail: khalisova@yandex.ru

Предотвращение вооруженных конфликтов является основной деятельностью многих международных организаций в рамках поддержания международного мира и безопасности. Не смотря на это конфликты продолжают уносить ежегодно тысячи человеческих жизней и наносят тяжелейший ущерб национальным экономикам. Подавляющее большинство столкновений в настоящее время носит внутренний характер. Урегулирование внутрисударственного конфликта сталкивается с суверенитетом отдельных государств, зачастую не желающих постороннего вмешательства в свою национальную политику. Поэтому не случайно и то, что мировое сообщество ищет возможности эффективного противодействия таким проявлениям. Гуманитарное вмешательство, по мнению некоторых, одна из таких возможностей.

Возникает вопрос правомерности гуманитарной интервенции, ее объем и содержание в контексте международного права. Или, другими словами, когда, в каких ситуациях и позволено ли вообще применять государством или группой государств вооруженную силу с целью вмешательства во внутренние дела и юрисдикцию другого государств по причинам гуманитарного характера (при массовых репрессиях, при крупных нарушениях фундаментальных прав человека и т.п.), сознательно идя на нарушение территориального суверенитета и политической независимости с целью защиты гражданского населения этой страны.

Существует много авторов, считающих гуманитарную интервенцию не приемлемой и противоречащей нормам международного права. Однако такая практика существует и не исключено, что будет применяться и в будущем. В связи с этим некоторые авторы рассматривают данное явление в качестве одного из возможных методов урегулирования вооруженных конфликтов.

В настоящее время предпринимаются попытки дать определение гуманитарной интервенции в точных правовых терминах. Но, в виду большого количества, в основном, противоречивой литературы, а также широкого круга мнений по этой теме и при отсутствии последовательной, четкой и прозрачной государственной деятельности в этой области, единого определения так и не было выработано. Не дают его и международные документы.

На сегодняшний день гуманитарная интервенция не регулируется международным правом. Прежнюю практику гуманитарной интервенции пытались осуществлять в рамках Устава ООН. Согласно Уставу “все участники должны воздерживаться от угрозы или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства, равно как каких-либо других действий, несовместимых с целями ООН”. Из этого запрета делается два исключения: неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону и, в том случае, если ситуация представляет собой угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии. В соответствии со статьей 24 Устава, только Совет Безопасности может определять, существует ли угроза миру, нарушение мира или акт агрессии и, таким образом, является единственным органом в системе коллективной безопасности ООН, обладающим правом решать какие

меры могут быть предприняты для укрепления или восстановления мира и безопасности. Так как в государственной практике и в теории принято не причислять крупные нарушения фундаментальных прав человека к сфере, исключительно, внутренней компетенции государства, то Совет имеет право вводить принудительные меры согласно статье 42, если злодеяния и другие систематические или массовые нарушения фундаментальных прав человека внутри государства представляют собой угрозу миру или затрагивают поддержание или восстановление международного мира и безопасности.

Но гуманитарную интервенцию, как таковую, Устав ООН не предусматривает. Поэтому необходимо разработать единый механизм применения гуманитарной интервенции, который предусматривал бы условия и порядок ее проведения, возможные меры для предотвращения гуманитарной катастрофы, а так же контроль за действиями государства и/или группы государств, осуществляющих интервенцию.

Самым существенным недостатком проведения гуманитарной интервенции – это масштаб возможности злоупотребления таким правом. Это вызывает необходимость введения не только контроля, но и санкций по отношению к государствам, осуществляющих интервенцию в случае превышения своих полномочий.

К обязанностям гуманитарного интервента, по нашему мнению, должны относиться не только прекращение массовых нарушений прав человека, но и восстановление нормальной жизнедеятельности населения и функционирования государства, на территории которого проводится интервенция.

Ввиду отсутствия единого мнения по поводу правомерности проведения гуманитарной интервенции и радикальности данной меры (т.к. она носит вооруженный характер) считаем невозможным ее осуществление в будущем. Необходимо применять мирные средства урегулирования вооруженных конфликтов, развивать стратегии их предотвращения. Как справедливо отметил Кофи Анан в своем докладе «Предотвращение вооруженных конфликтов»: «самая дорогая превентивная мера всегда лучше самой дешевой интервенции».

Литература

1. Устав ООН от 24 октября 1945 г. // <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm>.
2. Доклад генерального секретаря «Предотвращение вооруженных конфликтов» от 7 июня 2007 г. A/55/985-S/2001/574 // <http://www.un.org/russian/document/sreport/sc/2001/index.html>.
3. Гусейнов В.А. (2001) Гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка? // Вестник аналитики. № 3.
4. Модин Н.В. (2007) Гуманитарная интервенция» как метод регулирования международных конфликтов // Власть. № 3.

Правовой статус многонациональных компаний

в современном международном праве

Якубовская Н.А.

к.ю.н., доцент

Одесская национальная юридическая академия, факультет международно-правовых отношений и юридической журналистики, Одесса, Украина

E-mail: yakubovska_n@yahoo.com

Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что современные международные отношения обусловлены не только интенсификацией взаимодействия на международной арене традиционных акторов, но и увеличением влияния новых сил, прежде всего таких частных транснациональных объединений, как многонациональные компании (МНК). Существующие на сегодняшний день международно-правовые акты не решают всех проблем, связанных с деятельностью МНК, что не просто негативно отражается на международной правовой системе, но и ставит под сомнение ее эффективность. Данная ситуация спровоцировала появление в юридической литературе множества концепций, которые обосновывают необходимость радикального отхода от классической доктрины международного права, которая признает его субъектами только государства и международные организации.

Как известно, в международном праве нет нормы, которая содержала бы перечень его субъектов. Ситуация усложняется отсутствием в юридической литературе согласия по поводу элементов международной правосубъектности. Большинство ученых признает, что международная правосубъектность, прежде всего, выражается в способности лица быть носителем международных прав и обязанностей, а также участником международных правоотношений.

Когда речь заходит непосредственно о международной правосубъектности МНК, то, обобщив существующие в литературе подходы к данному вопросу, можно выделить три доминирующие концепции. Первая заключается в отрицании наличия у МНК каких-либо прав и обязанностей в соответствии с международным правом и, таким образом, в непризнании их международной правосубъектности. Вторая концепция исходит из того факта, что МНК владеют определенными правами в соответствии с международным правом, несут определенные обязанности, эквивалентные государственным, а также принимают активное участие в формировании международного права, то есть признает наличие у МНК международной правосубъектности. В соответствии с третьей концепцией, международное сообщество еще только должно выработать эффективные формальные способы участия МНК в разработке и реализации международных норм, затрагивающих их интересы, и, таким образом, предоставить МНК ограниченную международную правосубъектность.

В современной западной литературе все чаще высказывается мнение, что именно последняя концепция является наиболее реалистичной и предполагает перспективу повышения эффективности регулирования деятельности МНК, а также предоставляет международной правовой системе возможность приспособиться к их новому статусу. Однако на данный момент времени доминирующей, особенно в отечественной литературе, остается позиция, согласно которой МНК субъектами международного публичного права быть не могут. Среди доводов, которые выдвигаются в ее подтверждение, наиболее распространенными являются следующие. Во-первых, специфика международного права обусловлена уникальностью объекта его регулирования, каковым являются отношения между государствами. Близким к первому является второй довод, в соответствии с которым предоставление МНК статуса субъекта международного права приведет к утрате доминирующего положения государств, что, в свою очередь, может его парализовать и нанести серьезный вред международным отношениям. В-третьих, предоставление МНК международной правосубъектности приведет к ослаблению государственного регулирования их деятельности, что предоставит этим субъектам больше возможностей для расширения своего экономического и политического влияния во всем мире.

Таким образом, хотя за последние десятилетия понятие правосубъектность в международном праве значительно расширилось, существующая сегодня международная структура до конца не учитывает важность таких экономически могущественных акторов, как МНК и некоторые другие негосударственные субъекты. Отсутствие ясности в вопросе

о правовом статусе МНК в международном праве приводит некоторых авторов к выводу, что данные субъекты вообще находятся вне права. При этом необходимо заметить, что МНК полностью устраивает отсутствие у них международной правосубъектности, что освобождает их от прямого воздействия норм международного права и позволяет осуществлять влияние, как на внутреннюю, так и на внешнюю политику государств.

Литература

1. Маратадзе Л.Н. К вопросу о понятии международной правовой субъектности // Вестник Московского университета. Серия XII. Право. - 1969. - №1. - С. 71.
2. Fleur Johns, The Invisibility Of The Transnational Corporation: An Analysis Of International Law And Legal Theory, 19 Melbourne U.L. Rev. (1994), pp. 893, 900.
3. Нгуен Куок Динь, Патрик Дайе, Ален Пелле Международное публичное право: В 2-х т. Т. 1: Кн. 1.: Формирование международного права Кн. 2.: Международное сообщество / Пер. с фр. – К.: Сфера, 2000. – С. 429.
4. W. Feld, Multinational Corporations And U.N. Politics, The Quest For Codes Of Conduct, (1980) p. 248.
5. Rosalyn Higgins, Problems And Process: International Law And How We Use It, (1994), pp. 49-50.
6. H. Kelsen, General Theory Of Law And State, (1945), pp. 97-98
7. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. - М., 1996. - С.18-19.

Влияние положений Конвенции о правах и обязательствах государств 1933 г. на кодификацию международного права

Яцишин М. Ю.

Студентка III курса Киевского университета права Национальной академии наук Украины, отделение международного права, Киев, Украина.

E-mail: marta_jazyshyn@mail.ru

Первичным, основным субъектом международного права традиционно считается государство. Парадоксально, но по состоянию на сегодняшний день не существует единого универсально провозглашенного обозначения понятия «государство». Оно существует на уровне доктрины, и зачастую выводится из понятия «государственный суверенитет». Единственным международно-правовым актом, который дает такое определение является Конвенция о правах и обязанностях государств, которая принята в рамках Организации Американских государств 26 декабря 1933 года в г. Монтевидео (далее – Конвенция Монтевидео). Соответственно с положениями названной конвенции: «государство – это субъект международного права, который должен обладать такими свойствами, как: (а) постоянное население; (б) определённая территория; (в) правительство; (г) способность вступать в отношения с другими государствами»¹.

Вопрос о сущности государства как субъекта международного права подымался на каждом историческом этапе. В древние времена государство отождествлялось с правителем, то есть монархом. Позже возникает деление на «цивилизованные» и «не цивилизованные» государства. По мнению Ф. Ф. Мартенса, например, государство представляет собой объективно существующий социальный организм, который складывается в ходе развития цивилизации. Решающим критерием «цивилизованности» государства является положение в нем личности, поскольку законом развития человеческого общества, проходящим через всю историю, является «начало уважения человеческой личности»⁴. Идеи Мартенса находят свое воплощение в Парижской хартии для новой Европы от 21.11.1990 г., где обозначено, что новые государства будут

признаны, если они придерживаются принципов прав человека, демократии та рыночной экономики.

Борьба латиноамериканских государств за осуществление принципа невмешательства толкала к провозглашению новых проектов деклараций о правах и обязанностях государств, с тем, чтобы в них повторно закрепить принцип невмешательства. А так как признание или непризнание государств и правительств часто служили средством вмешательства, то в ст. 3 было записано: «Политическое существование государства не зависит от его признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость, заботится о сохранении (своего существования) и о благосостоянии и, следовательно, организоваться так, как оно считает для себя подходящим, издавать законы относительно того, что затрагивает его интересы, управлять своими учреждениями (services) и определять юрисдикцию и компетенцию своих судов»¹. Это положение, по сути, выражает декларативную теорию признания.

Примерно полвека тому назад известный французский юрист-международник Ле Фюр задавался вопросом, а «существуют ли основные права государства»? Тогда же он констатировал, что по данному вопросу, который в доктрине международного права начал дискутироваться со времен Э. Ваттеля, так и не выкристаллизовалось сколько-нибудь единое мнение: не только не сложилось согласия по поводу существования такого рода прав и обязанностей, но и те авторы, которые признают их наличие, расходятся во мнениях относительно их содержания и перечня. Примерно такое же положение сохраняется в доктрине международного права и в настоящее время. Правда, Иглтон писал, что на рубеже XIX-XX вв. юристы-международники «почти единогласно» считали, что все государства, входящие в международное сообщество, обладают основными правами и обязанностями.⁵

На Конференции в Монтевидео, были провозглашены такие важные принципы (права) как: принцип равенства – «государства юридически равные, обладают теми же правами и имеют равные возможности (сараcity) их реализации» (ст. 4); принцип суверенитета – «юрисдикция государств в пределах их национальной территории распространяется на всех, проживающих там» (ст. 9); принцип сохранения мира – в качестве «первостепенного интереса государств» в конвенции было объявлено сохранение мира. (ст. 10); принцип неприкосновенности территорий, недопустимости, даже временной, военной оккупации или других средств прямого или косвенного принуждения по каким либо мотивам (ст. 11); принцип невмешательства – «ни одно государство не имеет права вмешиваться (to intervene) во внутренние или внешние дела другого» (ст. 8)¹.

В пределах ООН вопрос основных прав и обязанностей государств рассматривался еще в первые годы создания этой организации. 1949 г. Комиссия международного права подготовила по поручению Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации прав и обязанностей государств (резолюция 375 (IV)). К сожалению, государства активно не откликнулись на проект, и Генеральная Ассамблея отложила его рассмотрение.

Следовательно, с провозглашением Конвенции Монтевидео было впервые формально закреплено обозначение понятия «государство», что не имеет аналогов в современной системе международно-правовых актов. Учитывая, что названная конвенция была принята не региональном уровне, то есть не может создавать юридических обязательств для стран других регионов (не членов Организации Американских государств), всё же нельзя утверждать, что прогрессивные результаты не были восприняты мировым сообществом. Положения Конвенции Монтевидео признаны обычаем. Также ряд из них были заимствованы при создании проекта Декларации ООН прав и обязанностей государств, то есть в процессе кодификации международного права.

На современном этапе развитие института государства в международном праве обретает новую актуальность в связи с новыми угрозами и вызовами времени. Например, международно-правовая неурегулированность отношений, которые возникают из

признания или непризнания государств, угрожает миру и безопасности, а для нестойкого института ответственности нормы о сущности, правах и обязанностях государства могли бы стать фундаментальными положениями. По этому, необходимо: 1) универсальное закрепление четких положений о критериях государственности. Это может реализоваться в процессе принятия проекта Декларации прав и обязанностей государств 1949 г., но измененного в соответствии с новыми требованиями; 2) поиск новой формы закрепления прав и обязанностей государств, возможно теоретическое и практическое развитие направления «основных прав и обязанностей членства»; 3) восприятие регионального опыта стран американского континента другими регионами, в частности на бывшем советском пространстве.

Литература

1. Конвенция о правах и обязанностях государств. Международное право в избранных документах / Под. ред. В. Н. Дурденевского. – М., 1957. – Т. 1. – С. 34-35
2. Корецкий В. М. (1989) Избранные труды: В 2-х кн./ АН УССР. Ин-т государства и права; Редкол.: В. Н. Денисов (гл. ред.) и др. – Киев: Наук. думка. – Кн.2.
3. Л. А. Тимченко. (2006) «Критерии признания» или «критерии государственности». Определение момента возникновения государства как субъекта международного права. Материалы VII международной научно-технической конференции. Санкт-Петербург, 1-2 декабря 2006 г.
4. См.: Мережко А. А. (2006) История международно-правовых учений. – К.: Таксон
5. См.: Романов В. А. (2000) Проблема основных прав и обязанностей государства, международный правопорядок и концепция мира в XXI веке. Правоведение. - № 1